Кр 64/128
I
Экслиб.
КР64/128

УЧЕБНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

по

РУССКОЙ ИСТОРІИ

(ПОСОБІЕ КЪ КУРСУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ ВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ)

СОСТАВИЛЪ

А. Добряковъ.

ТОМЪ I-й.

ОТДѢЛЪ I-й.

Земля и ея [illegible]ды предъ началомъ государства (съ картою Восточной Европы въ половинѣ IX вѣка).

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1865.

Типографія И. Маркова и К°. Больш. Мѣщ. д. № 14.

БИБЛІОТЕКА
СИБИРСКАГО
КАДЕТСКАГО КОРПУСА

Отдѣлъ VI

№ ~~500~~ 695

Книга должна быть возвращена
не позднее указанного здесь срока

Колич. предыд. выдачи _____

УЧЕБНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

ПО

РУССКОЙ ИСТОРІИ

(ПОСОБІЕ КЪ КУРСУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРІИ ВЪ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ)

СОСТАВИЛЪ

А. Добряковъ.

ТОМЪ I-й.

ОТДѢЛЪ I-й.

Земля и ея народы предъ началомъ государства (съ картою Восточной Европы въ половинѣ IX вѣка).

Омская областная библиотека им. А. С. Пушкина №

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи И. Маркова и комп. Больш. Мѣщанск. д. № 14.
1865.

Quid juvat nosse omnes Graecorum et Romanorum Historias, terrarum situs, incolarum mutationes, priscos ritus, si in Patria tua hospes et ibi sem per puer sis?

Meibom.

(Какая польза въ томъ, что ты знаешь всѣ греческія и римскія исторіи, положеніе земель, перемѣны, происшедшія съ народами, обычаи древнихъ, если ты въ собственномъ своемъ отечествѣ остаешься всегда какъ чужезе-мецъ и совершенно не знаешь его?)

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 24494 1972 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Отечественной Исторіи въ ряду предметовъ общеобразовательнаго курса принадлежитъ безспорно одно изъ главнѣйшихъ мѣстъ. Кромѣ своей развивательной силы на равнѣ съ другими она и съ самой фактической стороны всего менѣе можетъ быть упущена какъ предметъ, который долженъ быть особенно знакомъ каждому. Съ тѣмъ вмѣстѣ, представляя въ своихъ матеріалахъ проявленія національнаго характера, болѣе или менѣе близкія и понятныя чувству каждаго, она служитъ къ развитію національнаго чувства, пробуждаетъ любовь къ родинѣ и къ родному народу.

Отечественная Исторія стоитъ уже давно на первомъ планѣ въ школахъ иностранныхъ.

Совершающіяся теперь перемѣны въ нашихъ гимназіяхъ имѣютъ тоже въ виду усиленіе Отечественной Исторіи, которая до настоящей поры, была заслонена Исторіей Всеобщей, поглощавшей все время и вниманіе преподавателя.

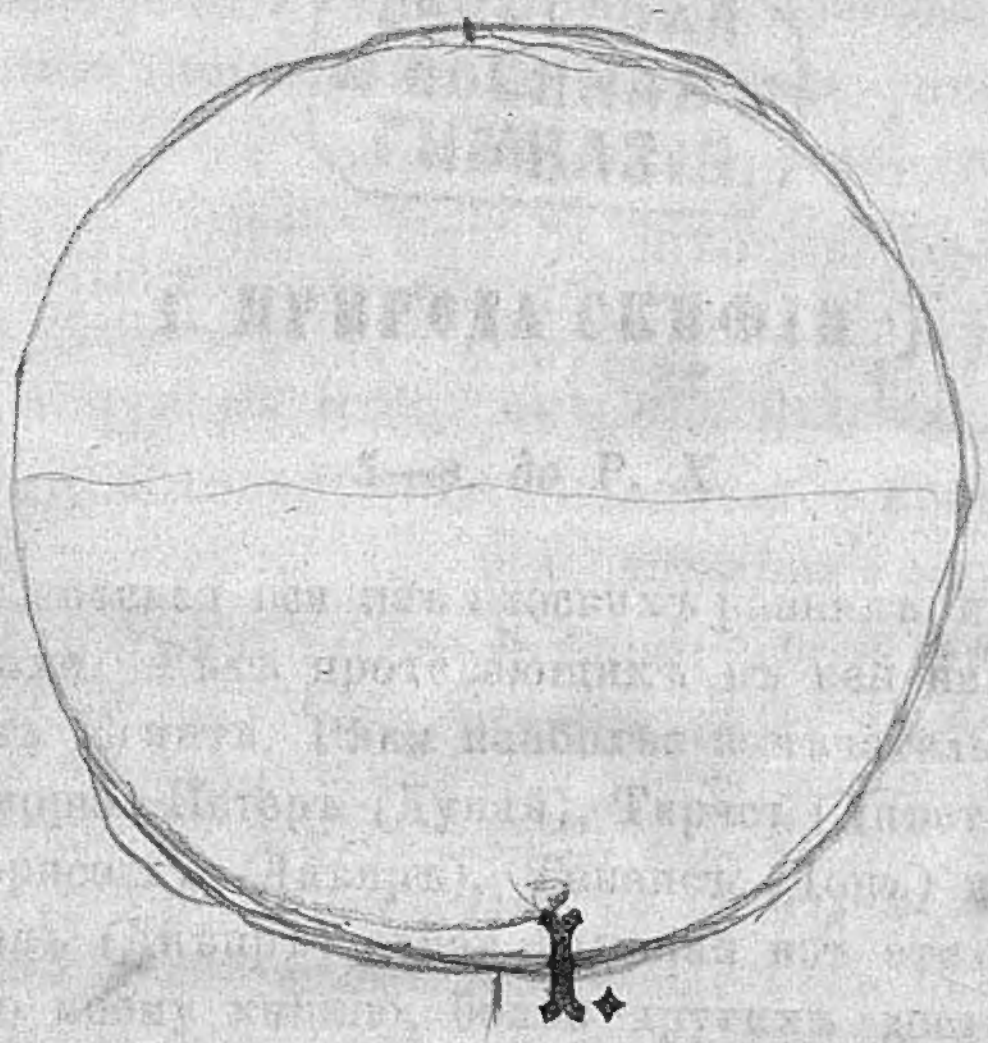
Руководясь желаніемъ доставить пособіе къ учебному курсу и вмѣстѣ средство къ болѣе полному ознакомленію съ Исторіей родины, предприняли мы изданіе настоящаго Сборника. Мы имѣли въ виду дать мѣсто въ Сборникѣ самымъ источникамъ, могущимъ ближе и живѣе знакомить съ извѣстнымъ временемъ и лицами, потомъ,-извѣстнымъ изслѣдованіямъ нашихъ ученыхъ, послѣдовательно разсматривающимъ предметъ, представляющимъ въ связи извѣстія къ нему относящіяся, вообще основаннымъ на положительныхъ данныхъ а

не на предположеніяхъ, также и доступнымъ по самому способу изложенія.

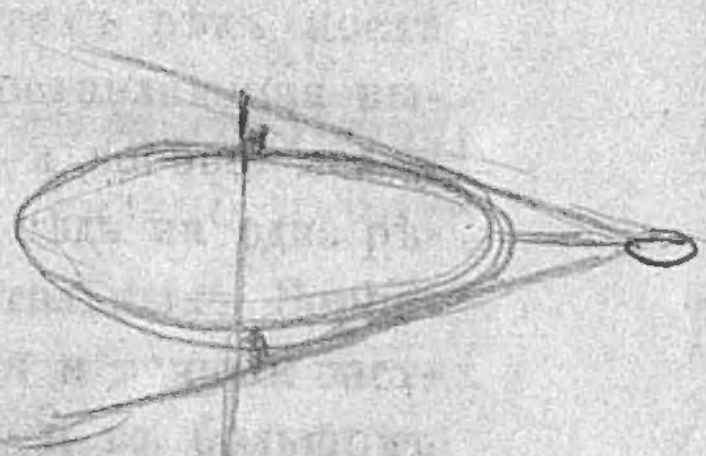
Теперь выходитъ первый Отдѣлъ Сборника, представляющій географическое и этнографическое обозрѣніе древней Россіи предъ началомъ въ ней государства. Нѣсколько широкій объемъ этаго отдѣла былъ вызванъ у насъ желаніемъ доставить какъ можно болѣе матеріала именно для той части въ курсѣ Русской Исторіи, которая обыкновенно оставляется въ тѣни по малоизвѣстности предмета.

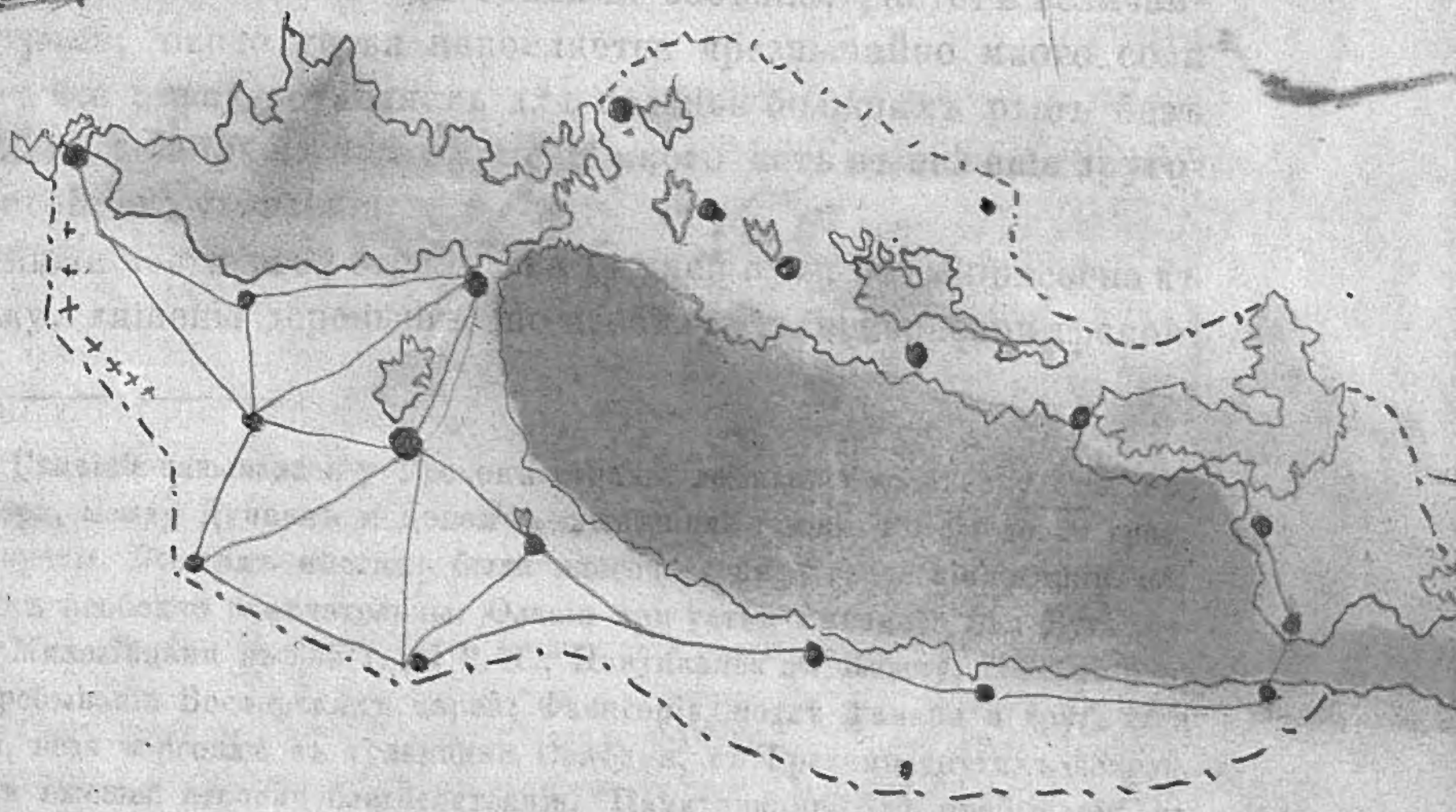
Представляя этотъ первый опытъ суду свѣдущихъ людей и сознавая, что онъ далекъ еще отъ своего совершенства, мы примемъ съ полною благодарностью всякій совѣтъ, ведущій къ его дальнѣйшему улучшенію. Мы хотѣли служить чѣмъ могли дѣлу успѣха родной Исторіи въ нашихъ гимназіяхъ и потому «господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените.»

Желая доставить возможность скорѣйшаго пользованія Сборникомъ, мы будемъ выпускать его болѣе или менѣе законченными отдѣлами. Слѣдующій отдѣлъ начнется съ основанія Западныхъ Славянскихъ государствъ, — государства Русскаго и до нашествія Татаръ включительно. Этимъ и окончится 1–й томъ Сборника.



ЗЕМЛЯ.





I

RIMS

СИБИРСКАЯ ✕ ВОЕННАЯ ✕ ГИМНАЗІЯ.

1. ПРИРОДА СКИФІИ [1]).

5—в. до Р. Х.

Земля Скифская вся изъ плоскихъ равнинъ, изобилуетъ травою и водами. Рѣкъ протекающихъ въ ней не меньше чѣмъ каналовъ въ Египтѣ. Рѣки наиболѣе замѣчательныя и приводящія къ морю: Истеръ (Дунай), Тирасъ (Днѣстръ), Гипанисъ (Бугъ), Борисѳенъ (Днѣпръ), Танаисъ (Донъ) и другія.

Борисѳенъ (Днѣпръ) самая большая изъ этихъ рѣкъ послѣ Истра и по моему мнѣнію, болѣе другихъ доставляющая выгодъ, не только между Скифскими рѣками, но и вообще между всѣми, исключая Египетскаго Нила, съ тѣмъ вѣдь ни одна рѣка сравниться не можетъ; изъ всѣхъ же остальныхъ Борисѳенъ самый выгодный. Близъ него прекрасныя и тучныя пастбища для скота; богатъ превосходной рыбой и въ большомъ количествѣ; вода его самая пріятная для питья и при томъ совершенно чиста, даже вблизи пороговъ; по его берегамъ отличныя жатвы, а тамъ гдѣ земля не засѣяна, растетъ величайшая трава; около устья накопляется чрезвычайно много соли и тамъ же рѣка доставляетъ для соленья большихъ рыбъ безъ костей, называемыхъ *антакеями* и много есть въ ней еще другого, достойнаго удивленія.

Южныя части этой страны, на 14 дней пути отъ Борисѳена къ востоку, лишены деревьевъ, но изобилуютъ прекрасной травой.

---

1) Скифіей называлась у Грековъ страна, лежавшая къ сѣверу отъ Чернаго моря, между Дунаемъ и Дономъ,—нынѣшняя южная Россія до 50 град. сѣв. широты. Въ тѣхъ мѣстахъ были многочисленныя греческія колоніи, изъ которыхъ особенно замѣчательны: Ольвія при устьѣ Гипаниса или Буга, основана Милезійцами въ 655 г. до Р. Х.; Пантикапея въ Крыму, близъ Керчи, мѣстопребываніе Босфорскихъ царей; Фанагорія, подлѣ Тамани и друг. Эти колоніи, ведя торговлю съ туземцами Скифами, съ Греками другихъ земель, достигли высшей степени благосостоянія. Памятниками ихъ пребыванія въ тѣхъ мѣстахъ служатъ разнаго рода предметы, открываемые теперь во многихъ частяхъ Южной Россіи. См. Записки Одесскаго Общества и Древностей; также: Изслѣдованія о древностяхъ Южной Россіи и береговъ Чернаго моря графа Алексѣя Уварова. С.-Петербургъ, выпускъ I, 1851 г.; выпускъ II, 1856 года.

Во всей Скиѳіи господствуетъ такая суровая зима, что въ теченіи восьми мѣсяцевъ продолжается невыносимая стужа: если польешъ тогда землю водою, этимъ грязи не сдѣлаешь, сдѣлается грязь, когда разложишь огонь. Характеръ тамошней зимы очень не похожъ на зимы другихъ странъ. Весной тамъ не бываетъ значительныхъ дождей, лѣтомъ же дожди не перестаютъ; въ другихъ мѣстахъ бываютъ грозы, тамъ ихъ нѣтъ зимою, лѣтомъ же очень сильныя, случится тамъ громъ зимою,—считается чудомъ. Землетрясеніе въ Скифской землѣ лѣтомъ или зимою большое диво. Что же касается до пуха, которымъ какъ говорятъ наполненъ воздухъ Скиѳіи, такъ, что нельзя идти впередъ и видѣть вдаль, то объ немъ я такъ думаю: въ мѣстахъ, которыя находятся выше упомянутой мною страны, постоянно идетъ снѣгъ, лѣтомъ конечно менѣе чѣмъ зимой. Кто видѣлъ вблизи, какъ идетъ большой снѣгъ, тотъ пойметъ, что я говорю: снѣгъ похожъ на пухъ.

И вотъ по причинѣ такой зимы, какъ описалъ я ее, не могутъ быть обитаемы мѣста этаго материка, лежащія на Сѣверѣ.

Геродотъ [1])

2. Природа Русской государственной области.

1851.

За долго до начала нашего лѣтосчисленія знаменитый Грекъ, котораго зовутъ отцемъ Исторіи, посѣтилъ сѣверные берега Чернаго моря: вѣрнымъ взглядомъ взглянулъ онъ на страну, на племена, въ ней жившія, и записалъ въ своей безсмертной книгѣ, что племена эти ведутъ образъ жизни, какой указала имъ природа страны. Прошло много вѣковъ, нѣсколько разъ племена смѣнялись одни другими, образовалось могущественное государство, но явленіе, замѣченное Геродотомъ, остается по

---

1) Геродотъ, Грекъ изъ Галикарнаса, родился въ 484 г. до Р. Х., совершилъ нѣсколько путешествій къ предѣламъ тогда извѣстнаго свѣта; въ одно изъ нихъ онъ посѣтилъ сѣверные берега Чернаго моря и описалъ ихъ, частію какъ очевидѣцъ, частію по разсказамъ греческихъ колонистовъ и скиѳскихъ купцовъ, приходившихъ въ греческіе города для обмѣна своихъ товаровъ. Описаніе Геродота подтверждается новѣйшими изслѣдованіями и открытіями;—оно помѣщено имъ въ 4-й книгѣ его Исторіи. Геродотовъ разсказъ о Скиѳіи переведенъ на русскій языкъ въ сопровожденіи примѣчаній г. Надеждинымъ (Записки Одесскаго Общества Исторіи и Древностей Т. I).

прежнему въ силѣ: ходъ событій постоянно подчиняется природнымъ условіямъ.

Предъ нами обширная равнина: на огромномъ разстояніи отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго до Каспійскаго путешественникъ не встрѣтитъ никакихъ, сколько-нибудь значительныхъ возвышеній, не замѣтитъ ни въ чемъ рѣзкихъ переходовъ. Однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію, — равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было въ началѣ разноплеменно ея населеніе, рано или поздно станетъ областью одного государства: отсюда понятна обширность Русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между ними.

Великая равнина открыта на Юговостокѣ, соприкасается непосредственно съ степями Средней Азіи: толпы кочевыхъ народовъ съ незапамятныхъ поръ проходятъ въ широкія ворота между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ, и занимаютъ привольныя для нихъ страны въ низовьяхъ Волги, Дона и Днѣпра; древняя Исторія видитъ ихъ здѣсь постоянно господствующими; Геродотъ свойствами страны объясняетъ причины этаго господства, но тотъ же Геродотъ замѣчаетъ, что берега Днѣпра, по своему необыкновенному плодородію, способны питать и земледѣльческое народонаселеніе; и вотъ преданія говорятъ о народныхъ движеніяхъ съ Запада, на встрѣчу кочевымъ ордамъ; на берегахъ Днѣпра и его притоковъ, на востокѣ и западѣ, селятся племена земледѣльческія, съ характеромъ Европейскимъ; они движутся все далѣе и далѣе на востокъ, но кочевники не скоро уступятъ имъ свои привольныя степи. Азія не перестаетъ высылать хищныя орды, которыя хотятъ жить на счетъ осѣдлаго народонаселенія: ясно, что въ исторіи послѣдняго, однимъ изъ главныхъ явленій будетъ постоянная борьба съ степными варварами.

Составляя восточную часть Европы, отличаясь климатомъ суровымъ, представляя на Юговостокѣ степь, населенную кочевыми племенами, смѣнявшими другъ друга въ постоянномъ стремленіи изъ Азіи, на Сѣверо-западѣ—страну покрытую дѣвственными лѣсами, наполненную рѣками, озерами, болотами, среди которыхъ кое гдѣ блуждали орды звѣролововъ, великая равнина не могла получить скоро многочисленнаго народонаселенія. Племена Славянскія раскинулись на огромныхъ простран-

ствахъ, по берегамъ большихъ рѣкъ; при движеніи съ юга на сѣверъ они должны были встрѣтиться съ племенами Финскими; но о враждебныхъ столкновеніяхъ между ними не сохранилось преданій: легко можно предположить, что племена не очень ссорились за землю, которой было такъ много, по которой можно было такъ просторно разселиться безъ обиды другъ другу.

Въ Русской Исторіи мы замѣчаемъ то главное явленіе, что государство, при расширеніи своихъ владѣній, занимаетъ обширныя пустынныя пространства и населяетъ ихъ; государственная область расширяется преимущественно посредствомъ колонизаціи; господствующее племя Славянское выводитъ поселенія свои все далѣе и далѣе въ глубь востока. Всѣмъ племенамъ Европы завѣщано исторіею высылать поселенія въ другія части свѣта, распространять въ нихъ христіанство и гражданственность; западнымъ Европейскимъ племенамъ суждено совершать это дѣло морскимъ, восточному племени,— Славянскому, сухимъ путемъ.

Однообразна природа великой восточной равнины, не поразитъ она путешественника чудесами; одно только поразило въ ней наблюдательнаго Геродота: «Въ Скиѳіи», говоритъ онъ, «нѣтъ ничего удивительнаго, кромѣ рѣкъ, ее орошающихъ: онѣ велики и многочисленны.» Въ самомъ дѣлѣ, обширному пространству древней Скиѳіи соотвѣтствуютъ исполинскія системы рѣкъ, которыя почти переплетаются между собою, и составляютъ такимъ образомъ по всей странѣ водную сѣть, изъ которой народонаселенію трудно было высвободиться для особенной жизни; какъ вездѣ, такъ и у насъ рѣки служили проводницами первому народонаселенію, по нимъ сѣли племена, на нихъ явились первые города.

Соловьевъ [1])

3. Главные рѣчные пути въ древней Руси.

XI в.

Былъ путь отъ Варяговъ [2]) въ Грецію и изъ Греціи къ Варягамъ: по Днѣпру, отъ верховьевъ Днѣпра волокъ [3]) до Ловати, по Ловати можно войти въ великое озеро Ильмень,

---

1) Исторія Россіи: т. 1, стр. 1.

2) Это имя давали въ тѣ времена народамъ, жившимъ у сѣверныхъ береговъ Балтійскаго моря. (См. ниже во 2 отдѣлѣ).

3) Волоками въ древней Руси назывались сухія пространства между рѣками, по которымъ суда переволакивались, т. е. неслись на плечахъ или тащились (См. ниже: путешествіе по Варяжскому пути); нѣкоторые города образовавшіеся при волокахъ, удержали до настоящей поры это названіе: Волокъ-Ламскій, Вышній Волокъ.

изъ этаго озера течетъ рѣка Волховъ и входитъ въ великое озеро Нево (Ладожское); устье этаго озера входитъ въ море Варяжское (Балтійское), [1]) по этому морю можно идти до самаго Рима, а отъ Рима по тому же морю можно придти къ Царюграду, а отъ Царяграда можно придти въ море Понтъ (Черное), въ которое втекаетъ рѣка Днѣпръ.

Днѣпръ вышелъ изъ Оковскаго лѣса и течетъ къ югу; Двина [2]) вышла изъ того же лѣса и течетъ на сѣверъ; изъ того же лѣса на востокъ пошла Волга и втекаетъ семьюдесятью устьями въ море Хвалисское [3]). Изъ Руси можно идти по Волгѣ къ Болгарамъ и къ Хвалисамъ, идя на Востокъ далѣе, можно придти въ Азію [4]); а по Двинѣ можно идти къ Варягамъ, отъ Варяговъ къ Риму, а отъ Рима въ Африку. Днѣпръ же втекаетъ въ Понтское море тремя устьями, это море слыветъ подъ названіемъ Русскаго, близъ него училъ Св. Андрей братъ Апостола Петра.

Преданіе о путешествіи Св. Андрея.—

Когда Андрей училъ въ Синопѣ, [5]) онъ однажды пришелъ въ Корсунь [6]) и узнавъ, что близъ Корсуня Днѣпровское устье, захотѣлъ пройти къ Риму, пришелъ въ Днѣпровское устье, потомъ, въ верхъ по Днѣпру и случайно остановился на берегу подъ горами. Утромъ всталъ и сказалъ, бывшимъ съ нимъ ученикамъ: «видите ли горы эти? на этихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія, будетъ городъ великій, многія церкви Богъ воздвигнетъ» и взойдя на горы, благословилъ ихъ, поставилъ крестъ и помолившись, сошелъ съ той горы, гдѣ потомъ былъ Кіевъ,—продолжалъ путь дальше въ верхъ по Днѣпру. Пришелъ къ Славянамъ, гдѣ теперь Новгородъ и видя

---

1) Рѣка Нева считалась въ древности устьемъ Ладожскаго озера и носила съ нимъ одно имя.

2) Двина Западная.

3) Море Хвалисское т. е. Хазарское. Поколѣніе Конгли, Хвалисы нашей лѣтописи, Chalisii Византійцевъ, занимали въ 11 вѣкѣ, бывшія кочевья Хазаръ, при устьяхъ Волги.

4) Объ этомъ восточномъ пути и о торговлѣ на немъ см. ниже: «Торговля Волжскихъ Булгаръ».

5) Греческая колонія на южномъ берегу Чернаго моря.

6) Корсунь, у Грековъ Херсонъ, древнѣе Херсонисъ,—Греческая колонія на Таврическомъ Полуостровѣ, основана Гераклейцами въ 5 вѣкѣ до Р. Х.; развалины ея сохранились до сихъ поръ подлѣ Севастополя. Какъ пограничный городъ Византійской Имперіи Корсунь принималъ дѣятельное участіе въ распространеніи Христіанства у народовъ Южной Россіи. Оттуда прежде всего Христіанство стало распространяться въ землѣ Хазаръ и у Славянъ Днѣпровскихъ. Это можетъ быть и служило основой, приведеннаго здѣсь преданія о путешествіи Св. Андрея. Подробнѣе о Херсонѣ см. у Кене: Изслѣдованія объ Исторіи и Древностяхъ города Херсониса Таврячезкаго Спб., 1848 года.

жившихъ тамъ людей, ихъ обычаи, какъ они моются, хвощатся, удивлялся имъ. Потомъ пошелъ къ Варягамъ, а оттуда въ Римъ. Придя разсказывалъ: «дивное видѣлъ я въ Славянской землѣ; идя сюда, видѣлъ я деревянныя бани, ихъ сильно разожгутъ, раздѣнутся до нага, обольются *квасомъ успѣянымъ* [1]), возьмутъ молодое прутье, бьютъ имъ себя до тѣхъ поръ, пока вылѣзутъ еле живыми, обольются холодной водой и опять оживаютъ. Это дѣлаютъ постоянно ни кѣмъ не мучимые, но мучатъ сами себя; дѣлаютъ тѣмъ не умовенье себѣ, а мученье». Всѣ слушая разсказъ, удивлялись. Андрей, пробывъ нѣкоторое время въ Римѣ, возвратился въ Синопъ. *Несторъ.* [2]).

4. Путешествіе по Варяжскому пути.

X вѣка.

Лодки, однодеревки [3]), приходящія въ Константинополь изъ дальней Руси, отправляются изъ Новгорода, приходятъ также изъ городовъ: Смоленска, Любеча, Чернигова и Вышъ города. Всѣ они плывутъ внизъ по теченію рѣки Днѣпра и сходятся у города Кіева.

Племена славянскія: Кривичи и другія въ зимнее время рубятъ у себя на горахъ своихъ лодки и обдѣлавъ ихъ, по вскрытіи льда сплавляютъ въ ближайшія озера. Потомъ переплавляютъ ихъ въ Днѣпръ и этою рѣкой приходятъ къ Кіеву; вытаскиваютъ свои однодеревки, выставляютъ ихъ и продаютъ Руссамъ. Тѣ покупаютъ одни только лодки и сами уже придѣлываютъ къ нимъ весла, уключины и другія принадлежности изъ старыхъ, разобранныхъ лодокъ; такимъ образомъ снабжаютъ ихъ всѣмъ необходимымъ.

Изъ Кіева выходятъ въ Іюнѣ мѣсяцѣ и спускаются по Днѣпру къ городу Витичеву. Здѣсь въ теченіи двухъ или трехъ дней собираются суда и когда всѣ собрались, трогаются въ путь и плывутъ внизъ по упомянутой рѣкѣ Днѣпру. Сначала они приплываютъ къ первому, рѣчному порогу, который зовется *Ессупи*, что на языкѣ Руссовъ и Славянъ значитъ: *не спать*. Это мѣсто такъ узко, что въ ширину не будетъ больше Циканистерія [4]); въ срединѣ высокія утесистыя скалы, которыя кажутся издали островами. Страшно бьется,

---

[1]) Квасъ усніянъ: значитъ вода, въ которой кипятилась трава ушица, или купальница, и которою мылись въ банѣ для истребленія накожныхъ нечистотъ. (Словарь 2-го Отдѣленія Академіи Наукъ, т. IV, стр. 362).

[2]) См. ниже.

[3]) Однодеревки, у Норманновъ «ask»: «осинники», легкія и небольшія лодки; прямыми потомками ихъ можно считать позднѣйшія чайки Запорожскихъ казаковъ.

[4]) Циканистеріемъ называлось въ Константинополѣ мѣсто, гдѣ императоры, ихъ сыновья и вельможи играли въ мячъ на лошадяхъ.

вздымается у нихъ вода и наконецъ съ ужаснымъ шумомъ низвергается внизъ. Потому Руссы не смѣютъ проходить чрезъ это мѣсто, но высаживаются неподалеку, выводятъ людей, а вещи оставляютъ въ лодкахъ. Потомъ входятъ въ воду и босыми ногами щупаютъ дно, чтобы не наткнуться гдѣ на камень. Пока они дѣлаютъ это, другіе даютъ ходъ лодкѣ шестами, кто на носу, кто по срединѣ судна, кто на кормѣ; съ такою-то величайшею осторожностью и заботливостью переправляются они чрезъ эту первую преграду, между утесами и берегомъ рѣки. Пройдя этотъ порогъ и посадивъ на лодки тѣхъ, кого высаживали, продолжаютъ плаваніе и приходятъ къ другому порогу, который у Руссовъ называется *Улворси*, у Славянъ *Островунипраг*, что значитъ: *острова порога*. Онъ сходенъ съ первымъ и также затруднителенъ для переправы. Потому здѣсь снова высаживаютъ людей и лодки проводятъ такъ, какъ разсказано выше. Равнымъ образомъ проходятъ они и третійпорогъ, называющійся *Геландри*, по славянски это переводится: *звукъ порога*. Приплываютъ потомъ къ четвертому большому порогу, который Руссы называютъ *Айфаръ*, а Славяне *Неаситъ*, потому что на его скалахъ вьютъ себѣ гнѣзда пеликаны. Тутъ суда пристаютъ къ берегу своей передней частью, выходятъ люди, избираемые для содержанія здѣсь стражи, стража содержится отъ Печенѣговъ, другіе вынимаютъ изъ лодокъ поклажу, высаживаютъ скованныхъ рабовъ и отводятъ ихъ на берегъ разстояніемъ на 6000 шаговъ, пока не минуютъ порога. Послѣ того суда частію тащатъ, частію несутъ на плечахъ и такимъ образомъ переправляютъ ихъ на другую сторону порога, спускаютъ опять въ воду, кладутъ товары, садятся сами и продолжаютъ плаваніе. Когда приходятъ къ пятому порогу, который зовется по русски *Баруфоросъ*, по славянски *Вулнипраг*, потому, что образуетъ большое озеро, — опять проводятъ суда чрезъ тѣснины рѣки, какъ при первомъ и второмъ порогахъ; достигаютъ шестого, который по русски зовется *Леанти*, а по славянски *Веруци*, т. е. *кипѣніе воды*. Пройдя такимъ же образомъ и этотъ порогъ, приплываютъ къ седьмому, по русски *Струбунъ*, а по славянски *Напрези*, что значитъ: *малый порогъ*. И доходятъ они до такъ называемаго Крарійскаго перевоза, гдѣ переправляются Херсонцы, возвращающіеся изъ Руссіи и Печенѣги, идущіе въ Херсонь. Перевозъ этотъ шириною съ Гипподромъ 1), а высота берега такова, на сколько глазъ можетъ усмотрѣть съ низу и на сколько можетъ хватить стрѣла, пущенная съ верху. Потому сюда приходятъ Печенѣги нападать на Русь.

---

1) Гипподромъ—циркъ, мѣсто конскихъ ристалищъ въ Константинополѣ.

Миновавъ это мѣсто, пристаютъ къ острову Св. Георгія; здѣсь они совершаютъ жертвоприношенія, потому что тамъ стоитъ дубъ огромной величины. Приносятъ въ жертву живыхъ птицъ; ставятъ кругомъ стрѣлы; другіе же приносятъ куски хлѣба и мяса или что другое, какъ у кого случится,—такой у нихъ обычай. Также бросаютъ жребій о птицахъ: ѣсть ли ихъ или убить, или отпустить живыхъ? За этимъ островомъ уже не опасаются нападенія Печенѣговъ до самой Селины (Сулинскаго рукава Дуная).

Двигаясь далѣе, они черезъ 4 дня приходили къ Днѣпровскому устью, тамъ лежалъ островъ Св. Ейферія (теперь Березань), они приставали къ этому острову и отдыхали тамъ два или три дня, снабжали опять лодки всѣмъ необходимымъ, если чего недоставало: парусами, мачтами, рулями, имѣя это все съ собой. Выйдя изъ Днѣпровскаго устья, они подвигались къ Днѣстру и если приходили благополучно, отдыхали еще.

Отсюда, при попутномъ вѣтрѣ плыли на парусахъ къ рѣкѣ Бѣлой, тамъ оставались нѣкоторое время и продолжали путь къ Селинѣ, такъ называется рукавъ Дуная. Когда они проходятъ Селину, берегомъ идутъ Печенѣги и если, какъ случается часто, море прибьетъ къ берегу нѣсколько судовъ, тогда высаживаются всѣ, чтобы общими силами отражать Печенѣговъ. Пройдя Селину, уже болѣе не встрѣчаютъ опасности. (Слѣдуетъ описаніе береговъ Болгарскихъ до Константинополя). Тутъ оканчивается это трудное плаваніе,—полное бѣдствій и страха.

Константинъ Порфирородный [1]).

---

[1]) Константинъ Порфирородный, Императоръ Византійскій, родился въ 905 г., умеръ въ 959 г. Какъ Государственный правитель не имѣетъ значенія; большую часть своей жизни онъ провелъ въ занятіяхъ литературными трудами и потому замѣчателенъ какъ писатель. Изъ многихъ его сочиненій особенно важны по отношенію къ Славянамъ: «Объ управленіи Имперіею» (De administrando imperio) и «о церемоніяхъ Византійскаго Двора» (De cegemoniis aulae Byzantinae). Никогда не выѣзжая изъ своей столицы императоръ собиралъ свѣденія о Славянахъ изъ вторыхъ рукъ. Отъ Русскихъ, торговавшихъ въ Византіи, онъ могъ имѣть довольно подробныя свѣденія о ихъ странѣ и народахъ ее населяющихъ. Болѣе подробныя свѣденія о жизни и литературной дѣятельности Константина Парфиророднаго можно найти въ сочиненіи Зернина: «О жизни и литературныхъ трудахъ Константина Багрянороднаго». Харьковъ, 1858 года. Приведенный здѣсь разсказъ о Днѣпровскихъ порогахъ разобранъ Лербергомъ. (Изслѣдованія, служащія къ объясненію древней Русской Исторіи, изд. Круга, Спб., 1819 года).

II.

НАРОДЫ ДРЕВНЕЙ РОССІИ

ПРЕДЪ НАЧАЛОМЪ ВЪ НЕЙ ГОСУДАРСТВА.

IX.

СЛАВЯНЕ.

Славянское племя простирается въ настоящее время до 80 милліоновъ. Его можно раздѣлить на два отдѣла: Славянъ восточныхъ и Славянъ западныхъ. Къ первому принадлежатъ Русскіе съ ихъ подраздѣленіями (Великоруссы, Малоруссы и Бѣлоруссы), за тѣмъ Болгары, Сербы съ ихъ подраздѣленіями (Сербы, Хорваты, Хорутане). Ко второму—Поляки, Чехи съ ихъ подраздѣленіями (Чехи, Мораване, Словаки), Лужичане (верхніе и нижніе, или горные и дольные) и изчезнувшіе Славяне Полабскіе [1]) и Балтійскіе.

Русскіе Славяне населяютъ большую часть Россійской Имперіи, въ Австріи—большую часть Галиціи, живутъ также въ Венгріи, Буковинѣ и по южной Австрійской границѣ. Число ихъ простирается до 54,000000. Изъ нихъ на долю Австріи приходится около 3-хъ милліоновъ. Болгары занимаютъ значительное пространство въ Турецкой Имперіи отъ рѣки Тимока, на Сербской границѣ, и устьевъ Дуная съ одной стороны, до Солуня и границъ Албаніи съ другой, т. е. древнюю Мизію, Ѳракію и Македонію; болгарскія селенія доходятъ до самаго Константинополя. Кромѣ этихъ старо-болгарскихъ земель значительная часть этаго племени живетъ въ земляхъ Дунайскихъ княжествъ и Россіи, куда заставляло ихъ бѣжать турецкое угнетеніе. Число Болгаръ простирается до 7 милліоновъ. Сербы въ обширномъ смыслѣ или Иллирійцы, какъ ихъ еще называютъ, живутъ на западъ отъ Болгаръ до Адріатическаго моря, составляя сплошное непрерывающееся населеніе западной части Балканскаго полуострова и юга нынѣшней Австріи. Собственные Сербы занимаютъ княжество Сербію, Черногорію, Босну, Герцоговину, Турецкую Кроацію, Далмацію, часть Истріи, Славонію, Военную границу, Сремъ, Бачку, Банатъ и заходятъ въ самую Венгрію, куда удалились отъ турецкаго притѣсненія. Число собственныхъ Сербовъ—до 5,294000. Другая сербская вѣтвь Хорваты или Кроаты занимаютъ въ собственной Хорватіи (Австрійской Имперіи) столицы: Вараждинскую, Крижевецкую и значительную часть Загребской, Саладской и Шомодской, кромѣ того поселенія ихъ заходятъ и въ Венгрію. Число ихъ до 1,500000. Третья сербская вѣтвь Хорутане (Винды, Словинцы) занимаютъ часть Штиріи, Каринтіи, почти весь Крайнъ, земли Иллирскаго приморья, часть собственной Кроаціи, Истрію. Число ихъ простирается до 1,200000.

---

1) Славяне Полабскіе т. е. Славяне, жившіе по рѣкѣ Лабѣ; Лаба—Славянское названіе Эльбы.

118981.
Омская областная библиотека
№

Поляки самые многочисленные изъ Славянъ западныхъ живутъ въ царствѣ Польскомъ, въ Русскихъ западныхъ губерніяхъ, въ Галиціи (въ послѣднихъ двухъ они составляютъ только одинъ слой, среди Русскаго населенія), въ Австрійской Силезіи, Буковинѣ, за тѣмъ въ Прусскихъ областяхъ: Помераніи, Познани и Прусской Силезіи. Число Поляковъ—9,000000. Чехи въ обширномъ смыслѣ обнимаютъ большую часть Богеміи и Моравіи, сѣверо западную часть Венгріи и юго западный уголъ Прусской Силезіи. Собственные Чехи занимаютъ центръ и большую часть Богеміи, окруженные съ сѣверо-запада Нѣмецкимъ населеніемъ и значительно перемѣшанные съ Нѣмцами въ городахъ; нѣкоторыя поселенія Чеховъ находится также въ нижней Австріи и Военной границѣ. Число ихъ—до 3,000000. Моравane кромѣ собственной Моравіи, гдѣ тоже перемѣшаны съ Нѣмцами, имѣютъ свою долю и въ Австрійской Силезіи. Число ихъ—до 1,480000. Словаки распространены главнымъ образомъ въ сѣверозападной Венгріи, нѣкоторое число ихъ есть также въ Моравіи, Войводинѣ, Банатѣ и нижней Австріи. Число ихъ—до 2.000000. Особую, незначительную вѣтвь западныхъ Славянъ составляютъ Лужичане или Сербы Лужицкіе, обломокъ прежняго обширнаго племени Полабскихъ Сербовъ, языкъ котораго распространялся отъ Салы черезъ Эльбу до Одера и которое было почти совсѣмъ онѣмечено, дѣлятся на верхнихъ и нижнихъ Лужичанъ. Верхніе Лужичане живутъ въ Саксоніи и Пруссіи, простираются до 90,000. Нижніе Лужичане, въ Пруссіи, до 60,000. Славяне Полабскіе и Прибалтійскіе, самые близкіе къ Нѣмцамъ, нѣкогда сильные и многочисленные, развивавшіе обширную торговую и мореходную дѣятельность, были уже давно истреблены почти окончательно, или потеряли народность. Мѣстныя названія сѣверной, прибалтійской Германіи до самаго Люнебурга, до сихъ поръ носятъ слѣды славянскихъ, топографическихъ названій, и, какъ говорятъ, въ тѣхъ мѣстахъ существуютъ даже немногіе, изчезающіе остатки и стараго народа. [1])

5. Древнѣйшее положеніе Славянъ въ Европѣ.

1848 г.

Прошло уже болѣе тысячи лѣтъ, какъ земли восточной Европы между Адріатическимъ и Балтійскимъ моремъ и вся великая восточная равнина до самой Азіи населены многими народами, различными по наружности, языку и обычаямъ. Изъ

---

1) Указаніе сочиненій, касающихся Географіи, Исторіи, Языка, Литературы каждаго изъ упомянутыхъ здѣсь славянскихъ народовъ, можно найти въ недавно вышедшемъ трудѣ гг. Пыпина и Спасовича: «Обзоръ Исторіи Славянскихъ Литературъ». СПБ. 1865 г.

нихъ въ числѣ, силѣ и способностяхъ своихъ уже съ древнѣйшихъ поръ выдавались Славяне. Они и теперь, не смотря на то, что съ теченіемъ времени, нѣкоторыя вѣтви ихъ погибли, по численности и могуществу своему превышаютъ всѣ другіе народы въ упомянутыхъ мѣстностяхъ.

Славяне, принадлежа къ Индо-Европейской семьѣ народовъ, родственны потому съ древними Ѳракійцами, Греками, Римлянами, Галлами, Германцами и Литовцами въ Европѣ; съ Индѣйцами, Персами, Мидянами, Армянами въ Азіи и уже въ отдаленнѣйшія времена, которыхъ не касается Исторія, были распространены на большомъ пространствѣ въ Европѣ.

Въ пятомъ только столѣтіи по Р. Х., во время великаго переселенія народовъ, Славяне въ первый разъ являются на исторической сценѣ, подъ этимъ названіемъ.

Обыкновенно народы Сѣверной Европы вступали только тогда въ Исторію, когда они приходили въ непосредственное столкновеніе съ древнѣйшими двигателями ея въ Европѣ, съ Греками и Римлянами, особенно, когда съ жаждою къ войнѣ и грабежу, съ оружіемъ въ рукахъ угрожали перейдти границы государствъ образованныхъ или когда приходила для нихъ очередь подпасть оружію властолюбивыхъ Римлянъ. Каждый разъ мечь открывалъ страницы тогдашней Исторіи и кровью обозначалъ на нихъ имя новаго народа. Людей, которые бы сами для себя занимались изслѣдованіемъ жизни, обычаевъ народовъ отдаленныхъ, было въ древности очень мало, да и воззрѣнія тогда были болѣе національныя, чѣмъ общечеловѣческія. Будетъ понятно теперь, почему Славяне не смотря на численность, на свое древнѣйшее пребываніе въ Европѣ, такъ поздно заняли мѣсто въ Исторіи. Во первыхъ, главныя жилища ихъ въ древности были на Сѣверъ отъ Карпатовъ, отъ Вислы къ Дону, далеко отъ Грековъ и Римлянъ; къ тому жъ и любопытство этихъ народовъ не могло быть затронуто. Славяне издавна не были какъ Германцы или Сарматы народъ стремящійся къ завоеваніямъ, кочевой, воинственный, напротивъ, они были миролюбивы, привыкшіе къ жизни осѣдлой, преданные земледѣлію, скотоводству, ремесламъ и торговлѣ. Славяне не были соединены въ одно цѣлое, ни властью одного общаго верховнаго главы, ни какой либо другой политической связью. Хотя они, сознавая свое близкое происхожденіе и называли сами себя *Сербы*, т. е. родные люди, а у западныхъ сосѣдей носили имя Вендовъ, но имя всего народа терялось во множествѣ мелкихъ, мѣстныхъ названій.

Славянскія племена посреди хищныхъ, воинственныхъ народовъ: Германцевъ и Кельтовъ на сѣверѣ и западѣ, Скифовъ и Сар-

матовъ на востокѣ,—въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій играли по большей части роль страдательную. Нѣкоторыя племена славянскія были вѣроятно часто покоряемы и облагаемы данью отъ своихъ сарматскихъ, кельтскихъ, германскихъ сосѣдей, но часто въ свою очередь, Славяне могли и сбрасывать иго своихъ притѣснителей. Эти явленія несомнѣнны, хоть мы и не имѣемъ о томъ точнѣйшихъ свѣдѣній. Имя *Склявы*, сохранившійся памятникъ варварскаго обращенія Германцевъ съ славянскими плѣнными, другое названіе Славянъ *Анты* (герои, великаны), бывшее въ устахъ Готовъ, — забытый свидѣтель высшей храбрости одного славянскаго племени. Большое движеніе народовъ на Сѣверѣ Карпатовъ, возбудившее продолжительную Маркоманскую войну при императорѣ Маркѣ Аврелiѣ (100 г.), не могло быть чуждо Славянамъ, главному народу той мѣстности. Кажется вѣроятнымъ, что они то и были главными виновниками этаго движенія, что пользуясь долгимъ перевѣсомъ своего оружія надъ сосѣдними Германцами и Сарматами, Славяне стали отодвигать ихъ къ западу и югу, распространяясь сами все болѣе и болѣе. Съ этихъ поръ сѣверъ Европы принимаетъ другой видъ; новые народы, какъ Франки, Саксы, вступаютъ туда и начинаютъ чаще и чаще дѣлать вторженія на Римскую имперію; за ними вслѣдъ племена славянскія пролагаютъ себѣ дорогу къ западу до Нидерландовъ и Англіи.

Въ своихъ прежнихъ жилищахъ близъ Карпатъ Славяне долго при перемѣнномъ счастьи боролись съ Готами. Около 350 года, нѣкоторыя вѣтви Славянъ подпали власти предпріимчиваго Короля Готовъ Германариха, но готское владычество въ тѣхъ странахъ скоро на всегда прекратилось. Въ 375 году вторгнулись въ Европу Гунны; разбитый Германарихъ пронзилъ себя мечемъ своимъ, а народъ его бѣжалъ отъ страшнаго врага на Юго-Западъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что дикіе и равно хитрые Гунны знали о враждебныхъ отношеніяхъ Германцевъ и Славянъ, — воспользовались этимъ, соединились съ послѣдними, чтобы съ ними вмѣстѣ подчинить первыхъ, сильнѣйшихъ и опаснѣйшихъ, а потомъ, господствовать надъ тѣми и другими. Хотя объ этомъ и умалчиваютъ чрезвычайно скудныя извѣстія того времени, но всякое историческое изслѣдованіе будетъ говорить въ пользу этого воззрѣнія, основаннаго на естественномъ порядкѣ человѣческихъ отношеній. Уже въ 376 году, всѣ земли на Сѣверѣ Карпатовъ, отъ Чернаго моря до Богемской границы, были въ неслыханномъ до той поры движеніи. Это были именно тѣ самыя земли и страны, гдѣ Славяне, Германцы, Сарматы въ продолженіи нѣсколькихъ сто-

лѣтій боролись другъ съ другомъ. Что дѣйствительно въ это время произошелъ здѣсь рѣшительный переворотъ, — нельзя сомнѣваться. Германскіе народы уже въ 4-мъ столѣтіи покинули совершенно эти мѣстности и перешли на Западъ и Югъ, вслѣдъ за ними изъ сарматскихъ народовъ двинулись только Аланы, остальные были покорены Славянами и мало по малу совершенно слились съ ними. Такимъ образомъ Славяне со времени Гунновъ остались почти единственные владѣтели и обитатели тѣхъ обширныхъ пространствъ, о которыхъ мы выше сказали.

Что оставило послѣ себя кратковременное господство Гунновъ надъ Германцами, Славянами и Сарматами? Въ какихъ формахъ проявлялась эта подчиненность? Трудно опредѣлить. Кажется только, что отношенія этихъ всемірныхъ завоевателей къ Славянамъ были ближе и дружественнѣе, чѣмъ къ другимъ народамъ. Уже во времена Аттилы замѣчаемъ у Гунновъ нравы и обычаи Славянъ, а также заимствованные ремесла, но еще замѣчательнѣе, что всѣ Славянскія племена подвинулись относительно воинственнаго духа и искусства владѣть оружіемъ. Изъ положенія оборонительнаго они переходятъ къ наступательному, дѣлаютъ вторженія, становятся сами завоевателями. Такими узнаетъ Славянъ и Исторія этаго времени, которая уже теперь не могла пройти ихъ безъ вниманія. Однако только о движеніи Славянъ къ Югу мы имѣемъ опредѣленное историческое извѣстіе. Только здѣсь мы узнаемъ, какъ они въ постоянной борьбѣ съ Византійцами, Болгарами, Аварами и другими народами мало по малу перешли не только Дунай, Балканскія горы, но въ послѣдствіи достигли даже Пелопонеза. Походы ихъ не были такъ скоры и бурны, какъ другихъ народовъ, но дѣйствія ихъ были прочнѣе и для земель, куда они являлись, вліятельнѣе. Кочевыя полчища Скифовъ, Сарматовъ, Гунновъ, Аваровъ не знали другой родины, какъ подвижныя кибитки, которыя вмѣщали ихъ женъ и дѣтей; кромѣ стадъ, имущества другаго не было, потому, они носились изъ земли въ землю, съ мѣста на мѣсто, — опустошеніе былъ единственный слѣдъ ихъ пребыванія. Такъ продолжалось до той поры, пока новому порядку вещей въ Европѣ не удалось частію образовать ихъ, частію совершенно уничтожить. Напротивъ, Славяне какъ трудолюбивый, земледѣльческій народъ брали каждую землю, которую они покоряли въ свое владѣніе, утверждали тамъ свое пребываніе, дѣлили поля между собой какъ свою собственность и принимались ихъ воздѣлывать. Потому, они оставались во всѣхъ занятыхъ ими

земляхъ въ продолженіи цѣлыхъ тысячилѣтій и удержались въ нихъ по большей части даже до настоящаго времени.

Распространеніе Славянскихъ племенъ на Западъ по недостатку источниковъ находится еще во мракѣ и представляетъ полную свободу ученымъ соображеніямъ. Было много ученыхъ, которые утверждали, что восточная часть Германіи отъ устьевъ Эльбы до Адріатическаго моря съ древнѣйшихъ временъ была населена Славянами и что слѣдовательно о переселеніи ихъ въ эти земли не можетъ быть и рѣчи. Нельзя не согласиться, что нѣкоторыя Славянскія вѣтви уже съ давнихъ поръ были распространены у средняго Дуная и Адріатическаго моря, а оттуда только вторженіемъ Галловъ, въ IV столѣтіи до Р. Х., были отодвинуты на сѣверо-востокъ за Карпаты. Но мнѣніе, что Славяне занимали постоянно земли къ востоку отъ Эльбы, будучи тамъ покорены Галлами, а потомъ Германцами не имѣетъ основанія. Гораздо вѣроятнѣе то, что было сказано о движеніи Славянъ на Западъ во время великой Маркоманской войны и Гунскаго нашествія.

Палацкій [1]).

6. Распространеніе Славянъ.

1837 г.

Разрушеніе поспѣшно образовавшейся Гунской державы и конечное паденіе Западно-Римской Имперіи, уже давно подкопанной въ основаніи своемъ, случившіяся почти на предѣлахъ 5 и 6 столѣтій, открываютъ новую эпоху какъ вообще въ исторіи всѣхъ Европейскихъ народовъ, такъ въ особенности Славянскихъ. Великолѣпныя похороны Атиллы были послѣднимъ знакомъ его могущества и славы. Страхъ, нагнанный имъ на

---

[1]) Францъ Палацкій (род. 1798 г.), сынъ евангелическаго учителя на Моравѣ, учился въ Пресбургскомъ Лицеѣ и въ Вѣнѣ. Поселившись съ 1823 года въ Прагѣ, посвятилъ себя историческимъ занятіямъ. Онъ усердно изучалъ источники, разбросанные въ чешскихъ архивахъ и въ европейскихъ библіотекахъ: въ Берлинѣ, Мюнхенѣ, Дрезденѣ, Вѣнѣ, Римѣ и другихъ. Въ 1827 году онъ принялъ редакцію журнала, основаннаго при Чешскомъ Музеѣ и долго завѣдывалъ дѣлами и предпріятіями музейнаго общества; въ 1828 г. онъ былъ назначенъ чешскимъ исторіографомъ, званіе, которое остается за нимъ до сихъ поръ. Важнѣйшій литературный трудъ Палацкаго есть чешская исторія, доведенная теперь послѣ нѣсколькихъ томовъ до конца 15 столѣтія. Существуетъ на чешскомъ (Dejiny narodu ceského v Cechàch a v Moravé v Praze, 1848—60, 6 томовъ) и на Нѣмецкомъ (Böhmische Geschichte).

покоренныхъ и отдаленныхъ народовъ, совершенно исчезъ, какъ скоро тѣло его предано было землѣ. Сыновья его, рожденные имъ отъ разныхъ женъ, и вовсе на него не похожіе, открыли усобицы свои о владычествѣ надъ самымъ его гробомъ. Огромное царство его, составленное сильною десницею одного Государя и управлявшееся неограниченною волею его, теперь должно было раздѣлиться и распасться на нѣсколько кусковъ, какъ обыкновенное наслѣдство. Могущественные, привыкшіе къ свободѣ и независимости народы, сдѣлавшись, во время всеобщей давки, добычей мужественнаго вонтеля, нынѣ оставили прежній свой союзъ и не хотѣли позволить дѣлить себя, какъ обыкновенныхъ плѣнниковъ: духъ ихъ, прежде нѣсколько стѣсненный, но не вовсе подавленный, теперь пробудился при видѣ такого униженія и возсталъ съ удвоенной силой къ новой жизни. Нѣмецкіе народы, Гепиды и Готы, пользуясь удобнымъ временемъ, ударили на ослабѣвшихъ и не согласныхъ Гунновъ на нижнемъ Дунаѣ, поразили ихъ на голову, мало по малу отдвинули къ самому Черному морю, и, такимъ образомъ, освободили себя и своихъ соплеменниковъ изъ подъ тяжкаго ярма Гунскаго. Вся нынѣшняя Венгрія и значительная часть Австріи сдѣлались добычею Гепидовъ, Готовъ, Лонгобардовъ, Руговъ и другихъ; между тѣмъ остальныя Нѣмецкія вѣтви на верхнемъ Дунаѣ, Алеманы, Свевы, Бавары и далѣе къ Рейну, Франки, все болѣе и болѣе утверждали и распространяли владычество свое. Не удивительно, что они, усилившись такимъ образомъ, вскорѣ обратили напоръ свой въ ту сторону, куда давно уже стремилось пламенное желаніе ихъ, т. е. въ Италію, этотъ земной рай, нѣкогда столь богатый и славный. Напослѣдокъ воинственныя полчища Нѣмцевъ, составленныя изъ разныхъ народовъ и предводимыя отважнымъ полководцемъ Одоакромъ, вторглись въ Италію, гдѣ, одолѣвъ слабаго Императора Ромула Августула, лишили его власти и тѣмъ положили конецъ Римскому владычеству. Хотя Восточная Имперія, основанная въ исходѣ 4 столѣтія въ Византіи, долго еще выдерживала натискъ народовъ, бывшихъ гораздо сильнѣе Римлянъ и Грековъ, на перерывъ стремившихся на нее съ Сѣвера и Востока, и успѣла кое-какъ, по ломамъ съ грѣхомъ, отстоять свою независимость; однако-жь и она ни коимъ образомъ не могла остановить переворота, совершавшагося въ положеніи государствъ и народовъ всей остальной Европы. Паденіе Гунновъ и Римлянъ рѣшили судьбу на долгое время; перевѣсъ въ Европейской исторіи достался въ удѣлъ Нѣмцамъ и Славянамъ.

Безъ сомнѣнія, Нѣмцы не были единственнымъ народомъ,

который, освободясь изъ подъ зависимости Гунновъ и разрушивъ послѣднее оборванное зданіе Римскаго міродержавія, широко распространилъ господство свое на Югѣ и Западѣ Европы, потому что, почти въ одно и тоже время и многочисленные Славянскіе народы сбросили съ себя подобное иго неволи, перешли черезъ Одру въ Германію, а черезъ Татры [1]) и побережье Понта къ Южному Дунаю и разсѣялись въ 6 вѣкѣ безчисленными толпами по краямъ, занимающимъ почти половину Европы. До сихъ поръ великое Славянское племя, жившее себѣ мирно за крѣпкими и безопасными Татрами, въ недоступномъ Грекамъ и Римлянамъ Сѣверѣ, не смотря на то, что обоимъ имъ изстародавна было хорошо извѣстно по своему имени и положенію, очень рѣдко являлось на полѣ дѣяній; но съ этаго времени все приняло иной видъ. Имя Славянъ, Винидовъ и Антовъ, гремитъ на Южномъ Дунаѣ, въ Дакіи, Мизіи, Панноніи, Дальматіи, Каринтіи, между Одрой и Лабой, въ Богеміи и сѣверовосточной Германіи. Такое неожиданное появленіе Славянъ въ краяхъ, занятыхъ до того другими народами, естественно ведетъ къ тому заключенію, что главной причиной паденія великой Гунской державы и освобожденія Славянъ отъ тяжкаго ярма неволи, былъ натискъ Сѣверовосточныхъ народовъ Уральскаго и Турецкаго племенъ, Аваровъ, Булгаровъ, Казаровъ и подобныхъ имъ. Это заставило Славянъ бросить древнюю свою родину и искать новыхъ жилищъ въ обезлюдѣвшихъ странахъ прежней Римской державы. Мы уже говорили, что владычество Гунновъ, съ конца четвертаго по конецъ пятаго столѣтія, простиралось также и на Славянъ. Хотя современные историки, по своему отдаленію и незнанію, не представляютъ намъ ни какихъ свѣденій о перемѣнахъ, происшедшихъ по смерти Атиллы и конечномъ уничтоженіи господства сыновей его въ положеніи и, такъ сказать, самомъ лонѣ Зататранскихъ народовъ, особенно Славянъ, тѣмъ не менѣе, однако жъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что перемѣны эти дѣйствительно случились, и при томъ, судя по послѣдовавшимъ событіямъ въ другихъ мѣстахъ, внѣ Славянской прародины, были большія и чрезвычайныя. Мы увѣрены, что слѣдующія главныя положенія могутъ достаточно пояснить намъ распространеніе Славянъ въ разныя времена и причины онаго. *a*) Распространеніе Славянскихъ народовъ въ древнюю эпоху, т. е. съ 4 в. предъ Р. Х. по 2 по Р. Х., направлено было, по причинѣ преобладанія Кельтовъ, Нѣмцевъ, потомъ

---

[1]) Татры—Славянское названіе Карпатскихъ горъ.

Римлянъ и соединенныхъ съ ними, на Сѣверъ, гдѣ они, какъ народъ земледѣльческій, въ плодородныхъ равнинахъ средней Россіи нашли почву для пропитанія своего самую выгодную, а со стороны слабыхъ и раздѣленныхъ Чудскихъ народовъ — самое малое сопротивленіе. *б*) Напротивъ того, во второй эпохѣ, именно съ 3-го до начала 7-го столѣтія, стремленіе это приняло совершенно обратное направленіе, т. е. отъ Сѣвера къ Югу и Юго-Западу, изъ Зататранскихъ краевъ въ Мизію, Иллирію, нынѣшнюю Венгрію, Чехію и Нѣмецкую землю. *в*) Причинъ такой важной перемѣны было множество и, притомъ, очень различныхъ; но главнѣйшія—слѣдующія. Славяне, привязанные къ земледѣлію и сельскому домоводству, ненавидѣвшіе кочеванья и грабежа по чужимъ краямъ, провождавшіе въ своихъ безопасныхъ, уединенныхъ, всюду отъ моря отдаленныхъ и, слѣдовательно, менѣе доступныхъ краяхъ, образъ жизни покойный, больше оборонительный, чѣмъ завоевательный, не смотря на всѣ нападенія хищническихъ народовъ, несравненно меньше теряли людей, чѣмъ эти скитальцы, безпрестанно рыскавшія и разбойничавшія племена, Скифы, Кельты, Сарматы и Нѣмцы. Эти притѣснители—иноземцы, покоривъ себѣ тотъ или другой Славянскій народецъ, обыкновенно довольствовались, подобно позднѣйшимъ Монголамъ, данью, стараясь питать и обогощать себя потомъ трудолюбивыхъ Славянъ; потому они преслѣдовали однихъ только туземныхъ князей и владѣтелей, а простыхъ, или такъ сказать, ядро народа, съ намѣреніемъ щадили для своей собственной выгоды. Такимъ образомъ, Славянское племя, отдѣленное отъ моря и наслаждавшееся въ своихъ плодородныхъ краяхъ спокойной жизнію, до того въ теченіе столѣтій размножилось, что для него мало уже было земли отцевъ, а потому переселеніе его въ другія стороны при первомъ удобномъ случаѣ было неизбѣжно. Такой случай представился ему еще до прибытія Гунновъ, во время упорныхъ войнъ Германцевъ и Римлянъ во 2 вѣкѣ (Маркоманская война), а послѣ, и при томъ гораздо въ большемъ размѣрѣ, при конечномъ паденіи Гунской и Римской державъ, т. е., когда могущественные Нѣмецкіе народы, бросивъ свои древнія жилища на Одрѣ, въ Венгріи и Даніи, отправились въ Италію, Галлію и дальнѣйшія полуденныя и западныя страны, и, такимъ образомъ, очистили мѣсто Славянамъ, сильно наступавшимъ за ними, и оставили во власть имъ пустые, безлюдные края. Распространеніе Славянъ на Западъ и обращеніе ихъ на Югъ было частію слѣдствіемъ естественнаго стремленія Сѣверныхъ народовъ въ земли лежащія въ теплѣй-

шемъ полуденномъ поясѣ, а частію, и притомъ большею, вслѣдствіе перевѣса Урало-Чудскихъ и Турецкихъ народовъ, Гунновъ, Аваровъ, Булгаровъ, Казаровъ, Печенѣговъ и Половцевъ, сильно тѣснившихъ Славянъ со стороны Уральскаго хребта, нижней Волги и Дона, и заставлявшихъ подаваться все далѣе и далѣе на Западъ и Югъ. Нѣкоторые изъ этихъ дикихъ грабителей и наѣзниковъ, напримѣръ Авары увлекли съ собой своимъ примѣромъ, и даже силою, много ближайшихъ къ себѣ Славянскихъ народовъ, и принудили ихъ соединиться и дѣйствовать съ ними за одно противъ упадавшей Римской Имперіи. Наконецъ, удачные походы Нѣмцевъ и стремившихся по пятамъ ихъ, Уральцевъ въ Византійскія и Римскія области, изобиловавшія въ то время довольно еще остатками прежняго своего богатства, побудили, безъ сомнѣнія, и Славянъ рѣшиться на подобное предпріятіе, и, естественное слѣдствіе того, поселеніе въ чужихъ краяхъ. Стало быть, это великое переселеніе Славянскихъ народовъ, въ опроставшіяся, безлюдныя югозападныя земли, было слѣдствіемъ столкновенія разныхъ причинъ и обстоятельствъ, имѣвшихъ сильное вліяніе на Европейскихъ народовъ въ концѣ 5 го столѣтія. Что касается до времени распространенія Славянъ на Западъ и Югъ, то вообще можно сказать, что оно началось въ концѣ 4-го, а продолжалось во все теченіе 5 и 6-го столѣтій. Разумѣется, частное стремленіе ихъ на Западъ, могло имѣть мѣсто и гораздо прежде этаго времени, точно какъ переселеніе двухъ великихъ ихъ народовъ (Сербовъ и Хорватовъ) съ той стороны Татръ въ Иллирикъ послѣдовало даже въ первой половинѣ 7-го вѣка. Такъ, Надвислянскіе Славяне заняли еще въ 3-мъ столѣтіи, по выходѣ Нѣмецкихъ народовъ, Готовъ, Гепидовъ, Вандаловъ, Бургундовъ и другихъ въ Дакію и Угрію (Венгрію), все побережье Одры, откуда распространились до самой Лабы. Появленіе Венедовъ и Велетовъ на Балтійскомъ поморьѣ и изгнаніе оттуда во 2 вѣкѣ Готовъ, переходитъ за предѣлы времени, назначеннаго нами великому переселенію Славянскихъ народовъ, и относится къ порѣ, о коей современная исторія предсталяетъ намъ чрезвычайно мало или во все никакихъ достаточныхъ свѣденій. Наоборотъ, переселеніе Сербовъ и Хорватовъ изъ Затараскихъ земель въ Иллирію и Панонію, произошло только около 634 года по Р. Хр., а частное распространеніе отдѣльныхъ Славянскихъ вѣтвей и поселеній въ отдаленныхъ краяхъ Малой Азіи, Пелопонисѣ, Италіи, Швейцаріи, западной и южной Германіи, и т. д., могло, конечно случиться и гораздо въ позднѣйшее время. Вообще, здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что Сла-

вяне начали селиться въ Поодерскихъ и Полабскихъ краяхъ гораздо прежде, нежели въ Подунайскихъ.

Шафарикъ 1).

7. Образъ жизни, обычаи и нравы Славянъ 2).

6—12 в.

Писатели 6-го вѣка по Р. Х. застаютъ уже Славянъ на огромныхъ пространствахъ Восточной Европы. «За Дунаемъ», говоритъ Іорнандъ 3), «лежитъ Дакія, огражденная какъ вѣнцемъ, высокими горами, по лѣвой, къ сѣверу обращенной, сторонѣ которыхъ, начиная отъ самыхъ вершинъ Вислы, живетъ на неизмѣримомъ пространствѣ (per immensa spatia), многолюдный народъ Виниды (Vinidarum natio populosa). Хотя имена ихъ и измѣняются теперь по различію родовъ (per varias familias) и жилищъ, однако они большею частію называются Славянами и Антами. Славяне обитаютъ отъ города Новетунскаго и озера, называемаго Мусіанскимъ, по самый Днѣпръ, и на сѣверъ по Вислу; у нихъ болота и лѣса замѣняютъ города. Анты же храбрѣйшіе изъ нихъ живутъ въ окрестностяхъ Понта, отъ Днѣстра до Днѣпра, рѣкъ отстоящихъ одна отъ другой на нѣсколько дней пути.» Прокопій 4),

---

1) Павелъ Іосифъ Шафарикъ (1795—1861) былъ родомъ Словакъ изъ верхней Венгріи, гдѣ отецъ его былъ евангелическимъ проповѣдникомъ; онъ учился сначала въ одномъ евангелическомъ лицеѣ въ Венгріи, потомъ въ Іенскомъ Университетѣ, былъ за тѣмъ до 1838 г. профессоромъ и начальникомъ гимназіи въ Новомъ Садѣ (Нейзацъ), въ Австрійской Сербіи, впослѣдствіи переселился въ Прагу, гдѣ съ 1842 г. и до смерти оставался при Университетской Библіотеки. Изъ многочисленныхъ трудовъ Шафарика самый замѣчательный: Славянскія Древности, 5 т., Прага, 1837 г. Они служатъ необходимымъ пособіемъ при изученіи славянской Исторіи. Переведены на русскій языкъ Бодянскимъ.

2) Въ этой статьѣ помѣщаются извѣстія о Славянахъ писателей преимущественно 6-го вѣка и нѣкоторыхъ другихъ позднѣйшихъ.

3) Іорнандъ, родомъ Готъ, жилъ въ половинѣ VI вѣка, служилъ при дворѣ Готскаго короля въ качествѣ секретаря; потомъ пошелъ въ монастырь и былъ впослѣдствіи епископомъ Равеннскимъ, извѣстенъ своимъ сочиненіемъ объ Готахъ: De Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis. Іорнандъ сообщаетъ свѣденія о Славянахъ по поводу столкновенія ихъ съ Готами. Отрывки изъ Іорнанда въ переводѣ на русскій языкъ у Стасюлевича: Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ, т. 1, стр. 291, 327, 352. Тамъ же см. объ изданіяхъ: стр. 355.

4) Прокопій, родомъ изъ Кесаріи палестинской, прибылъ въ правленіе Императора Анастасія (491—518) въ Византію. Императоръ Юстинъ Старшій (518—527) назначилъ его секретаремъ къ извѣстному полководцу Вели-

тоже говоритъ о Славянахъ: «края на сѣверъ отъ Понта занимаютъ безчисленные народы Анты. Нѣкогда Славяне и Анты имѣли одно имя: ибо въ древности тѣхъ и другихъ называли Споры (Сербы), потому, какъ я думаю, что живутъ они разсѣянно (σποραδην — спорадинъ), отъ чего и занимаютъ такія обширныя земли [1]): большая часть страны по лѣвому берегу Истра (Дуная) принадлежитъ имъ». Славяне селились въ мѣстахъ, укрѣпленныхъ и защищенныхъ самою природою, какъ то, въ лѣсахъ, у болотъ и горъ. У Славянъ, по сказанію Іорнанда, «болота и лѣса замѣняютъ города», т. е. защищаютъ ихъ отъ нападенія непріятелей, ибо таково было назначеніе города. По словамъ Императора Византійскаго Маврикія [2]), Славяне живутъ въ лѣсахъ «у рѣкъ, болотъ и озеръ, въ мѣстахъ неприступныхъ». Изъ того однако, что Славяне жили въ лѣсахъ, не слѣдуетъ заключать, что они не имѣли осѣдлости. По сказанію Прокопія, «Славяне живутъ въ дряныхъ избахъ, разбросанныхъ на большомъ разстояніи одна отъ другой.» Этотъ древнеславянскій обычай строиться особняками сохраняется до сихъ поръ у Сербовъ. «Славяне,» говоритъ Гельмольдъ [3]), «не заботятся о постройкѣ своихъ домовъ, а

сарію. Сопутствуя ему во всѣхъ походахъ, Прокопій могъ многое видѣть собственными глазами. Онъ оставилъ послѣ себя 8 книгъ: «Исторіи своего времени». Содержаніе ихъ составляютъ войны императора Юстиніана съ варварами, окружавшими Византію. Прокопій умеръ въ 553 году. Лучшее изданіе въ Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonnae, 1833—38 г., 3 тома. На русскомъ языкѣ существуетъ переводъ г. Дестуниса (см Византійскіе Историки, издаваемые при С.пб. Дух. Академіи).

1) Это названіе Славянъ не вѣрно передано Прокопіемъ; оно передѣлано имъ, какъ полагаетъ Чешскій ученый Добровскій съ кореннаго и собственнаго имени славянскаго племени: «Сербовъ»; точно также не вѣрно придумано Прокопіемъ и этимологическое объясненіе этаго слова отъ греческаго «спорадинъ». (См. соч. Шафарика: Славянскіе Древности т. 1, кн. 1, стр. 163—178).

2) Маврикій, Императоръ Византійскій, царствовалъ отъ 582—602. Въ его время варвары особенно угрожали Византійской Имперіи, Маврикій составилъ новый планъ веденія войны съ ними, основанный на изученіи ихъ нравовъ и обычаевъ. Съ этою цѣлію онъ написалъ сочиненіе: «Стратегика» гдѣ говоритъ объ образѣ жизни и нравахъ многихъ варварскихъ народовъ, между прочимъ, въ 5 главѣ XI книги говоритъ о Славянахъ, о томъ какъ вести войну съ ними и по этому поводу сообщаетъ любопытныя извѣстія о ихъ бытѣ и нравахъ. Изданіе Шеффера: Strategicum,—1664 года.

3) Гельмольдъ, священникъ въ Бозовѣ (въ землѣ Славянъ Вагировъ, нынѣ Южная Голштинія), жилъ и писалъ во второй половинѣ XII вѣка († 1175). Въ своей хроникѣ Славянъ (Chronica Slavorum) Гельмольдъ представляетъ постепенное распространеніе Нѣмцевъ и вмѣстѣ христіанства въ землѣ Балтійскихъ Славянъ и борьбу съ ними. Отрывокъ изъ сочиненія Гельмольда въ переводѣ на русскій языкъ у Стасюлевича: Исторія среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ, т. 2, стр. 711. Тамъ же см. объ изданіяхъ.

обыкновенно сплетаютъ себѣ избушки изъ хвороста, лишь бы укрыться отъ дождя и непогоды. Едва раздается кликъ военной тревоги, они поскорѣе заберутъ весь хлѣбъ, спрячутъ его съ золотомъ, серебромъ и всѣми дорогими вещами въ яму; уведутъ женъ и дѣтей въ надежныя убѣжища, въ укрѣпленія, а не то въ лѣса, и не останется на расхищеніе непріятеля ничего, кромѣ однихъ избъ, о которыхъ они не жалѣютъ ни мало». Населеніе сосредоточивалось въ деревняхъ и селахъ. Въ противоположность деревнѣ у Славянъ былъ городъ; это было огороженное и укрѣпленное мѣсто. Города были деревянные и земляные. Не имѣя постояннаго народонаселенія, города служили для окрестныхъ жителей надежнымъ убѣжищемъ въ случаѣ непріятельскаго нашествія. Сюда сходились также для поклоненія и жертвоприношенія богамъ, равно какъ и для общественныхъ дѣлъ. Сообщеніе между селами и городами производилось водою или лѣсомъ. Славяне, жившіе осѣдло въ городахъ и селахъ, занимались различными промыслами. Само собою разумѣется, что географическое положеніе народа опредѣляло характеръ его промышленности: у племенъ приморскихъ преобладала торговля и мореходство, у жителей долинъ земледѣльческія занятія; послѣднія были наиболѣе распространены,— Славяне — народъ по преимуществу земледѣльческій, — Плугъ (нѣмецкое Pflug) происхожденія Славянскаго, какъ въ самой вещи, такъ и въ ея названіи. Нѣмцы его заимствовали у Славянъ; отъ нихъ же заимствовали Готы и слово хлѣбъ (Готское hlaib). Нѣмецкіе путешественники, пріѣзжавшіе изъ самыхъ обработанныхъ странъ Южной Германіи къ Славянамъ, удивлялись воздѣланности ихъ земель, изобиловавшихъ всѣми родами произведеній. Страстная привязанность Славянъ къ земледѣлію была причиною того, что ихъ всюду охотно принимали, даже самые неблагорасположенные къ нимъ. Такъ, большая часть краевъ и областей, занятыхъ ими въ Византійской Имперіи, по всему видно, что уступлена имъ добровольно для обработыванія. «Славяне тверды и неутомимы во всѣхъ трудахъ,» говоритъ Видукиндъ, [1]) «въ нуждѣ они довольствуются

---

1) Видукиндъ, Саксонецъ по происхожденію, монахъ Корвейской обители, ордена Бенедектинцевъ, написалъ во второй половинѣ X вѣка «Исторію своего народа» (Res gestae Saxonicae) въ 3-хъ книгахъ, по собственнымъ воспоминаніямъ, по письменнымъ источникамъ и народнымъ преданіямъ. Видукиндъ душевно преданъ своему народу и служитъ единственнымъ источникомъ для избраннаго имъ времени. Во своей исторіи онъ не рѣдко касается Славянъ, по поводу столкновеній ихъ съ германскими императорами Саксонскаго дома. См. Стасюлевича: Исторія среднихъ вѣковъ, т. 1, стр. 330, 334 и 527.

малымъ, и то, что для Нѣмца тяжело, они исполняютъ легко и охотно.» Есть извѣстія, что отъ земледѣльческихъ занятій особливо во время жатвы не удалялись и самыя богатыя Славянскія женщины. Славяне питались болѣе всего полевыми плодами; ихъ любимая пища были пшено и гречиха. Съ успѣхомъ занимались также Славяне и скотоводствомъ. Чешскія лошади славились въ средніе вѣка; у Славянъ Прибалтійскихъ разводился рогатый скотъ. Исконнымъ промысломъ Славянъ было пчеловодство, любимымъ напиткомъ медъ. Пиво также употребляли Славяне съ самыхъ древнѣйшихъ временъ; оно и называлось у нихъ собственно питьемъ, «пивомъ.» Обширные лѣса, которыми были особенно богаты земли Славянъ Восточныхъ, изобиловали всякаго рода звѣрями и охота на пушныхъ звѣрей составляла немаловажный промыселъ Славянъ. Кромѣ мирныхъ, земледѣльческихъ занятій Славяне вездѣ оказывали особенную склонность къ торговлѣ: гость, купецъ, иностранецъ были у нихъ священной особой. Древнее устройство семьи у Славянъ представляетъ намъ старинная Чешская пѣснь о судѣ Любуши:[1]) «Всякій отецъ глава въ семьѣ своей; мужчины пашутъ, женщины дѣлаютъ одежды; когда умретъ глава семейства, дѣти владѣютъ имуществомъ нераздѣльно; они выбираютъ изъ среды своей владыку, который ходитъ за нихъ на сеймы и защищаетъ ихъ интересы.» Иностранные писатели хвалятъ семейную жизнь Славянъ. Св. Бонифацій, архіепископъ Германіи, въ письмѣ своемъ къ Англійскому Королю Этельреду (745), упрекая его въ порочной жизни, ставитъ ему въ образецъ семейную жизнь Славянъ: «Славяне народъ самый постыдный и дурной, но у нихъ мужъ и жена такъ ревностно хранятъ взаимно супружескую любовь, что жена, по смерти мужа своего отказывается жить, и та хвалится особенно, которая сама себя убиваетъ, чтобы сгорѣть съ мужемъ на одномъ кострѣ»: «Жены Славянъ чрезвычайно цѣломудренны,» говоритъ Маврикій, «они выше всего хранятъ вѣрность къ мужьямъ своимъ, такъ что многія изъ нихъ утѣшаются въ смерти мужей только собственною смертію, убиваютъ себя добровольно, потому что не могутъ вынести одинокой жизни.» Жена пользовалась большимъ значеніемъ въ семьѣ: она занималась хозяйствомъ, воспитывала дѣтей и по смерти мужа управляла всѣмъ домомъ. Отношенія дѣтей къ родителямъ были почтительны и исполнены нѣжной любви: «священнымъ долгомъ», по словамъ Гельмольда, считалось у Балтійскихъ Славянъ окружать родителей самою заботливою попечительностію, кормить и покоить

[1]) См. ниже.

ихъ на старости. Отецъ кормилъ и воспитывалъ своего сына до того возраста, когда онъ самъ могъ себѣ снискивать пропитаніе; получивъ полную свободу, юноша избиралъ себѣ жену и становился главою новой семьи. Иногда сынъ, прійдя въ возрастъ, покидалъ родительскій домъ и поселялся съ своею семьею на особомъ участкѣ земли. Всѣ такія семьи составляли одинъ родъ. Единство происхожденія было естественною связью членовъ рода. Пока отецъ былъ живъ, къ нему обращались дѣти за совѣтомъ и рѣшеніемъ въ спорныхъ случаяхъ; по смерти же его они избирали изъ среды своей старѣйшаго, къ которому обращались какъ къ начальнику своего рода. При множествѣ и разрозненности родовъ, дѣйствовавшихъ каждый согласно своимъ частнымъ интересамъ, неизбѣжны были между ними столкновенія. «Славяне,» говоритъ Арабскій писатель Массуди, «дѣлились на множество родовъ, раздираемыхъ усобицами, и имѣвшихъ каждый своего князя. Въ томъ же родѣ говоритъ другой писатель Арабскій: [2]) «Славяне народъ столь могущественный и страшный, что если бы они не были раздѣлены на множество поколѣній и родовъ, никто бы въ мірѣ не могъ имъ противустоять.» Тоже замѣчаетъ и Маврикій: «между ними,» говоритъ онъ о Славянахъ и Антахъ «господствуютъ постоянныя несогласія, что положатъ одни, на то не рѣшаются другіе, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому. Такъ какъ у нихъ много царьковъ и эти царьки между собою несогласны, то полезно привлекать нѣкоторыхъ изъ нихъ на свою сторону.» О правительственномъ устройствѣ Славянъ намъ говоритъ Прокопій: «Славяне не повинуются одному мужу, но издревле живутъ при народномъ правленіи и потому, они обыкновенно сообща разсуждаютъ о своихъ общихъ дѣлахъ. Въ остальныхъ же дѣлахъ они держатся одного общаго имъ всѣмъ закона, который издавна установленъ.» Такъ какъ въ началѣ у Славянъ не было наслѣдственной княжеской власти и различія въ сословіяхъ, то самымъ старшимъ въ общинѣ, старостамъ, поручалось производить судъ, заботиться объ общемъ благосостояніи: «Славяне кромѣ жупановъ, старцевъ, старѣйшихъ по

---

1) Абулъ-Гассанъ-Али-Ибнъ-Гуссейнъ, по прозванію Аль *Массуди*, былъ родомъ изъ Багдада. Большую часть жизни провелъ въ путешествіяхъ. Между прочимъ, посѣтилъ земли Хазаръ и Болгаръ, гдѣ могъ познакомиться съ Славянами, если самъ не былъ въ ихъ землѣ. Умеръ въ Египтѣ въ 950 г. Изъ произведеній Массуди особенно важно для насъ: «Золотые луга». Сочиненіе раздѣляется на 130 главъ. Въ главѣ 15 и 17 Массуди говоритъ о Руссахъ, Хазарахъ, Булгарахъ, въ 32 о бытѣ и нравахъ Славянъ, въ 64 объ ихъ храмахъ.

2) Абу-Обендъ-Аль-Бекри († 1094).

рожденію не имѣютъ другихъ начальниковъ,» говоритъ Константинъ Порфирородный. Старостами дѣлались иногда люди не по старшенству своему, но по тому вліянію, которое давала имъ ихъ опытность и богатства. Это вліяніе и почетъ, переходя наслѣдственно въ теченіи нѣсколькихъ поколѣній, произвели наконецъ у Славянъ по примѣру сосѣднихъ народовъ появленіе первыхъ князей. Оттого мы и видимъ большое число ихъ и ограниченную власть у всѣхъ Славянскихъ народовъ, когда только они впервые являются на историческомъ поприщѣ. Власть князя была непрочна, слаба и возникала, можно сказать, сама собою, безъ особеннаго переворота въ старинномъ бытѣ. Княземъ, какъ видно, становился, кто нибудь по сильнѣе, по умнѣе и по богаче, кому удавалось пріобрѣсти чѣмъ либо въ народѣ особенное уваженіе и вліяніе и по семейному врожденному Славянамъ чувству, примѣры котораго постоянно у нихъ являются, это уваженіе и вліяніе переходило отъ отца къ дѣтямъ: Славянинъ говоритъ себѣ: кому быть ближе по достоинствамъ къ отцу, какъ не дѣтямъ? и готовъ перенести на дѣтей общественное значеніе отца; а между дѣтьми онъ часто также, по тожу же естественному чувству, предпочтетъ старшаго прочимъ братьямъ. Весьма выразительно изображено появленіе Князей у древнихъ Славянъ въ разсказѣ перваго Чешскаго лѣтописца, почерпнутомъ очевидно изъ народнаго преданія. «Мало по малу усиливалось въ народѣ зло,» говоритъ Козьма Пражскій, [1]) описавъ водвореніе Чеховъ въ Богеміи, «всякъ долженъ былъ терпѣть отъ другихъ обиды все хуже и хуже, и не было судьи, ни князя, къ кому бы обращаться съ жалобами; потомъ безъ чьего либо требованія или распоряженія, по собственному произволу стали стекаться къ тому, кто въ своемъ племени или родѣ (in sua tribu vel generatione) считался лучшимъ нравственными свойствами и почетнѣйшимъ по богатству и при немъ, однако безъ ущерба своей свободѣ, разбирали спорныя дѣла и нанесенныя другъ другу обиды. Между ними (т. е. Чехами) былъ нѣкій мужъ, Крокъ, по имени котораго и названъ, какъ извѣстно, городъ, (теперь заросшій лѣсомъ въ Стибенскомъ округѣ Кра-

---

1) Козьма, деканъ Пражской церкви († 1125 г.), древнѣйшій національный писатель Западныхъ Славянъ. Его «Хроника Чеховъ» (Chronicae Bohemorum libri III) съ древнѣйшихъ поръ до смерти автора (продолжатели Козьмы довели его трудъ до 1283) служитъ по достовѣрности и богатству свѣденій драгоцѣннымъ источникомъ для исторіи Чеховъ и вообще Славянъ Западныхъ. См. Стасюлевича: Исторія Среднихъ вѣковъ въ ея писателяхъ т. 2, стр. 753.

ковъ близъ Раконицъ въ Чехіи); былъ онъ мужъ между своими современниками совершеннѣйшій, мудрый въ сужденіи тяжебъ, и къ нему, точно пчелы къ улью, сбирался народъ для суда, какъ изъ его общины, такъ и изо всей страны. Онъ оставилъ по себѣ трехъ дочерей, одаренныхъ мудростью...» И къ этимъ дочерямъ, по сказанію Козьмы, переходитъ значеніе отца. Какъ мы видимъ, Пражскій лѣтописецъ ясно сознавалъ это незамѣтное образованіе княжеской власти у мелкихъ племенъ Чешскихъ и два главные источника ея: мудрость и богатство; замѣчательно, что самаго Крока, ставшаго какъ бы общимъ главою Чеховъ, онъ еще Княземъ не называетъ; титулъ Княжескій выступаетъ лишь при дочеряхъ его: старшую Каси, Козьма именуетъ госпожею Чеховъ (domina), меньшая Любуша является княжною, правительницею своего народа и передаетъ княженіе своему супругу. Высшая власть у Славянъ: исполнительная, законодательная, принадлежала народной сходкѣ (вѣчу, сейму). Сходки эти могли быть общія, всего народа, или только однихъ старѣйшинъ, какъ представителейобщинъ;—земскія или областныя, городскія или сельскія. Въ общихъ сходкахъ дѣла рѣшались, какъ видно, единогласіемъ, въ сходкахъ представителей по большинству голосовъ. Такъ изображаетъ Дитмаръ [1]) сходку Лютичей, племени изъ Балтійскихъ Славянъ: «Общимъ совѣтомъ разсуждая на сходкѣ о своихъ нуждахъ, они рѣшаютъ дѣла единогласіемъ. Если же кто нибудь на сходкѣ противурѣчитъ рѣшенію, то бываетъ битъ батожьемъ, а если и въ послѣдствіи станетъ явно противиться, то либо отъ поджоговъ и безпрестаннаго разграбленія лишится всего своего имущества, либо долженъ будетъ предъ народомъ заплатить опредѣленное количество денегъ, сообразно своему значенію». Земскій сеймъ Чеховъ представленъ въ пѣснѣ о судѣ Любуши [2]), которую и приводимъ здѣсь вполнѣ: «Ай, Влетава,

---

1) Дитмаръ Мерзебургскій родился въ 976 г., умеръ въ 1018, по происхожденію Саксонецъ, изъ знатной фамиліи графовъ Вальбекъ, былъ священникомъ въ Альтштатѣ, потомъ Епископомъ въ Мерзебургѣ. Будучи уже Епископомъ, Дитмаръ началъ писать «Хронику Саксовъ» и написалъ 8 книгъ. Въ своей хроникѣ Дитмаръ говоритъ часто о Славянахъ Западныхъ по случаю войнъ съ ними Германскихъ Императоровъ. Живя близко Славянъ (въ Мерзебургѣ), Дитмаръ могъ хорошо ознакомиться съ ихъ бытомъ. См. Стасюлевича: Ист. Средн. вѣковъ въ ея писателяхъ т. 2, стр. 539, 682, 706.

2) Судъ Любуши, древнѣйшій памятникъ Чешской народной поэзіи, сталъ извѣстенъ съ 1818 года. Ученые Палацкій и Шафарикъ относятъ его къ концу IX вѣка, а Ганка къ началу XI вѣка. При немъ кромѣ суда Любуши находится еще отрывокъ какой-то другой пѣсни, въ которой разсказывается о древне-чешскомъ правѣ наслѣдованія, о выборѣ владыки родомъ и о его обязанностяхъ (см. выше). Этотъ отрывокъ, извѣстный подъ названіемъ «Сеймъ», вѣроятно принадлежитъ также къ общему кругу сказаній о Любу-

отъ чего ты помутилась? Отъ чего помутилась твоя сребропѣнистая вода? Или взволновала тебя лютая буря, пролившись дождемъ съ обширнаго неба, обмывши вершины зеленыхъ горъ, размывши златопесчаную глину?» «Какъ водѣ моей не мутиться, когда враждуютъ родные братья изъ за дѣдовской отчины? Круто враждуютъ между собой лютый Хрудошъ на излучистой Отавѣ, да храбрый Стяглавъ, на хладной Радбужѣ, оба брата, оба Кленовичи, стараго рода Тетвы Попелова, того, что пришелъ съ полками Чеховъ изъ за трехъ рѣкъ въ эти плодоносныя области.

Прилетѣла дружелюбная ласточка, прилетѣла отъ излучистой Отавы, сѣла на широкое окошко въ отеческомъ Любушиномъ золотомъ теремѣ, въ золотомъ теремѣ, въ свѣтломъ Вышеградѣ, горюетъ и жалобно говоритъ. Когда услышала ее родная сестра ихъ (обоихъ, т. е. Хрудоша и Стяглава) на Любушиномъ дворѣ, то стала просить княжну нарядить судъ надъ ними въ ея собственномъ домѣ и призвать тѣхъ обоихъ братьевъ и судить ихъ по закону.

Княжна велѣла отправитьословъ за Святославомъ съ бѣлой Любицы, гдѣ растутъ юныя дубравы, за Лютоборомъ съ Доброславскаго холма, гдѣ Лаба впиваетъ въ себя Орлицу, за Ратиборомъ съ Исполинскихъ горъ, гдѣ Трутъ погубилъ лютаго змѣя, за Радованомъ съ Каменнаго моста, за Ярожиромъ съ рѣчныхъ бродовъ, за Стрежиборомъ съ прекрасной Сазавы, за Самородомъ съ среброносной Межи и за братьями Хрудошомъ и Стяглавомъ, враждующими изъ за дѣдовской отчины. Когда сошлись лехи и владыки въ Вышеградѣ.....каждый занялъ мѣсто по своему происхожденію: вотъ выступаетъ княжна въ длинной, бѣлой одеждѣ, вступаетъ на отческій столъ въ славномъ сеймѣ,... рядомъ съ ней стали двѣ мудрыя дѣвы, опытныя въ вѣщаніи: у одной (въ рукахъ) доски закона, у другой мечь, карающій кривду; противъ нихъ пламень, возвѣщающій истину, и подъ ними святочудная вода.

(Такъ) начала княжна съ отеческаго золотаго престола: «Кметы мои, лехи и владыки, 1) вотъ разберите братьевъ, которые враждуютъ изъ за отчины, изъ за дѣдовской отчины между собою: пусть они по закону вѣковѣчныхъ боговъ либо вмѣстѣ владѣютъ одною землей, либо раздѣлятъ ее между со-

---

шѣ. Лучшее изданіе: Die ältesten Denkmäler der böhmischen Sprache—Шафарика и Палацкаго, 1840 г. Русскій переводъ въ стихахъ сдѣланъ Н. Бергомъ.

1) Кметы—земскіе представители, народные старѣйшины: лехи—начальники, старшины племенъ; владыки—родовъ. Въ позднѣйшее время Лехи и владыки у Чеховъ составляли двѣ степени дворянскаго сословія: лехи—высшую, владыки—нисшую (Slovanské pràvo v Cêchàch a na Moravê—Jirecek. Прага, 1663 г.).

бою по ровну. Мои кметы, лехи и владыки, обдумайте, по душѣ ли вамъ то, что я сказала; не по душѣ—такъ постановите сами новое рѣшеніе, которое смирило бы враждующихъ братьевъ.

Поклонились ей лехи и владыки и начали тихо говорить между собою, и хвалили то, что она сказала.

Всталъ Лютоборъ съ Доброславскаго холма и сталъ говорить такое слово: «Славная княжна на отеческомъ золотомъ столѣ, обдумали мы то, что ты сказала: собери голоса по твоему народу.»

И судныя дѣвы собрали голоса, собирали ихъ во святой сосудъ и дали лехамъ ихъ провозглашать.

Всталъ Радованъ отъ Каменнаго моста, сталъ пересчитывать голоса и рѣшенье большинства объявлять народу для разсужденія на сеймѣ: оба родные брата Кленовичи, стараго рода Тетвы Попелова, который пришелъ съ полками Чеховъ въ эти плодоносныя области изъ за трехъ рѣкъ, пусть поладятъ на томъ о своей отчинѣ, чтобы владѣть имъ обоимъ за одно.

Всталъ Хрудошъ отъ излучистой Отавы, желчь разлилась у него по утробѣ, затрялись у него всѣ члены отъ лютости, махнулъ онъ рукой, заревѣлъ ярымъ туромъ: « Горе птенцамъ, среди которыхъ поселится змѣя, горе мужамъ, которыми владѣетъ женщина. Мужу слѣдуетъ владѣть мужами: первенцу по закону слѣдуетъ отчина.»

Встала Любуша съ отеческаго золотаго стола, сказала: «Кметы, лехи и владыки, слышали ли вы здѣсь мое поруганіе; судитесь сами по закону, ужь я не стану болѣе разбирать вашихъ распрей; выбирайте изъ себя равнаго, который бы правилъ вами посредствомъ желѣза; дѣвичья рука слаба владѣть вами».

Всталъ Ратиборъ съ Исполинскихъ горъ и такую повелъ рѣчь: «Не похвально намъ искать правды у Нѣмцевъ: у насъ правда по святому закону, который принесли отцы наши въ эти.....» 1)

У Славянъ въ древнѣйшее время мы не находимъ различія сословій. У нихъ, по свидѣтельству Адама Бременскаго 2), каждый

---

1) Здѣсь и оканчивается памятникъ, на серединѣ фразы; у лѣтописца чешскаго читаемъ, что Чехи рѣшили изъ среды себя выбрать князя, который бы вмѣстѣ былъ и мужемъ Любуши. Выборъ палъ на Пржемысла-земледѣльца.

2) Адамъ Бременскій (родился около 1040 г., умеръ около 1075 г.), былъ родомъ изъ Мейссена, и въ 1068 г. явился ко двору Гамбургскаго или Бременскаго архіепископа Адальберта. Адамъ Бременскій написалъ: «О дѣяніяхъ святителей Гамбургской церкви». Такъ какъ въ составъ Гамбургской епархіи входили многія земли Славянъ Прибалтійскихъ, то по этому поводу Адамъ при нѣкоторыхъ случаяхъ говоритъ о нихъ. См. Стасюлевича: Исторія Средн. вѣковъ въ ея писателяхъ, т. 2, стр. 754.

пріѣзжій иностранецъ пользовался всѣми правами туземцевъ. Даже рабы, по истеченіи извѣстнаго срока, дѣлались свободными гражданами. Маврикій говоритъ: «Военнопленные содержатся у Славянъ въ рабствѣ не на всю жизнь, какъ это дѣлается у другихъ народовъ, но по прошествіи извѣстнаго времени предоставляютъ имъ на выборъ: возвратиться на родину, заплативъ выкупъ, или остаться между ними свободными и друзьями.» Прокопій такъ изображаетъ наружность Славянъ; Славянскіе народы не различаются наружностью; всѣ они рослы и сильны, цвѣтъ лица имѣютъ не совсѣмъ бѣлый, волоса ни русые, ни вполнѣ черные, но рыжеватые; жизнь ведутъ суровую и грубую, всегда покрыты грязью и всякою нечистотою; злые и лукавые попадаются очень рѣдко между ними. Вообще всѣ иностранцы удивлялись величественной наружности Славянъ. «Никогда я не видывалъ», говоритъ арабскій писатель Ибнъ-Фоцланъ 1), «такихъ рослыхъ людей: они высоки, какъ пальмы, и всегда румяны.» Византійцы и Нѣмцы удивлялись также высокому росту, крѣпкому тѣлосложенію Славянъ, ихъ силѣ и ловкости. Всѣ писатели единогласно хвалятъ добродушіе Славянъ. Относительно нравовъ и гостепріимства,—по словамъ Адама Бременскаго,—не найти людей честнѣе и добродушнѣе. Славянинъ, давъ однажды честное слово, всегда оставался ему вѣренъ, полагая, что клятвопреступленіе оскорбитъ божество. Заботиться о больныхъ и престарѣлыхъ, кормить ихъ и покоить считалось у Славянъ священнымъ долгомъ. Для гостя и странника Славянинъ готовъ былъ жертвовать всѣмъ, что у него было лучшаго. Своимъ гостепріимствомъ Славяне всегда и вездѣ славились особенно. «Они ласковы къ иностранцамъ», говоритъ Маврикій, «и съ большимъ усердіемъ провожаютъ ихъ съ одного мѣста на другое, чтобы предохранить отъ несчастія; если случится обида гостю по нерадѣнію хозяина, то сосѣдъ послѣдняго вооружается на него, считая священною обязанностью мстить за странника. Гельмольдъ во время путешествія своего по землѣ Балтійскихъ славянъ (по Вагріи) имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости разсказовъ о гостепріимствѣ Славянъ. «Прибыславъ князь Вагровъ (одного племени Балтійскихъ Славянъ) попросилъ насъ завернуть къ нему въ домъ, нѣсколько въ сторону отъ дороги, по которой мы ѣхали; онъ принялъ насъ съ великою заботливостью и радушіемъ и приготовилъ богатое угощеніе. Передъ нами помѣстили столъ, уставленный двадцатью кушаньями. Тутъ-то я узналъ на опытѣ, о чемъ слышалъ прежде по раз-

1) Арабскій писатель X вѣка. См. ниже.

сказамъ, что нѣтъ народа привѣтливѣе Славянъ: Въ приглашеніи гостя они всѣ, какъ бы нарочно соревнуютъ другъ другу, такъ, что никогда не приходится страннику самому просить у нихъ пріема. Что ни пріобрѣтетъ Славянинъ своимъ трудомъ, хлѣбъ ли, рыбу ли, дичь ли, онъ все израсходуетъ на угощеніе, и считаетъ того лучшимъ человѣкомъ, кто щедрѣе. Случается даже, что эта страсть показаться пышнымъ расточительнымъ ведетъ къ воровству и грабежамъ. На эти вины смотрятъ снисходительно, извиняя ихъ долгомъ гостепріимства; у Славянъ поговорка: что ночью украдешь, за утро раздавай гостямъ. Если же случится (впрочемъ это бываетъ чрезвычайно рѣдко), что кто нибудь отвергнетъ странника и не приметъ его, считаютъ дѣломъ правымъ сжечь домъ, имущество такого человѣка и всѣ единогласно называютъ его безчестнымъ, подлымъ, стоющимъ всякаго поруганія, кто отказался удѣлить гостю часть своего достатка. У Поморянъ, другого Славянскаго народа изъ Балтійскихъ Славянъ, по свидѣтельству Сефрида [1]), «не снимается никогда со стола кушанье; у каждаго хозяина есть отдѣльная изба, чистая и нарядная, которая служитъ только для стола и угощенія: въ ней стоитъ столъ со всякою ѣдою и питьемъ, всегда накрытый, и когда одно блюдо опорожнится, несутъ другое; отъ мышей покрываютъ блюда скатертью самою чистою; и такъ кушанье всегда готово и ждетъ гостей, и во всякій часъ, когда захотятъ поѣсть, гости ли придутъ или одни домашніе, то вошедши въ столовую избу, найдутъ все готовымъ». Добродушные и человѣколюбивые дома, Славяне отличались на войнѣ хищностью и свирѣпостью. «Около того же времени (549 г.)», говоритъ Прокопій, «войска Славянъ, переправившись черезъ Дунай, ужаснымъ образомъ опустошили всю Имперію до Эпидамна, встрѣчныхъ, безъ разбора возраста, частью умерщвляли, частью уводили въ плѣнъ, лишая ихъ имущества». Подъ 550 г., сообщаетъ тотъ же писатель, что Славяне, въ числѣ только 3000, безпрепятственно вторгшись въ Византійскую Имперію, истребили или плѣнили греческія войска, взяли въ плѣнъ вождя Азбада и сожгли его на кострѣ. За тѣмъ опустошили безнаказанно всю Ѳракію и Иллирію. Взявъ приступомъ сильную крѣпость на Эгейскомъ морѣ Топеръ (нынѣ Боаръ-Калеси), умертвили всѣхъ жителей мужскаго пола (до 150000), расхитили имущество, а женъ и дѣтей отвели въ рабство. И долго вся Иллирія и Ѳракія были покрыты трупами. Встрѣчныхъ они убивали ни мечемъ, ни копьемъ, ни какимъ либо другимъ

---

[1]) Сефридъ одинъ изъ жизнеописателей Оттона Епископа Бамбергскаго, распространявшаго христіанство у Славянъ Прибалтійскихъ.

оружіемъ, но сажали несчастныхъ на колъ. Кромѣ того распинали на крестѣ, били батогами по головѣ. Иныхъ, заперши въ шатры, вмѣстѣ съ быками и овцами, которыхъ не могли увести съ собой, безжалостно сжигали. Наконецъ они пресытились кровью, и возвратились домой съ множествомъ плѣнныхъ.» О хищности и свирѣпости Славянъ также много говоритъ Гельмольдъ: «Въ войнахъ съ сосѣдними народами они (Поляки и Чехи) храбры при нападеніи, но весьма жестоки въ грабежѣ и убійствѣ; они не щадятъ ни монастырей, ни церквей, ни кладбищъ. Они не иначе вмѣшиваются въ чужія войны, какъ только при условіи, что имъ будетъ позволено расхищать все, что считается даже священнымъ. Отъ чего случается, что они изъ за добычи обращаются часто съ самыми преданными друзьями, какъ съ врагами, потому ихъ весьма рѣдко приглашаютъ быть союзниками на войнѣ. Славянамъ была врождена свирѣпость ненасытная, которая наносила гибель окрестнымъ народамъ на сушѣ и на морѣ. Какими многоразличными родами смерти Славяне губили христіанъ, разсказать трудно: однимъ они вытягивали кишки, наматывая ихъ на колъ; другихъ распинали на крестъ, ругаясь надъ знаменіемъ нашего искупленія. Они полагаютъ, что должно пригвождать ко кресту самыхъ отчаянныхъ злодѣевъ, а кого они сажаютъ подъ стражу ради денежнаго выкупа, тѣхъ мучатъ столькими пытками и сковываютъ столькими цѣпями, что не знающему и не повѣрятъ». Но Славяне были особенно жестоки только ко врагамъ своей народности, которые попирали все, что было для нихъ священнаго и дорогого—свободу, честь и вѣру. Лѣтописи Византійскія и Нѣмецкія представляютъ намъ не одинъ примѣръ самаго безчеловѣчнаго обращенія съ Славянами такихъ народовъ, которые считали себя по образованности выше ихъ. Тотъ же Гельмольдъ говоритъ: «одержавъ побѣду, Славяне вооруженною рукою свергли иго рабства и съ такимъ упорствомъ стояли за свободу, что скорѣе рѣшались умереть, нежели принять снова названіе христіанъ или платить дань начальникамъ Саксовъ. По истинѣ, эту бѣду породило несчастное корыстолюбіе Саксовъ, которые пока одарены были силою и возвеличивались частыми побѣдами, не хотѣли признать, что война въ рукѣ Божіей и что отъ Бога побѣда, а напротивъ, такими налогами угнетали народъ Славянскій, который удалось имъ подчинить себѣ войною и договорами, что онъ горькою необходимостью принужденъ былъ сопротивляться Божьему закону и подданству герцогамъ». Славянинъ шелъ на войну или отстаивать свою свободу или ради корысти пріобрѣтеній. «Варвары (т. е. Славяне) предпочитали войну миру и всякое бѣд-

ствіе въ ихъ глазахъ было еще ничтожно по сравненію съ потерей свободы. Это какое то суровое отродье людей, которыхъ нельзя испугать никакою строгостью; привыкнувъ къ самой жалкой пищѣ, Славяне считаютъ еще наслажденіемъ то, что для нашихъ было бы невыносимымъ бременемъ. Дѣйствительно, не мало прошло времени съ тѣхъ поръ, какъ мы ведемъ съ ними борьбу съ перемѣннымъ счастьемъ; и это неудивительно, потому что мы (т. е. Германцы) сражаемся за славу и распространеніе своей власти, а для Славянъ дѣло идетъ о выборѣ между свободою и рабствомъ.» Такъ говоритъ Видукиндъ, лѣтописецъ нѣмецкій. Славяне Дунайскіе ради богатствъ вторгались почти ежегодно въ Грецію.

«Отправляясь на войну,» говоритъ Прокопій, «Славяне идутъ на враговъ пѣшіе, имѣя въ рукахъ щиты и дротики, панцырей не носятъ; нѣкоторые же выходятъ въ сраженіе безъ нижней и верхней одежды, въ однихъ коротенькихъ портахъ.» У Славянъ не было постояннаго войска, съ наступленіемъ войны вооружался всякій, кто могъ носить оружіе, а дѣти и жены вмѣстѣ съ пожитками удалялись въ города или лѣса. Такимъ образомъ, все народонаселеніе области стекалось въ города, стоявшіе прежде пустыми. Подъ прикрытіемъ стѣнъ и неприступной мѣстности, жители мужественно оборонялись до послѣдней крайности. Тамъ, гдѣ городовъ было мало, жители удалялись въ лѣса и топи. Маврикій говоритъ: «Славяне отличаются отъ другихъ народовъ искусствомъ прятаться въ рѣкахъ, гдѣ могутъ долго оставаться погруженными въ воду; этимъ они пользуются при неожиданномъ нападеніи враговъ на ихъ страну. Они опускаютъ въ рѣку длинные къ тому приспособленные камыши, внутри выдолбленные, и лежа, держатъ одинъ конецъ во рту, а другой поверхъ воды, такъ, что они свободно могутъ дышать и остаются въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока минуетъ опасность. Если и случится, что непріятель увидитъ торчащіе камыши, то, не зная этой хитрости, принимаетъ за обыкновенные камыши, которые растутъ въ рѣкахъ. Если же по разрѣзу или положенію камыша узнаютъ хитрость, то прокалываютъ камышами рты Славянъ или вытаскиваютъ камыши изъ воды, а вмѣстѣ съ ними и людей, которые не могутъ больше оставаться въ водѣ. Славяне умѣли также скрываться отъ непріятеля въ травѣ, а не то, притаившись гдѣ нибудь за скалою или за кустарникомъ, изумляли враговъ внезапнымъ нападеніемъ и уводили множество въ плѣнъ. Славяне предпочитали сражаться въ тѣснинахъ и ущельяхъ, чѣмъ въ открытомъ полѣ, любили окружать себя искусственнымъ валомъ изъ телѣгъ, но бились искуссно и въ мѣстахъ ровныхъ, от-

крытыхъ, не уступая Грекамъ и въ бою рукопашномъ. Вообще, Славяне выбирали обыкновенно для битвы мѣста укрѣпленныя самою природой или же укрѣпляли ихъ валомъ и засѣкою. Когда же не было возможности ни того, ни другого, Славяне строили войска въ видѣ треугольниковъ, которые отъ густыхъ рядовъ копій и щитовъ казались неприступною живою стѣною. Быстрые и стремительные въ нападеніи, мужественные въ защитѣ своихъ городовъ, Славяне умѣли также брать чужіе города. Густымъ строемъ, положивъ щиты на спину, шли они на приступъ. Одежда Славянъ, какъ говоритъ Прокопій, состояла изъ короткихъ штановъ, нижней одежды, заступавшей теперешнюю рубаху, и изъ плаща. Голову они покрывали шапкой, у однихъ низкой, у другихъ высокой, остроконечной. Обувь ихъ состояла изъ куска звѣриной кожи, или изъ лыка; покрывая стопы, она прикрѣплялись тесьмой до самой икры. Славяне подстригали обыкновенно бороду и усы, также волоса до затылка; во время же траура или печали отпускали и тѣ и другія.

О древнѣйшихъ письменахъ Славянскихъ говоритъ монахъ Храбръ, жившій въ началѣ 10 вѣка. «Прежде Славяне, бывши язычниками, не имѣли книгъ, но чертами и рѣзами читали и гадали.» Это извѣстіе позволяетъ заключать, что у Славянъ язычниковъ существовали особые, письменные знаки. Какіе они были?—трудно сказать. [1])

8. Восточные Славяне.

XI в.

Спустя много времени послѣ Вавилонскаго Столпотворенія, сѣли Славяне по Дунаю, гдѣ теперь земля Венгерская и Болгарская. Отъ тѣхъ Славянъ разошлись по землѣ племена и прозвались своими именами, гдѣ которое племя сѣло на какомъ мѣстѣ: одни пришли и сѣли на рѣкѣ именемъ Морава и прозвались Моравами, другіе назвались Чехами; а вотъ тоже Славяне: Хорваты Бѣлые, Сербы и Хорутане. Когда Волохи [2])

---

1) При составленіи этой статьи я пользовался трудомъ г. Макушева: Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ. С.-Петербургъ, 1861 г.

2) Подъ *Волохами* Нестора ученый Шафорикъ разумѣетъ Келтійскихъ Галловъ, вторгнувшихся въ 4 вѣкѣ до Р. Х. въ Подунайскія земли и принудившихъ, жившихъ тамъ Славянъ удалиться на Сѣверъ къ Карпатамъ и за Карпаты (Славянскія Древности въ переводѣ Бодянскаго, т. I, кн. 1, стр. 373 и далѣе).

нашли на Славянъ Дунайскихъ, поселились среди нихъ, и начали насильничать то тѣ Славяне (т. е. Моравы и Чехи) двинулись, сѣли по Вислѣ рѣкѣ, и прозвались Ляхами, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвались Поляне (Поляки), къ племени же Ляховъ принадлежатъ Лутичи, Мазовшане, и Поморяне. Также и эти Славяне (т. е. Хорваты Бѣлые, Сербы и Хорутане) двинулись, и одни сѣли по Днѣпру и назвались Поляне, другіе назвались Древляне, потому, что поселились въ лѣсахъ: сѣли также между Припетью и Двиною и назвались Дреговичи, сѣли по Двинѣ и назвались Полочане отъ рѣчки Полоты, которая течетъ въ Двину. Сѣли Славяне и около озера Ильменя, прозвались своимъ именемъ, сдѣлали городъ и назвали его Новгородъ; нѣкоторые сѣли по Деснѣ, Семи, Сулѣ и назвались Сѣверяне. Такъ разошелся народъ Славянскій. Поляне жили особо и владѣли по родамъ, каждый родъ владѣлъ особо и каждый жилъ съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ и каждый владѣлъ съ своимъ родомъ [1]). Были три брата, одному имя Кій, другому Щекъ, а третьему Хоривъ, сестра ихъ была Лыбедь. Кій жилъ на горѣ, гдѣ теперь ввозъ Боричевъ, Щекъ на горѣ, которая зовется теперь Щековица, Хоривъ на третьей горѣ, которая отъ него прозвалась Хоривица; сдѣлали городъ и во имя старшаго брата назвали его Кіевъ. Около города былъ лѣсъ и великій боръ; ловили звѣрей, были мужи мудрые, смышленые, назывались Поляне; отъ нихъ Поляне въ Кіевѣ и до сего дня. Нѣкоторые говорили не зная, что Кій былъ перевозчикъ; тогда у Кіева былъ перевозъ съ той стороны Днѣпра, потому говорили: «на перевозъ, на Кіевъ.» Если бы Кій былъ перевозчикъ, то не ходилъ бы къ Царюграду; но этотъ Кій княжилъ въ родѣ своемъ; когда онъ приходилъ къ царю, [2]) имѣлъ, какъ разсказываютъ, большую честь отъ царя, къ которому приходилъ. Идя назадъ, пришелъ къ Дунаю, полюбилъ тамъ одно мѣсто, срубилъ небольшой городокъ и хотѣлъ поселиться въ немъ съ своимъ родомъ, но ему это не дозволяли близъ живущіе; еще и теперь Дунайцы называютъ то городище Кіевецъ. Кій же, возвратясь въ свой городъ Кіевъ, тамъ скончался; тамъ же умерли братья его Щекъ и Хоривъ и сестра Лыбедь. Послѣ этихъ братьевъ родъ ихъ началъ держать княженіе у Полянъ; у Древленъ было свое княженіе, у Дреговичей свое, у Славянъ было свое въ Новѣгородѣ, у Полочанъ свое на Полотѣ. Отъ нихъ же, т. е. отъ Полочанъ—Кривичи, которые

---

1) Слово *родъ* въ Старославянскомъ языкѣ употреблялось въ тѣсномъ смыслѣ семьи и въ обширномъ смыслѣ всего развѣтвившагося потомства. Примѣры у Тюрина: Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси.

2) Здѣсь подъ царемъ разумѣется Императоръ Византійскій.

сидятъ на верховьяхъ Волги, Двины и Днѣпра, у нихъ городъ Смоленскъ, отъ нихъ Сѣверяне. Вотъ только кто принадлежитъ въ Руси къ Славянамъ: Поляне, Древляне, Новгородцы, Полочане, Дреговичи, Сѣверяне, Бужане, сѣвшіе по Бугу и прозванные послѣ Велынянами. Въ то время когда Славяне, какъ уже было выше сказано, жили по Дунаю, отъ Скифовъ, иначе отъ Хазаръ, пришли Болгары, сѣли по Дунаю и поселились въ землѣ Славянъ. Потомъ пришли Угры Бѣлые (Хазары [1]) и заняли Славянскую землю. Эти Угры появились при Ираклiѣ царѣ [2]), который ходилъ на Хозроя, царя Персидскаго. Въ эти же времена были и Обры (Авары), они ходили на Ираклiя и едва не взяли его. Эти же Обры нападали на Славянъ и примучили Славянъ Дулѣбовъ; притѣсняли женъ Дулѣбскихъ: когда Обринъ хотѣлъ ѣхать, не дозволялъ впречь коня или вола, но приказывалъ впречь 3 или 4 или 5 женъ въ телѣгу, чтобы онѣ везли его; такъ мучили Дулѣбовъ. Были Обры тѣломъ велики и умомъ горды и Богъ истребилъ ихъ: померли всѣ и ни одинъ Обринъ не остался; есть и теперь еще пословица въ Руси: «погибли какъ Обры.» Послѣ нихъ пришли Печенѣги, послѣ шли Угры Черные (Венгры) мимо Кіева.

Поляне, какъ сказано, жили особо, принадлежа къ Славянамъ, Древляне тоже отъ Славянъ, Радимичи же и Вятичи отъ Ляховъ: были два брата въ Ляхахъ, одинъ Радимъ, другой Вятко; Радимъ пришелъ и сѣлъ на рѣкѣ Сожѣ, отъ него прозвались Радимичи; а Вятко сѣлъ съ родомъ своимъ на Окѣ; отъ него прозвались Вятичи. И жили въ мирѣ Поляне, Древляне, Сѣверяне, Радимичи, Вятичи, Хорваты. Дулѣбы жили по Днѣстру, прiближаясь къ Дунаю; было множество ихъ, сидѣли по Днѣстру даже до самаго моря, города ихъ существуютъ и теперь; это и называлось у Грековъ: Великая Скифiя.

Каждое племя имѣло свои обычаи, законы своихъ предковъ и преданія, каждое — свои нравы. Поляне имѣли отъ своихъ предковъ обычай кроткій и тихій, стыдѣнье къ снохамъ своимъ и сестрамъ, къ матерямъ и отцамъ своимъ, къ свекровямъ и деверямъ; брачные обычаи имѣли: не ходилъ женихъ за невѣстой, но ее приводили къ нему вечеромъ, а на другой день

---

1) Было время, въ которое слово Угры, Унгары употреблялось лѣтописателями точно также, какъ слово Турки и Гунны; всякому вновь приходившему съ востока дикому народу, давалось это названiе, пока не узнавали его покороче. Въ то время, когда союзъ съ Ираклiемъ перенесъ Хазаровъ съ Кавказскихъ горъ въ лѣтописи, настоящее имя ихъ было не столь извѣстно, какъ послѣ, когда они пришли въ Европу (Шлецера: Несторъ, т. I, стр. 202).

2) Ираклiй, Императоръ Византiйскiй, царствовалъ 610—641, успѣшно велъ войну съ Персами и содѣйствовалъ паденiю Персидскаго государства.

приносили то, что за нею дано. Древляне жили по звѣрски, жили скотски, убивали другъ друга, ѣли не чистое и брака у нихъ не было, но у воды умыкали дѣвицъ. Радимичи, Вятичи, Сѣверяне имѣли одинакій обычай: жили въ лѣсахъ какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословье было у нимъ предъ отцами и снохами; браковъ не было у нихъ, но были игрища между селами. Сходились на игрища, на плясанья и на всѣ бѣсовскія игрища и тутъ умыкали себѣ женъ, съ которою, кто сговаривался; имѣли по двѣ и по три жены. Когда кто умиралъ, сперва творили надъ нимъ тризну, потомъ устроивали великую кладу (костеръ) и положивъ мертвеца на кладу, сожигали; за тѣмъ, собравъ кости, клали ихъ въ небольшую сосудину, которую ставили на столбѣ при дорогахъ, что дѣлаютъ Вятичи и теперь. Этихъ же обычаевъ держались Кривичи и другіе язычники, не зная закона Божья, но сами себѣ творя законъ.

Полянъ послѣ смерти братьевъ обижали Древляне и другіе сосѣди. Наконецъ, явились Хазары; они сказали Полянамъ: «платите намъ дань.» Поляне, подумавъ, дали имъ отъ каждаго дома мечь, Хазары понесли къ своему князю, къ старѣйшинамъ и сказали: «вотъ мы достали новую дань,» тѣ спросили: «Откуда?» «Въ лѣсу, на горахъ, надъ рѣкою Днѣпромъ.» «Что же вамъ дали?» Показали мечь.—Хазарскіе старцы сказали тогда: «не добрая дань, княже, мы добыскались ея оружіемъ съ одной острой стороной или саблями, а ихъ оружіе обоюду остро или мечь; они будетъ брать дань съ насъ и съ другихъ земель. Все это и сбылось.

Несторъ.1)

---

1) Несторъ. Это имя привыкли сообщать составителю лѣтописнаго свода, обнимающаго древнѣйшую исторію Славянъ восточныхъ. Сводъ озаглавленный:« Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду Русская земля стала есть», начавшись съ потопа, оканчивается 1110 г. Имени составителя нѣтъ при немъ. Одни ученые по нѣкоторымъ соображеніямъ приписали этотъ сводъ упомянутому Нестору, бывшему монахомъ Кіево-Печерскаго монастыря (ок. 1093 г.) и извѣстному многими своими трудами, другіе не могутъ принять этаго на томъ основаніи, что лѣтописный сводъ, приписываемый Нестору, не согласенъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ прочими трудами его, несомнѣнно ему принадлежащими и по другимъ причинамъ. Въ составъ лѣтописнаго свода вошли: 1) Отрывки изъ Византійскаго Хронографа Георгія Амартола (9 в.); 2) преданія, существовавшія въ народѣ; 3) отдѣльныя лѣтописи, писанныя, по большей части современниками, изъ которыхъ древнѣйшую можно отнести къ концу 10 вѣка; 4) особыя сочиненія (о Кириллѣ и Меѳодіи, о крещеніи Св. Владиміра, о св. Борисѣ и Глѣбѣ, договоры Олега и Игоря, поученіе Мономаха, о монастырѣ Печерскомъ); 5) благочестивыя поученія—проповѣди того времени; 6) извлеченія изъ разныхъ Византійскихъ писателей и др. Изданія: Лѣтопись Несторова по древнѣйшему списку инока Лаврентія, из-

9. О языческой религіи Славянъ.

1855 г.

Древнѣйшая религія Славянъ состояла, сколько извѣстно, въ обоготвореніи неба и силъ природы и въ поклоненіи имъ. Вотъ какъ ее описываетъ въ VI вѣкѣ Прокопій: «Они (Славяне и Анты) признаютъ одного Бога, производителя молніи, единымъ владыкою вселенной, и приносятъ Ему въ жертву быковъ и другіе дары. Судьбы они не знаютъ и не вѣрятъ, чтобы она имѣла какое либо вліяніе на людей. Но когда имъ угрожаетъ смерть въ болѣзни или на войнѣ, даютъ обѣтъ Богу, если избѣгнутъ опасности, принесть Ему тотчасъ жертву за спасеніе; спасшись, приносятъ въ жертву обѣщенное и вѣрятъ, что этою жертвою возвратили себѣ жизнь. Они поклоняются также рѣкамъ и нимфамъ и нѣкоторымъ другимъ божествамъ: всѣмъ имъ они приносятъ жертвы и при этихъ жертвоприношеніяхъ гадаютъ.» Нѣсколько поясняетъ описаніе Прокопія Гельмольдъ, хотя жившій позднѣе (въ 12 вѣкѣ) и имѣвшій въ виду преимущественно Славянъ Балтійскихъ. «Между многообразными божествами, которымъ присвоены лѣса, поля, печали и радости, они (Балтійскіе Славяне) отличаютъ единаго Бога, въ небесахъ, повелѣвающаго прочими богами. Онъ самый могущественный, заботится только о небесномъ, другія же божества, исполняя возложенныя на нихъ обязанности, происходятъ отъ его крови и тѣмъ тотъ знатнѣе, чѣмъ кто ближе къ этому Богу боговъ». Изъ словъ Гельмольда можно думать, что Прокопій смѣшалъ въ изображеніи верховнаго славянскаго бога властителя молніи, котораго называли Перуномъ; онъ былъ дѣйствительно у Славянъ верховнымъ Богомъ природы и располагалъ жизнію и смертію людей; но надъ нимъ они признавали бога неба, который былъ выше его, но ему предоставилъ міръ земной; это высшее божество называли просто Богомъ и, вѣроятно, также Сварогомъ. «Да не будутъ имѣть помощи ни отъ Бога, ни отъ Перуна; да будутъ осуждены и отъ Бога и отъ Перуна», говорится въ одномъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ Русскаго слова. Богъ неба, прабогъ Сварогъ, жилъ на небѣ, заботился только о небесномъ, предоставивъ землю въ полное распоряженіе второстепенныхъ божествъ; онъ совершенно былъ равнодушенъ къ судьбѣ смертныхъ, а потому не зачѣмъ было приносить ему жертвы. Между тѣмъ земные боги часто помогали людямъ въ ихъ нуждахъ, а не рѣдко наказывали злыхъ и непокорныхъ; такимъ богамъ нужно было поклоняться и прино-

---

даніе Профессора Тимковскаго, прерывающееся 1019 годомъ, Москва, 1824. Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, издаваемое Археографическою комиссіею, т. 1, стр. 1—127. Спб. 1826 г.

сить жертву. И Славяне были усердны къ своимъ богамъ. Но само собою разумѣется, чѣмъ могущественнѣе былъ богъ, тѣмъ обильнѣе были жертвоприношенія. Прокопій, смѣшавъ Сварога съ Перуномъ, приписалъ первому жертвы приносимыя второму.

Подлѣ Перуна или въ зависимости отъ него, Славяне воображали себѣ другихъ боговъ, управлявшихъ разными силами природы. Изъ нихъ упомянаются у Русскихъ Славянъ: Хорсъ или Дажь-богъ, сынъ Свароговъ, богъ солнца; Стрибогъ, богъ вѣтровъ; Волосъ, богъ стадъ. Подъ словомъ нимфы, о которыхъ говоритъ Прокопій, можно разумѣть, божескихъ существъ женскаго рода, вѣра въ которыхъ была распространена у всѣхъ Славянъ, но каждое племя называло ихъ особеннымъ именемъ: Южные Славяне—вилами, Русскіе—русалками, Чехи—полудницами, Словаки бѣлыми панями и т. д. [1])

Всѣ эти божества и другія, имъ подобныя, не имѣли, сколько мы знаемъ, вполнѣ опредѣленныхъ и установленныхъ личностей и, кажется, только постепенно возникали въ народномъ вѣрованіи. Боги эти не были какія нибудь философскія, отвлеченныя представленія, а существа весьма матеріальныя, которыя жили въ природѣ и владѣли ею. Они обитали въ лѣсахъ, имѣли

1) Вилы обитаютъ въ воздухѣ, на землѣ и въ водѣ; воздушныя всегда добры, вилы водяныя всегда злы, а вилы земныя бываютъ и добрыя и злыя. Вообще вилы отличаются прекрасною наружностію, вѣчно юны, блѣднолицы и носятъ бѣлую одежду; длинная расплетенная коса ниспадаетъ до земли: въ ней заключается вся чудодѣйственная сила вилы; тѣло у нихъ нѣжное, прозрачное, легкое, какъ у птицы; нѣжныя очи блистаютъ, подобно молніи; голосъ пріятенъ и благозвученъ. Бѣда человѣку, прельстившемуся вилиною красотою: ему опостылитъ міръ и жизнь будетъ ему не на радость. Если же сами вилы пригласятъ человѣка въ свой хороводъ, то ему нѣтъ никакой опасности, напротивъ, вилы научатъ его всякой наукѣ, и останется онъ на всегда мудрымъ и вѣщимъ. Кто побратается или посестрится съ вилою, будетъ имѣть во всемъ успѣхъ, ибо его посестрима вила будетъ ему всегда помогать. Всякая вила есть мудрая пророчица и знахарька, и можетъ всякаго человѣка побѣдить мудростью и знаніемъ, можетъ и одарить его всякимъ благомъ. Вилямъ извѣстны всѣ ремесла и искусства. Онѣ куютъ сабли, которыя могутъ перерубать желѣзо и самый твердый камень; онѣ строятъ замки, какихъ никогда свѣтъ не видывалъ, они дарятъ дивныхъ коней, какимъ подобныхъ нѣтъ на землѣ, и которые не боятся никакой непогоды, никакой опасности (Изслѣдованіе о вилахъ сербскаго ученаго Кукулевича-Сакцинскаго).

Русалки рѣчныя божества, самое слово происходитъ отъ древнеславянскаго слова rusa—рѣка. Память о русалкахъ особенно живо сохранилась у Малоруссовъ и Бѣлоруссовъ. Русалки представляются дѣвицами блѣдными, часто съ зелеными волосами, которые они расчесываютъ при свѣтѣ мѣсяца. Русалки до Троицына дня живутъ въ рѣкахъ. Послѣ того они расходятся по землѣ и живутъ въ лѣсахъ на деревьяхъ до Петрова дня Это существа своевольныя, шутливыя, ни добрыя, ни злыя (Изслѣдованіе о Русалкахъ Шафарика см: Casopis Ceského Museum, г. 1863, стр. 257; также: Собраніе Малороссійскихъ пѣсенъ Максимовича).

священныя деревья: туда приходили въ сумерки «имъ давать ѣсть,» т. е. приносить жертвы, били передъ нимъ челомъ, возглашали священныя слова; они располагали судьбою людей, посылали имъ побѣду или пораженіе. Самое живое и вѣрное свидѣтельство о древнемъ славянскомъ язычествѣ слышится безъ сомнѣнія въ Чешскихъ пѣсняхъ, дошедшихъ до насъ отъ временъ до христіянскихъ; ибо онѣ по своему происхожденію старше всѣхъ извѣстій о славянскомъ язычествѣ (кромѣ одного Прокопія) и возникли среди самой жизни языческой, а не въ монастыряхъ, гдѣ на все языческое смотрѣли болѣе или менѣе, съ презрѣніемъ. А въ этихъ то пѣсняхъ и не является никакихъ опредѣленныхъ личностей боговъ, тогда какъ о богахъ вообще говорится безпрестанно. Любуша говоритъ предъ сеймомъ: «Мои кметы, лехи и владыки! вотъ братьямъ разрѣшите правду, по закону вѣкожизненныхъ боговъ, будутъ ли оба сообща владѣть наслѣдіемъ, или раздѣлятся по ровну?» 1)

»Отецъ отшелъ къ отцамъ, оставивъ на дѣдовской землѣ своихъ дѣтокъ и супругу, никому не сказавъ: «батька! говори съ ними, какъ отецъ!» И пришелъ чужеземецъ насильно въ землю дѣдовъ и сталъ повелѣвать нами на чужомъ языкѣ; и какъ что дѣлалось въ чужой землѣ съ утра до вечера, такъ должны были поступать и дѣти и жены, и мы всѣ имѣть одну только подругу на всемъ пути отъ Весны и до Мораны. 2) Выгнали изъ рощь всѣхъ коршуновъ и заставили насъ поклониться и приносить обѣты тѣмъ же богамъ, какимъ поклоняются въ чужой землѣ. И не смѣли уже мы бить себя въ чело передъ богами, ни давать имъ ѣсть въ сумерки. Гдѣ батюшка давалъ кормъ богамъ, куда ходилъ къ нимъ молиться, тамъ всѣ деревья посѣкли и порушили всѣхъ боговъ.»

«Братъ! вотъ сѣдая вершина: боги тамъ насъ одарили побѣдою,...туда идемъ, къ вершинѣ, хоронить мертвыхъ и дать пищу богамъ и тамъ богамъ спасителямъ принести множество жертвъ и возгласить имъ любимыя слова и посвятить имъ оружіе убитыхъ враговъ» (Забой и Славой).

«Вскричалъ Воймиръ со скалы голосомъ, раздававшимся въ лѣсу, изъ сильнаго горла воззвалъ онъ къ богамъ: не гнѣвайтесь боги, на своего слугу, что онъ не жжетъ вамъ жертвы при сегодняшнемъ солнцѣ (т. е. сегодня). Жертва вещь должная богамъ, сказалъ Честмиръ; и такъ мы поспѣемъ теперь на враговъ. Садись же, ты, сейчасъ на быстраго коня, пролети лѣса оленьимъ скокомъ, туда въ дубраву, тамъ отъ дороги въ сто-

---

1) Судъ Любуши.

2) Т. е. отъ юности до смерти. Весна и Морана языческія божества Чеховъ—весны и зимы, жизни и смерти.

рону скала, богами возлюбленная: на ея вершинѣ жертвуй богамъ, богамъ своимъ спасителямъ, за прошедшія и за будущія побѣды. Прежде чѣмъ солнце... ступитъ надъ вершинами лѣса, подойдутъ и воины туда, гдѣ отъ твоей жертвы повѣетъ столбами дыма, и мимоходомъ все войско смиренно поклонится. И сѣлъ Воймиръ на быстраго коня, пролетѣлъ лѣса оленьимъ скокомъ, туда въ дуброву, къ скалѣ; на верху скалы онъ зажегъ жертву богамъ своимъ спасителямъ за прошедшія и за будущія побѣды, онъ имъ принесъ буйную телицу: рыжая на ней лоснилась шерсть; телицу эту купилъ онъ у пастуха, тамъ въ долинѣ гдѣ высокая трава, давъ за нее коня и съ уздою. Пылала жертва, и приближаются воины къ долинѣ, изъ долины идутъ вверхъ въ дуброву,—воины съ шумомъ идутъ одинъ за однимъ, неся оружіе; каждый, идя кругомъ жертвы, возглашалъ богамъ славу, и никто, заходя, не медлилъ стукнуть (оружіемъ) (Честмиръ и Влаславъ) [1]).

Хотя всѣ Славяне въ своихъ языческихъ вѣрованіяхъ вышли изъ одного начала, именно: обожанія видимыхъ силъ природы и признанія единаго небеснего Бога (называемаго также Сварогомъ); но столь же вѣрно и то, что въ дальнѣйшемъ развитіи своей языческой религіи не всѣ они слѣдовали одному пути и не всѣ ушли одинаково далеко. Это развитіе должно было зависѣть отъ обстоятельствъ и въ особенности отъ того, съ какими народами соприкасалась та или другая славянская вѣтвь. Когда большая часть племенъ славянскихъ осталась

---

1) Приведенные здѣсь отрывки древне чешскихъ, эпическихъ пѣсенъ взяты изъ замѣчательнаго памятника Чешской литературы, извѣстнаго подъ названіемъ Краледворской рукописи. Она найдена ученымъ В. Ганкою въ небольшомъ городкѣ Кралевѣ дворѣ (Koniginhof), отчего и получила свое названіе; она несомнѣнно принадлежитъ концу XIII вѣка. Эта рукопись, красиво написанная на маленькихъ листкахъ пергамена, составляетъ только небольшую часть первоначальнаго Сборника: именно въ ней сохранились только конецъ 25-й, 26, 27 й и начало 28-й главы третьей книги. Эти четыре неполныя главы заключаютъ цѣлый рядъ памятниковъ эпической и лирической народной поэзіи; эпическихъ памятниковъ пять: 1) Забой и Славой (сложилась вѣроятно въ концѣ VIII вѣка), 2) Честмиръ и Влаславъ (IX вѣка), 3) Яромиръ и Ольдрихъ, 4) Бенешъ Германовъ, 5) Ярославъ (XIII вѣка). Краледворская рукопись издана была нѣсколько разъ; болѣе извѣстныя изданія: Графа Туна: Gedichte aus Böhmens Vorzeit, 1845 г., съ введеніемъ Шафарика и примѣч. Палацкаго; Ганки: Die Kóniginhofer Handschrift. Sammlung altböhmischer lyrisch-epischer Gesänge , nebst andern altböhmischen Gedichten. Herausg. von W. Hanka, verteûscht únd mit einer hist. kritischen Einleitung versehen von W. A. Swoboda. Русскій переводъ сдѣланъ Н. Бергомъ въ стихахъ, 1852 г. Статья о Краледворской рукописи Акад. Куника, въ II томѣ, книжкѣ I, Записокъ Имп. Академіи Наукъ, 1862 г.

при непосредственномъ поклоненіи силамъ природы, Славяне Балтійскіе въ своей религіозной жизни пошли совсѣмъ другимъ путемъ чѣмъ прочія племена Славянскія. Простое поклоненіе природѣ уже не удовлетворяло ихъ мысли, возбужденной воинственною дѣятельностію, торговыми предпріятіями, знакомствомъ съ Германскою религіею и прежде чѣмъ христіянство могло приблизиться къ ихъ краю, они успѣли уже создать себѣ цѣлую систему языческаго міросозерцанія и богопоклоненія. Они олицетворили силы природы въ богахъ, боговъ они изображали въ кумирахъ, имъ воздвигали храмы; для присмотра за храмами и служенія богамъ назначали особыхъ жрецовъ, которые совершали богослуженіе по извѣстному чину, съ извѣстными обрядами; наконецъ, на содержаніе жрецовъ и на богослуженіе опредѣлили доходы, частію постоянные, частію случайные и это іерархическое устройство усилилось съ теченіемъ времени до такой степени, что князь или воевода сдѣлался просто исполнителемъ жреческой воли. Жрецъ раздѣлялъ съ княземъ законодательную власть, возсѣдалъ съ нимъ въ судѣ, произносилъ приговоръ о мирѣ и войнѣ, а война велась для пользы жреца, для умноженія его доходовъ и сокровищъ.

До такого положенія богослужебное устройство не достигло нигдѣ у другихъ Славянскихъ племенъ. Племена эти не стояли на такой степени въ отношеніи къ господству кумировъ и храмовъ въ ихъ языческой религіи. Они остались долѣе на первоначальной ступени религіознаго развитія, на непосредственномъ обожаніи силъ природы. Это и была можетъ быть одна изъ главныхъ причинъ, почему всѣ Славянскія племена, за исключеніемъ Балтійскихъ, вездѣ свободно и охотно принимали христіянскую вѣру, какъ скоро проповѣдники ея приходили вѣстниками мира, а не съ оружіемъ въ рукѣ. Ибо не было никого, кто бы терялъ отъ принятія новой вѣры, какъ теряли жрецы у Балтійскихъ Славянъ, которые лишались чрезъ это своихъ доходовъ и богатствъ, своего значенія, словомъ, всего своего существованія и потому, употребляли всевозможныя средства, дабы отвратить отъ себя гибель,—подстрекали народъ къ сопротивленію, къ кровавымъ и истребительнымъ войнамъ и не щадя даже мирныхъ проповѣдниковъ, убивали ихъ и приносили въ жертву своимъ богимъ, вѣрнѣе сказать: своимъ выгодамъ.

Гильфердингъ [1]).

---

1) Исторія Балтійскихъ Славянъ, Т. I.

10. Святилища и обряды языческаго богослуженія Славянъ.

1846 г.

Чувствуя силу природы, Славянинъ всюду, гдѣ замѣчалъ ее, видѣлъ божество и по-ея дѣйствіямъ, были ли они благодѣтельны для него или вредны, благословлялъ боговъ или страшился ихъ гнѣва. На землѣ божество жило по его понятію, въ водахъ, горахъ, лѣсахъ, поляхъ, жилищахъ человѣческихъ; на небѣ—въ громѣ и молніи, въ вѣтрахъ, въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ и пр. О духахъ водъ, горъ, лѣсовъ и полей сохранились повѣрія въ народѣ и до сихъ поръ, равно какъ и о домовыхъ.

Особенно было распространено поклоненіе божествамъ воды и огня. Славяне, поклоняясь воднымъ божествамъ, призывали ихъ въ своихъ клятвахъ въ подтвержденіе даннаго слова, супружескаго обѣта и т. п., очищались водою, какъ стихіей священной; молились надъ водою, приносили воднымъ божествамъ въ жертву цвѣточные вѣнки, яства, деньги, пѣтуховъ, даже живыхъ людей; вѣруя въ пророческую силу божествъ водныхъ, относились къ нимъ, какъ къ оракуламъ, гадали на водахъ и изъ воды получали знаменія о будущемъ; вѣря также, что имъ извѣстно было и прошедшее, утаенное отъ людей, отъ нихъ ожидали рѣшеній въ дѣлахъ, въ которыхъ сами не могли быть судіями. Воднымъ существамъ были посвящены особенные дни для совершенія празднествъ въ ихъ честь, для совершенія передъ ними торжественнаго служенія и таинствъ, съ нимъ соединенныхъ: это было особенно весною и середи лѣта. Съ вѣроятностью можно заключить, что святилищами служенія воднымъ божествомъ были особенныя мѣста у береговъ, священныхъ озеръ, рѣкъ, потоковъ и ключей, куда народъ собирался преимущественно для исполненія своихъ священныхъ обрядовъ.

Поклоненіе огню также опиралось, хоть отчасти, на понятіи древнихъ Славянъ, что огонь подобно водѣ, былъ первородной стихіей, которой сила участвовала при сотвореніи міра. Огонь, какъ первозданная стихія, какъ обиталище божественнаго духа, какъ само божество, будучи предметомъ поклоненія служилъ для совершенія таинствъ очищенія и гаданія. Ему молились на очагѣ, подъ овиномъ, у костра; ему приносили жертвы. Его брали судіею при рѣшеніи дѣлъ, человѣку не ясныхъ. Служеніе огню совершалось въ важнѣйшіе годовые

праздники, каковы: Коляда и Купало; ему посвящался особенный день въ недѣлѣ: четвергъ и служеніе ему предоставлялось дѣвамъ.

Горы, скалы и камни считались обиталищами божества и по этому не могли не быть почитаемы, какъ священныя мѣста богослуженія. «Не нарицайте себѣ бога въ камнѣ», говорилъ Русскій проповѣдникъ XII ст. Кириллъ, увѣщевая Русскихъ еще не крѣпкихъ въ вѣрѣ Христовой отставать отъ языческихъ вѣрованій и обычаевъ. Божествамъ горнымъ молились, приносили жертвы, къ нимъ обращались, когда желали узнать будущее и вершины горъ, скалы и камни были святилищами этаго богослуженія. У горныхъ Славянъ были и жертвенники, которыхъ слѣды видны до сихъ поръ въ Карпатахъ, Судетахъ, Исполинахъ и проч.

Лѣса, рощи и деревья были также почитаемы жилищами боговъ. Къ нимъ питали Славяне и сохранили отчасти до нынѣ чувство религіознаго почтенія и страха. Въ лѣсахъ и рощахъ или у отдѣльныхъ деревьевъ, какъ въ мѣстахъ священныхъ поклонялись божеству. Судя по сказаніямъ современниковъ и по народнымъ преданіямъ, это вѣрованіе было общимъ для всѣхъ Славянъ.

Вѣря, что божество управляетъ всѣмъ міромъ, всѣми переворотами въ мірѣ, и на землѣ, Славянинъ вѣрилъ, что все, чѣмъ онъ пользуется въ жизни, есть даръ благости божества, что онъ долженъ поступать въ своихъ предначинаніяхъ по божественнымъ знаменіямъ, что всякая удача во всякомъ его дѣлѣ зависитъ отъ помощи божества. Божество управляло по вѣрованію Славянъ жизнію каждаго человѣка. Славяне вѣровали въ дѣвъ жизни; преданіе о нихъ сохранилось у нѣкоторыхъ Славянъ и до сихъ поръ. Хорутане называютъ ихъ роjеницами, и разсказываютъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою роjеницу, которая предсказываетъ ему судьбу его. Русскіе Славяне вѣрили также въ эти существа, называя ихъ *рожаницами*. «Молятся и роду и рожаницамъ», говоритъ одинъ Христіанскій обличитель языческихъ вѣрованій. У всѣхъ Славянъ есть пословицы, намекающія на древнее вѣрованіе въ предопредѣленіе божіе. Русскіе говорятъ: «чему быть, тому не миновать; суженаго конемъ не объѣдешь» или, какъ выражались прежде: «ни хитру, ни горазду суда Божія не минути». Сербы говорятъ: отъ Божьей воли нельзя никуда уйдти. Славяне вѣрили, что боги и въ милости и въ гнѣвѣ предсказываютъ человѣку будущее сами, безъ его моленій, и различными знаменіями, земными и небесными, даютъ ему знать, ждать ли ему

удачи въ дѣлѣ или какой бѣды. На небѣ они искали такихъ знаменій въ солнцѣ, мѣсяцѣ, звѣздахъ, кометахъ, метеорахъ; на землѣ во встрѣчѣ съ животными, въ разныхъ явленіяхъ, въ снахъ. Это вѣрованіе доселѣ осталось у Славянъ. «Вѣруемъ», говоритъ Кириллъ, «въ дятловъ, въ воронъ и синицъ. Когда идемъ куда и если которая впереди запграетъ, то мы останавливаемся и слушаемъ: правая ли играетъ или лѣвая? если играетъ по нашей мысли, то мы говоримъ себѣ: добро намъ эта птица, доброе предвѣщаетъ она намъ. Если что на дорогѣ случится дурного, то говоримъ окружающимъ насъ: а что не воротиться ли? Когда отправляемся куда, заходимъ къ волхвамъ, вѣруемъ въ нихъ,—въ встрѣчу, а когда идемъ въ долгій путь, мы слушаемъ птицу!»

Славянинъ вѣрилъ, что безъ помощи своихъ боговъ онъ не можетъ ни въ чемъ имѣть успѣха. Все зависѣло отъ боговъ, отъ ихъ милости и гнѣва,—все—и жизнь, и счастіе, и несчастіе человѣка; богами насылались бѣдствія подобныя мору и голоду; богами казнились люди за неправоту, за нецѣломудріе, и пр. О вѣрованіи Славянъ въ безсмертіе души мы находимъ доказательства и въ свидѣтельствахъ современниковъ, и въ обычаяхъ древнихъ Славянъ, и въ преданіяхъ народныхъ, сохранившихся до нашего времени. Сожженіе мертвыхъ и съ ними не только ихъ вещей, но животныхъ и людей, или же погребеніе съ мертвыми всего, что было ими любимо въ жизни, предполагаютъ, что умершихъ ожидаетъ воскресеніе и жизнь, въ которой они опять желали бы пользоваться тѣмъ, чѣмъ пользовались до смерти. На могилахъ было въ обычаѣ праздновать веселые пиры: ихъ бы не могло быть, если бъ у остававшихся въ живыхъ не было надежды увидѣться съ усопшими въ другой жизни. Славяне представляли себѣ рай чудеснымъ садомъ, и садомъ не земнымъ, а находящимся гдѣ то въ небесахъ, во владѣніяхъ бога солнца и свѣта, какъ разсказываютъ объ этомъ преданія Словаковъ и Хорутанъ,—садомъ вѣчно зеленымъ и цвѣтущимъ, откуда сѣмена жизни залетаютъ и на землю,—жилищемъ божества и душъ чистыхъ, безгрѣшныхъ. Впрочемъ, рисуя себѣ жизнь загробную со всѣмъ разнообразіемъ условій жизни здѣшней, они вѣрили, что не всѣхъ ожидала по смерти одна и таже участь, что и тамъ, какъ здѣсь, они могли терпѣть лишенія и страдать, если того заслуживали своей неправотою. Славяне боялись мукъ въ неугасаемомъ огнѣ пекла, вѣрованіе въ которое, вмѣстѣ съ самимъ словомъ, принадлежитъ до сихъ поръ большей части Славянъ. Это пекло представляли Славяне подъ землею, гдѣ живутъ злые духи огня и тьмы и откуда появляются на землю, на страхъ

боязливымъ. Не смотря впрочемъ на эти опасенія Славянина язычника, для него всегда оставалась надежда заслужить отъ боговъ прощеніе за грѣхи. Его религія не была религія отчаянія, она оживлялась мыслію о благости боговъ, и страхъ кары соединялся въ ней съ возможностью очищенія. Онъ очищалъ себя при жизни молитвой и жертвой, а по смерти обрядомъ помиповенія, молитвами и жертвами другихъ. Служеніе богамъ совершалось или подъ отдѣльнымъ деревомъ (дубомъ, липой, орѣхомъ), старымъ, не рѣдко дуплистымъ, такъ, что иногда мѣсто святилища было отгорожено копьями, иногда завѣшено тканями, брошенными на вѣтви, или около куста, или же въ рощѣ, гдѣ деревья святилища были отдѣлнемы оградой, за которую не было никому позволено переступать безъ особенной нужды. Служеніе состояло въ моленіяхъ, жертвоприношеніяхъ и гаданіяхъ; въ жертву приносили яства, животныхъ, вещи; гадали по знаменіямъ и жертвамъ.

Въ мѣстахъ освященныхъ, по вѣрованію народа, присутствіемъ божественнаго духа, какъ передъ лицемъ самаго божества, нельзя было садиться, надобно было удерживать въ святилищѣ дыханіе; а обращаясь къ богу, молельщики выражали свое благоговеніе тѣмъ, что падали ницъ и били челомъ. На все это есть свидѣтельства современниковъ, болѣе или менѣе опредѣленныя. Славянинъ обращался къ своимъ богамъ съ молитвой славословія, просьбы и благодарности. Отъ молитвъ славословія дошло до насъ нѣсколько остатковъ, менѣе или болѣе любопытныхъ. Въ русскихъ святочныхъ пѣсняхъ до сихъ поръ сохранился припѣвъ: «слава Богу на небѣ, слава!» Въ Южно русскихъ пѣсняхъ также повторяются припѣвы, подобные этимъ:» славенъ есь, гей, славенъ есь, нашъ милый Боже, на высокости!» или: «благословенъ еси, Господь, благословивъ сыновъ своихъ.» Сербы, во время праздника Свечара, посвященнаго патрону дома, поютъ пѣсни, «за славу Божію.» У Хорватовъ сохранилась славословная пѣсня въ честь бога Ладо: «Лепи Иво терга роже, теби, Ладо, свети боже! Ладо, слушаі насъ, Ладо! Песме, Ладо, певамо ти, сердца наша кланьіамо ти! Ладо, слушай насъ, Ладо! Въ молитвахъ просительныхъ Славянинъ поручалъ себя своимъ богамъ, чтобы они управляли имъ и его домомъ, чтобы даровали ему долгое и счастливое житье, чтобы всѣ были счастливы, богаты и одерживали побѣды надъ врагами. Отъ этаго рода молитвъ намъ остались также отрывки въ народныхъ пѣсняхъ. Такъ въ пѣсняхъ колядныхъ, которыя пѣлись при встрѣчѣ новаго года, повторяются и до сихъ поръ разныя пожеланія, обращенныя къ Богу. Въ русскихъ пѣсняхъ слышны: «дай Боже» или «ро-

ди Боже!» напр: Дай, дай, Боже, тебѣ хозяину съ борзыхъ коней сыновей женить,—дай, дай, Боже, тебѣ хозяюшкѣ съ высокихъ теремовъ дочерей выдавать» или: «Роди, Боже, жито, пшеницу, усяку пашницю, у поли ядро, а въ доми добро. «Въ одной колядкѣ есть припѣвъ: «Подуй же, подуй, Господи, и съ духомъ святымъ по землѣ.» Въ Польскихъ колядкахъ поется: «чтобы водилась пшеница и горохъ во дворѣ, въ избѣ, дай тебѣ, Господи, Боже!» Словаки припѣваютъ въ колядкахъ: «дай, Боже, счастья, дай, Боже,долю!» или: «пусть васъ панъ Богъ обогатитъ! или: «сіяй, сіяй, Боже! Въ молитвахъ благодарственныхъ Славянинъ выражалъ свою признательность къ богамъ за ихъ благодѣяніе и помощь во всѣхъ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ. Молитвы пѣлись, хоть и не всѣ, однако многія. Вотъ почему въ Чешскихъ пѣсняхъ «возглашать любимыя слова» (hlasati milich slov) и просто «возглашать» (hlasati) значитъ молиться; вотъ почему тамъ же читаемъ, что Войминръ, обращаясь къ богамъ, «воскликнулъ со скалы» (vzuolas skali). «Не слѣдуетъ христіанамъ совершать бѣсовскія игры,» говоритъ одинъ обличитель остатковъ язычества у Русскихъ: «плясьбу, гудьбу, пѣсни бѣсовскія и жертвы идольскія. Вообще пѣніе было принадлежностью языческой религіи Славянъ, и вотъ почему у нихъ могло быть понятіе, что «пѣвца добра милуютъ боги» и что пѣвецъ Баянъ былъ внукомъ бога солнца Велеса.

Молитвы сопровождались жертвоприношеніями. Между ними нельзя не отличать простыхъ возношеній отъ собственныхъ жертвъ. Съ первыми соединялось или понятіе объ освященіи приносимаго, объ отрѣшеніи отъ него зла божествомъ, злу враждебнымъ, или мирное чувство благодарности божеству, принимающему милостивое участіе въ судьбѣ и дѣлахъ человѣка, благому, заботящемуся о своемъ созданіи, ему помогающему, чувство благодарности человѣка, въ простотѣ сердца вѣрующаго, что божеству можетъ быть пріятно это чувство, какъ бы ни было оно выражено. Съ собственными жертвами, напротивъ, соединялось понятіе о божествѣ, хоть благомъ, но разгнѣванномъ и страшащемъ, которое надобно было умилостивлять, у котораго надобно было испрашивать пощады, которое въ самой пощадѣ остается грознымъ, требующимъ смерти, крови и огня, какъ искупленія зломъ меньшимъ зла большаго. Возношенія чаще всего были огнемъ и яствами. Обычай разложенія огня сохранился до сихъ поръ у многихъ Славянъ, несовсѣмъ забывшихъ древніе языческіе обряды. Судя по этому обычаю, торжественное возношеніе пламени совершалось преимущественно два раза въ годъ: въ праздникъ Коляды или новогодія и въ праздникъ Купалы или Креса въ половинѣ года.

Передъ идоломъ Перуна, по увѣренію лѣтописцевъ, пламя возношенія горѣло постоянно: «ему какъ Богу жертву приносили и огонь неугасающій съ дубоваго дерева непрестанно палили. Возношенія яствами были также обыкновенны: «ты, Перунище, до сыта ѣлъ и пилъ, а теперь плыви дальше,» говорилъ Перуну одинъ изъ его прежнихъ почитателей. «Кладутъ имъ требы, короваи имъ ломятъ, моленое то брашно даютъ и ядятъ, ставятъ кумирамъ трапезы котѣйныя,» сообщаетъ одно обличительное Русское слово. У Балтійскихъ Славянъ на островѣ Ранѣ—(Рюгенѣ) былъ такой обычай: пекли пирогъ сладкій, круглый и такой величины, что въ вышину былъ почти въ ростъ человѣка. Жрецъ, поставя его между собою и народомъ, спрашивалъ у Руянъ· видятъ ли они его. Когда они говорили, что видятъ, то онъ желалъ, чтобы на слѣдующій годъ его за пирогомъ совсѣмъ не было видно. Вѣрили, что этотъ обрядъ способствуетъ счастію народа и обилію слѣдующей жатвы. Этотъ обычай до сихъ поръ соблюдается кое гдѣ въ Малороссіи. На щедрый или богатый вечеръ (31 Декабря) каждая хозяйка готовитъ множество варениковъ, книшей, пироговъ, и поставивши все это кучею на столѣ, затепливъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладаномъ, проситъ мужа исполнить законъ; Отецъ семейства долженъ сѣсть на покути, за кучей печенья. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «де жь нашь батько?» онъ, вмѣсто отвѣта, спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «Хиба-жь вы мене не бачите!»—и на отзывъ ихъ: «не бачимо тату!» говоритъ имъ: «дайже, Боже, щобъ и на той рикъ не побачили!» Этими словами онъ, выражаетъ желаніе, чтобы и въ будущемъ году, было такое же изобиліе всего, какъ въ настоящемъ. Что касается собственныхъ жертвъ, то онѣ были вообще двухъ родовъ: жертвы закланія и жертвы сожженія. Жертвы закланія возносимы были ежегодно въ честь божествъ во время праздненствъ, имъ посвященныхъ, и кромѣ того при другихъ случаяхъ, когда надобно было умилостивлять боговъ; такъ между прочимъ и при совершеніи обряда погребенія. Что должно было быть принесено въ жертву, опредѣлялось если не всегда, то по-крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ гаданіемъ. Обыкновенно приносились въ жертву домашнія животныя или птицы, напримѣръ: быки, овцы, козы, куры, иногда лошади и собаки. Во время принесенія жертвъ совершались гаданія, и при этомъ жрецъ для того, чтобы воодушевиться силой предвѣщанія, пилъ кровь жертвъ. [1]) По принесеніи жертвы, часть ея иногда раздавалась нищимъ, а остальное оставалось передъ

---

1) У Балтійскихъ Славянъ.

идолами; иногда же принесенное въ жертву было употребляемо какъ яства на слѣдовавшемъ за тѣмъ пиршествѣ. Видно также, что жертвы могли приноситься и злому богу, враждебному людямъ или же что тѣмъ, что было освящено, какъ принесенное въ жертву божеству благому, можно было защищаться отъ зла и духовъ, зломъ живущихъ. Во всякомъ случаѣ жертвы заклания имѣли двоякій характеръ; и характеръ освященія, и характеръ дара, приношенія, лишенія себя для боговъ съ надеждою быть вознагражденнымъ отъ нихъ чѣмъ нибудь большимъ. Жертвы сожженія имѣли преимущественно характеръ дара богамъ; они были вообще въ большемъ обычаѣ у Славянъ. Самое слово жертва или жаризна происходитъ отъ жрѣти—сожигать. Было у Славянъ въ обычаѣ и приношеніе въ жертву людей. Изъ современныхъ свидѣтельствъ знаемъ объ этомъ обычаѣ у Русскихъ, Поляковъ и Балтійскихъ Славянъ; можно догадываться, что онъ былъ не чуждъ и другимъ Славянскимъ народамъ. «Русскіе во время язычества,» говоритъ ихъ лѣтописецъ, «приводили дочерей своихъ и сыновей, приносили жертвы бѣсамъ, оскверняли землю требами своими и осквернилась кровью земля Русская и холмъ тотъ.»

Гаданія составляли столь же необходимую принадлежность богослуженія Славянскаго какъ молитвы и жертвоприношенія. Полный вѣры и надежды на защиту и помощь божества во всѣхъ своихъ дѣлахъ, Славянинъ считалъ себя въ правѣ прибѣгать къ нему съ просьбою: раскрыть ему свою волю и его будущее, подать ему совѣтъ или повелѣніе, какъ онъ долженъ дѣйствовать, оградить его рѣшимость своимъ словомъ или знакомъ, чтобы онъ въ своемъ начинаніи зналъ впередъ, можетъ или не можетъ ожидать успѣха. Обряды гаданій основывались на вѣрованіи, что божества и безъ воли человѣка раскрывали ему будущее. Гадая о будущемъ, Славянинъ язычникъ допрашивалъ божество, во первыхъ, о томъ, быть ли чему или не быть, дѣлать ли ему что или не дѣлать,—во вторыхъ, о томъ, чему именно быть, что именно онъ долженъ дѣлать. Само собою разумѣется, что гаданье перваго рода употреблялось гораздо чаще. Оно то и было гаданьемъ по жребію. Распространенное во время язычества, оно и до-селѣ составляетъ у простаго народа Славянскаго очень важную часть суевѣрій. Гаданія, въ понятіи язычниковъ Славянъ, составляли чрезвычайно важную часть богослуженія, имѣя огромное вліяніе на жизнь и частную и общественную. Гаданьемъ рѣшалось все важное для каждаго человѣка и для цѣлаго народа, даже и назначеніе обрядовъ богослуженія. Понятіе о важности гаданій и гадателей осталось по нынѣ. Помощію гаданія узнаютъ виноватаго. Поселянинъ

по жребію рѣшаетъ спорныя дѣла въ семьѣ; въ деревняхъ, на мірской сходкѣ по жребію выбираютъ въ рекруты; въ городахъ избирали по жребію жениховъ для дѣвушекъ, и старожилы еще запомнятъ, какъ Москвичи хаживали съ жребіями въ церковь Николы Голстунскаго. Судъ по жребію былъ также обыченъ у Славянъ, особенно судъ Божій. И здѣсь, какъ и всюду, гдѣ жребій имѣлъ религіозное значеніе, видно не равнодушіе къ рѣшенію случая, а желаніе предоставить высшей волѣ то, что выше воли человѣческой. Гаданьемъ рѣшали предпріятія общественныя: походы и битвы, сухопутные и морскіе; гаданьемъ назначались дни богослужебныхъ празднествъ; гаданьемъ назначалось и принесеніе жертвъ божествамъ.

Срезневскій. 1)

11. Языческіе праздники Славянъ.

1847 г.

Славяне располагали свои празднества сообразно тремъ видамъ дѣятельности свѣта, выражаемой перемѣнами года, который потому дѣлился на три части; праздниковъ было три, по тремъ дѣйствіямъ земледѣльческаго процесса: посѣять, убрать и приготовить. Первый былъ праздникъ весны, торжество въ честь Лада, воскресеніе или возвращеніе солнца. Праздникъ весны начинался очень рано: когда только отъ солнца начиналъ таять снѣгъ, тогда отправлялось богослуженіе и приносился въ жертву козелъ. Памятниками этаго древняго обычая у Славянъ остались: пѣсни, въ которыхъ упоминается о такомъ жертвоприношеніи и обычай водить козла: его наблюдаютъ въ Украинѣ при началѣ весны, обыкновенно на первой недѣлѣ поста. Юноши и дѣвицы бѣгаютъ по улицѣ съ рукоплесканіями и пѣснями; въ этихъ пѣсняхъ въ первый разъ упоминается имя Лада съ епитетомъ Лелю, т. е. свѣтлый. По русски этотъ праздникъ называется *пролѣтье*. Когда снѣгъ сходилъ, распускались рѣки и выказывалась первая трава, отправлялось торжество смерти зимы и воцаренія весны. Прежде всего хороводъ, составленный нарочно заранѣе изъ юношей и дѣвъ, называемый у Поляковъ *стадо*, купался въ знакъ очищенія. Потомъ совершался символическій обрядъ утопленія зимы и заклинанія весны. Въ XVII вѣкѣ въ Польшѣ дѣлали соломенное чучело, надѣвали на него женскую одежду, торже-

1) Святилища и обряды языческаго богослуженія древнихъ Славянъ. Харьковъ, 1846 г.

ственно несли къ рѣкѣ и повергали въ воду; это чучело называлось *Маржаною* и означало у Славянъ смерть или зиму, т. е. воду въ стоячемъ положеніи. Тогда пѣли: «смерть вьется по заборамъ, ища себѣ поживы». У Чеховъ такой же праздникъ назывался торжествомъ убитой зимы и воскресенія весны. Потомъ, другое соломенное чучело было сожигаемо съ пѣснями и криками. Эти два обряда означали распусканіе воды и умерщвленіе *Маржаны* или зимы,—воды мертвой. Потомъ совершалось закликаніе или призываніе весны. Это торжество у Русскихъ называется красною горкою, у Червонороссовъ гаилками. Какъ идея свѣтопоклоненія относилась къ различнымъ предметамъ, то и праздникъ имѣлъ четыре значенія: религіозное, земледѣльческое, семейственное и погребальное. Во первыхъ, это было торжество приходящей весны. Оно начиналось призваніями матери солнца, великой Лады:

Благослови мати
Ой, мати Лада, мати!
Весну закликати.

Послѣ того пѣли торжественные гимны въ честь солнца:

Солнышко ведрышко,
Выглянь въ окошечко!
Твои дѣтушки плачутъ.

Или:

Взойди ясное солнышко:
Обогрѣй насъ добрыхъ молодцевъ,
Добрыхъ молодцевъ со дѣвицами.

Хороводъ обращался къ мѣсяцу и звѣздамъ:

Што, ты мѣсячко, да не одинъ на небѣ,
Хоть я одинъ, такъ Богъ меня родилъ,
Что есть звѣздочки, то всѣ со мною.

Или:

Свѣти зоре, на все поле,
Заколь мѣсяцъ зойде!

Пѣли священныя пѣсни въ честь воды:

Луга береза разлпвайтеся,
Разлейся вода, вода вешняя!

Совершали моленія о плодородіи и ниспосланіи дождя:

Дождь, дождь, дождь!
На бабину рожь,

На дѣдову пшеницу,
На дѣвкинъ ленъ
Поливай ведромъ.

Обращались къ лѣсамъ, прося ихъ развиться:

(Малоросс.) Ей луже,
Шуми дуже!
Негайся,
Добровенько развивайся!

Призывали птицъ развеселить пѣніемъ разцвѣтающія дубровы:

Лѣсъ ты мой,
Лѣсъ зеленъ, не веселъ,
Нѣкому тебя развеселить:
Что были пташечки, въ Ирей полетѣли.

Потомъ отправлялись символическія игры. Обряды и пѣсни сопровождались священными огнями. Памятникомъ этаго осталась одна хороводная игра, въ которой дѣвицы ходятъ мѣрными шагами, представляя какъ будто что-то носятъ въ рукѣ и поютъ:

Засвѣчу свѣчу
Проти сонечка;
Тихо пде!
А вода по каменю,
А вода по бѣлому
Ище тихше.

Названіе игры горѣлки, игры весенней, показываетъ, что она первоначально совершалась около зажженыхъ огней. Второе значеніе красной горки было земледѣльческое. Такъ какъ это было время сѣянія, то земледѣльческія занятія изображались символическими образами. Доказательствомъ тому служатъ игры, какъ напримѣръ извѣстная игра: сѣяніе проса и пѣсни хороводныя, въ которыхъ изображается паханіе, сѣяніе мака, хмѣля, ячменя, пшеницы, льна и разныя сельскія работы вообще:

А за лѣсомъ лѣсомъ, за темнымъ зеленымъ,
Ой Лелю! Ладо! пахари пахали.
Посѣю, посѣю,
Чорный макъ,
Да, роди Боже, червонный.
Перевейся, хмѣль,

Да на нашу сторонку!
Роди, Боже, намъ,
Ячмень усатый,
Пшеничку колосисту!
Посѣли лёну, лёну!
Ой Лелю—Лado! лену.
Ой Лелю—Лado! громада стояла,
Громада стояла,
Колодязь копала.

Вмѣстѣ съ тѣмъ это празднество имѣло значеніе для пастуховъ. Дитмаръ говоритъ, что у Славянъ весною былъ такой обычай: пастухъ ходилъ по дворамъ съ палкою, которой рукоятка изображала руку держащую шаръ. Пастухъ кричалъ: «Гонило! стережи!» и всѣ думали, что эта палка охраняетъ стадо отъ волковъ. Третье значеніе праздника было семейственное. Въ хороводѣ, составленномъ для богослуженія, юноши и дѣвицы долженствовали соединиться бракомъ при концѣ праздника, а до того времени, въ своихъ играхъ и пѣсняхъ выражать взаимную любовь. И весеннія игры символизуютъ часто любовь и бракосочетаніе, напримѣръ: царевичъ и царевна, или сѣяное просо, гдѣ представляется умыканіе дѣвицъ и т. д. Эти игры, исключительная принадлежность красной горки, были кажется началомъ и религіознымъ освященіемъ тѣхъ игрищъ, которыя съ тѣхъ поръ должны были отправляться каждый вечеръ между дворами, и на которыхъ молодые люди знакомились между собою и приготовлялись къ браку. Четвертое значеніе праздника было религіозно-погребальное. Тотъ же самый праздникъ народный, который теперь называется красною горкою, называется также *радуницею* или *проводами* и *могилками*. Послѣ веселыхъ игръ ходили на могилы или къ тѣмъ памятникамъ, гдѣ стояли на столбахъ сосуды съ пепломъ умершихъ, приносили туда яства и напитки, дѣлали возліянія въ честь покойниковъ, а женщины въ плаксивыхъ пѣсняхъ вспоминали достоинства умершихъ. Потомъ отправляема была тризна или страва, торжественное пиршество, на которомъ пили, ѣли званные и незванные, все въ честь покойниковъ; а потомъ начинались борьбы и ристанія. Русскій митрополитъ Кириллъ 2-й (XIII вѣка) говоритъ объ этомъ обычаѣ: «творятъ нѣкіе позоры съ кличемъ и воплемъ, бьющеся дреколіемъ до самыя смерти.» Поминовеніе оканчивалось радостными пѣснями и танцами, что называлось закликать мертвыхъ, т. е. призывать ихъ къ жизни и надеждѣ на воскресеніе. Послѣ красной горки начинались полевыя работы, сопровождаемыя пѣснями и увеселеніями.

Когда земледѣльцы обсѣвались, и наступало болѣе свободное время, когда солнечный жаръ становился ощутительнѣе и развитіе органической жизни шло быстрѣе, Славяне отправляли торжесто въ честь Ладу, называемое Семикомъ. Праздникъ этотъ называется также у Русскихъ *Яриломъ*, а у Словаковъ *Турицами* и *Лѣтницами*. Подобно красной горкѣ Семикъ имѣетъ четыре значенія: религіозно-догматическое, земледѣльческое, семейственное и погребальное. Праздникъ этотъ продолжался нѣсколько дней, можетъ быть собственно семь, а можетъ быть и доходилъ до дня Купала, какъ это можно предполагать изъ того, что обряды лѣтницкіе совершаются въ разныхъ мѣстахъ Славянщины въ разныя времена, но непремѣнно въ близкія около Троицына дня и купальнаго праздника. Идея праздника Семика есть поклоненіе свѣтоносному существу въ эпоху сильнѣйшей его дѣятельности. Хороводъ юношей и дѣвицъ въ вѣнкахъ, съ вѣтвями, собирался на берегу рѣки, на возвышеніи, въ рощѣ. Срубленное дерево, украшенное лентами, служитъ непремѣннымъ условіемъ этаго праздника у русскихъ поселянъ. Обыкновенно это дерево береза, и кажется оно символизовало мать Ладу-природу, ибо береза въ малороссійскихъ пѣсняхъ и народныхъ сказкахъ всегда символизуетъ мать. Въ этомъ также убѣждаетъ и пѣсня о превращеніи въ березу женщины, которой очи стали черный теренъ, коса-шелковая трава, слеза-роса. Религіозно-земледѣльческое значеніе лѣтняго праздника видно изъ обычаевъ ходить по полямъ съ образами, увитыми цвѣтами. Такъ какъ это происходитъ предъ начатіемъ покоса и жатвы, то значитъ, Славяне отправляли въ то время осмотръ полей. Въ Галиціи особенно съ большимъ значеніемъ совершается такая процессія: юноши и дѣвицы идутъ въ вѣнкахъ, и поютъ пѣсни, приличныя только этому времени; знамена увиты цвѣтами. Христіанскіе пастыри, распространяя вѣру кротко, обращали въ христіанскіе тѣ изъ языческихъ обрядовъ, которые не заключали ничего противнаго идеѣ христіанства. Въ семейственномъ отношеніи пѣсни лѣтницкія отличны отъ весеннихъ. Въ нихъ уже молодцы не ищутъ дѣвицъ, не изображается первое знакомство, а выражается предчувствіе скораго брака. Такъ въ одной напримѣръ пѣснѣ дѣвушка думаетъ, что скоро придется быть за мужемъ, въ другой сожалѣетъ о скоропреходящихъ дняхъ дѣвичества, дняхъ забавъ и пѣсней, за которыми послѣдуетъ однообразная жизнь семейная. Оттого въ весеннихъ пѣсняхъ отецъ отправляетъ дочь на игрище и говоритъ: «гуляй дочь моя, сколько хочешь! два раза не будешь молодою.» А въ пѣсняхъ лѣтницкихъ мать посылаетъ дочь поневѣститься. Ра-

зомъ съ гуляньемъ, пиршествами и веселыми играми поминали мертвыхъ, хороводъ переходилъ отъ священныхъ рощь и водъ къ могиламъ: тамъ отправлялись тризны съ такими же играми какъ и весною. Оттого въ христіанствѣ въ семицкіе дни рыли могилы для странниковъ. И теперь, около этаго времени въ обыкновеніи отправлять панихиды. Въ тоже время отправлялись жертвоприношенія Русалкамъ; и теперь недѣля послѣ духовой, называется русальною. Наконецъ въ заключеніе продолжительнаго праздника Лада, отправляемо было великое торжество Купала. Ни одинъ изъ народныхъ праздниковъ не оставался у Славянъ такъ долго во время христіанства съ явно языческими принадлежностями какъ праздникъ Купальный. Христіанскіе духовные въ Россіи сплились истребить его и не могли до сихъ поръ; они оставили намъ любопытныя описанія. 1) «Въ праздникъ Рождества Іоанна Предтечи, наканунѣ, ночью и потомъ весь день до ночи, мужи, жены и дѣти собираются въ домахъ и на улицѣ, ходятъ къ водѣ, творятъ глумы со всякими играми, скоморошествами, съ пѣснями сатанинскими, ночью въ рощѣ омывается водою и разведя огонь, перескакиваютъ черезъ него, по древнему нѣкоему обычаю. 2) Въ навечеріе Рождества Св. Іоанна Крестителя юноши, жены и дѣвицы, собравшись вечеромъ, сплетаютъ себѣ вѣнки изъ какого-то растенія, надѣваютъ ихъ на голову и подпоясываются ими. Еще на томъ же бѣсовскомъ игралищѣ раскладываютъ огонь и взявшись за руки, кругомъ его нечестиво ходятъ, скачутъ и пѣсни поютъ, упоминая часто имя сквернаго Купала и черезъ огонь, перескакиваютъ. 3) Въ навечеріе Рождества Іоанна Предтечи собирается простая чадь обоего пола, сплетаютъ себѣ вѣнки изъ ядомаго зелія и препоясавшись травой, разводятъ огонь, въ которомъ ставятъ зеленую вѣтвь, потомъ, взявшись за руки, начинаютъ скоро вертѣться кругомъ того огня, распѣвая свои пѣсни, за тѣмъ перескакиваютъ черезъ огонь.» Въ Польшѣ такой обычай назывался *соботка* и въ XVI столѣтіи служилъ увеселеніемъ даже высшаго класса: «Намъ подали завѣтъ матери,» говоритъ Янъ Кохановскій, извѣстный поэтъ Польскій, «чтобъ, когда соловей перестанетъ пѣть и солнце вступитъ въ знакъ рака, непремѣнно была палима соботка». Такой огонь, назначенный для перескакиванія чрезъ него, добывался посредствомъ тренія дерева объ дерево. У западныхъ Славянъ это празднество, называемое также соботка, такъ укоренилось, что, по извѣстію Ходаковскаго, на пространствѣ нѣсколькихъ сотъ верстъ, 23-го Іюня, вечеромъ, горы Судетскія, Корконоши и Карпаты кажутся пылающими. Вотъ какъ теперь отправляется этотъ праздникъ Купала въ южной Россіи. Прежде всего юно-

ши и дѣвицы купаются, потомъ надѣваютъ вѣнки изъ черноклена съ душистыми травами, подпоясываются чернобыльникомъ и, передъ захожденіемъ солнца собираются на возвышенномъ мѣстѣ, непремѣнно надъ рѣкою. Ставятъ два изображенія: одно чучело на подобіе человѣка, другое—дерево, увитое женскими уборами, лентами и вѣнками: дерево обыкновенно бываетъ чернокленъ; потомъ раскидываютъ кучи соломы, зажигаютъ и ставши кругомъ, поютъ пѣсни; взявши въ руки изображенія, по парно парень съ дѣвкою прыгаютъ черезъ огонь, потомъ, когда всѣ перепрыгаютъ, бросаютъ въ воду изображенія, изъ которыхъ мужское называется Купаломъ, а женское Мареною. Въ слѣдъ за тѣмъ бросаютъ съ себя вѣнки въ воду. Въ пѣснѣ, которыя поютъ при этомъ, говорится, что Купало, передѣлываемый обыкновенно въ Ивана, купался, что играло на немъ солнце и что наконецъ, накупавшись, онъ упалъ въ воду. Поютъ также о Маренѣ, что она необыкновенная красавица, играла въ высокомъ теремѣ, потомъ бросилась въ воду. Кромѣ того поютъ о какомъ то женскомъ существѣ, утонувшемъ въ Дунаѣ, и о мужескомъ, изрубленномъ дѣвицами и превратившемся въ нѣсколько цвѣтовъ. Купало одно изъ названій божества; всѣ игры праздника хотятъ изобразить бракъ солнца съ водою, величайшее торжество всего творенія; по народнымъ суевѣріямъ солнце три раза останавливается на день Св. Іоанна, а птицы, звѣри, цвѣты и деревья радуются. Въ самомъ дѣлѣ солнце представляется тогда на высочайшей, крайней степени своей всеживотворящей дѣятельности. Въ отношеніи семейномъ этотъ день великъ у Славянъ. Юноши и дѣвицы, составлявшіе хороводъ въ продолженіи праздника Лада, должны были соединиться бракомъ. Хороводъ уничтожается. Каждый юноша выбираетъ себѣ вѣчную подругу. Это доказывается тѣмъ, что пѣсни купальскія, по большей части, однѣ и тѣже, что свадебныя; дѣвушка теряетъ отца, брата, сестру и пріобрѣтаетъ свекра, свекровь, деверя, золовку. Какъ купанье такъ и перескакиванье черезъ огонь—обряды брачные и кажется, у Славянъ языческихъ были тѣмъ, что теперь вѣнчанье. Одинъ русскій духовный, жившій въ XI вѣкѣ, жаловался своему Митрополиту, что простые люди не вѣнчаются, а совершаютъ бракосочетаніе посредствомъ плесканья. Огонь же употребляется на свадьбахъ въ Малороссіи и теперь: на свадебномъ пиру молодые перескакиваютъ черезъ кучу зажженой соломы, какъ на Купала. Въ хозяйственномъ отношеніи этотъ праздникъ имѣлъ также высокое значеніе. Въ этотъ день собираются обыкновенно травы, какъ медицинскія, такъ и такія, которымъ фантазія приписываетъ чародѣйственную силу. Какъ вода, такъ и огонь и даже

вѣнки съ праздника купальскаго признаются полезными для здоровья. Тогда находятъ подъ чернобыльникомъ какой-то земляной уголь, исцѣляющій отъ болѣзней. Тогда растетъ трава архилина, получаемая какъ думали встарину, только чрезъ золотую и серебрянную гривну, и трава—разрывъ, способная разрушать желѣзо, цвѣтетъ папоротникъ, символъ таинственной силы свѣта. Огнемъ купальскимъ и водою очищали Славяне скотъ, поля и огороды, приготовляясь къ начатію полевыхъ работъ, полагая, что этимъ они предохраняютъ произрастенія отъ вредныхъ насѣкомыхъ. И потому справедливо нѣкоторые изслѣдователи называютъ Купала богомъ земныхъ плодовъ. Какъ изображеніе величайшей силы солнца онъ дѣйствительно былъ божествомъ плодородія. Я не знаю навѣрное, имѣетъ ли праздникъ Купала значеніе для усопшихъ, но то знаю вѣрно, что огонь и вода считались для нихъ необходимыми. Русскіе объясняли одному арабскому путешественнику, что они сожигаютъ тѣла для того, чтобъ умершіе невозбранно вошли въ блаженство, слѣдовательно достигли блаженства посредствомъ огня. Что вода была также необходимою для мертвыхъ, видно изъ того, что, по сказанію того же арабскаго путешественника, мертвыхъ сожигали непремѣнно въ лодкѣ на водѣ. У приволховскихъ Славянъ куски дерева, изъ котораго дѣлается гробъ бросаются въ воду или сожигаются. Въ Малороссіи бросаютъ шелуху красныхъ яицъ въ воду, надѣясь, что она по водѣ дойдетъ къ мертвымъ около дня Купалы. Наконецъ, важно еще и то, что около этаго праздника у Малороссовъ есть день, называющійся навій великъ-день, т. е. воскресеніе мертвыхъ. По окончаніи длиннаго праздника Лада начинались полевыя работы, которыя, не смотря на свою тяжесть, сопровождаются и теперь пѣснями. Когда жатва оканчивалась, отправлялся другой торжественный праздникъ, называемый теперь *обжинки*. Саксонъ грамматикъ описываетъ его у Прибалтійскихъ Славянъ такимъ образомъ: «Въ день, назначенный для праздника жатвы, арконскій жрецъ входитъ въ святилище, т. е. внутреннюю часть храма, не переводя дыханія отъ благоговенія и смотритъ: есть ли вино въ рогѣ, находившемся въ правой рукѣ идола. Ежели нѣтъ или мало,—это служило предвѣстіемъ хорошаго урожая на будущее время. Народъ собранъ передъ храмомъ и во внѣшней части храма: жрецъ допиваетъ остатокъ вина, наливаетъ рогъ, выходитъ къ народу, выпиваетъ при торжественныхъ моленіяхъ о всеобщемъ благоденствіи, побѣдѣ и мирѣ, желаетъ, чтобы никто изъ присутствующихъ не умеръ, потомъ наливаетъ снова рогъ виномъ и оставляетъ въ рукѣ идола. Послѣ того, онъ выходитъ къ народу; приносятъ огромный ме-

довой пирогъ и ставятъ передъ жрецомъ. Жрецъ спрашиваетъ: что видите вы меня? Ежели ему отвѣчаютъ: не видимъ, то онъ говоритъ: ну, чтобы вы меня и на тотъ годъ не увидѣли за большимъ изобиліемъ! Это драгоцѣнное извѣстіе мы можемъ почитать, какъ бы оно было объ нашемъ русскомъ отечествѣ. До сихъ поръ у Малороссіянъ сохраняется подобный обрядъ, только перенесенный къ времени Рождественскихъ святокъ. Отецъ семейства садится за столъ, на которомъ стоятъ кушанья, обставленныя снопами. Онъ спрашиваетъ: «видителп вы меня, дѣти?» Ему отвѣчаютъ: «не видимъ.» Онъ говоритъ: «ну, дай Богъ, чтобы и на тотъ годъ не увидѣли.» Послѣ обряда, праздникъ проводился Славянами въ пиршествахъ и забавахъ Теперь въ простомъ народѣ празднуется торжество это съ различными церемоніями въ разныхъ краяхъ. Въ Россіи обыкновенно все село дѣлаетъ складчину, пьютъ и ѣдятъ и отправляютъ при этомъ обряды, истинно миѳологическіе, напримѣръ: дѣлаютъ чучело изъ снопа въ видѣ женщины, или приносятъ въ церковь пѣтуха. Въ Малоросіи жницы и жнецы несутъ снопы въ церковь, сами въ вѣнкахъ изъ колосьевъ, переплетенныхъ съ цвѣтами. Третій праздникъ у Славянъ отправлялся зимою въ то время, когда солнце доходило до наименьшей своей силы и возвращалось снова на весну. Праздникъ этотъ называется теперь у Славянъ Колядою; нѣкоторые утверждали, что это наименованіе божества мира, другіе отвергали всякое религіозное пропсхожденіе этаго праздника и думали, что Коляда есть испорченное слово Calendae, и зашло въ Малороссію отъ Поляковъ, которые заимствовали его отъ Западныхъ Европейцевъ. Но мы знаемъ, что не только въ Малороссіи, но и въ Великой Россіи въ самыхъ отдаленныхъ углахъ извѣстно имя Коляды. Полагаю же, что имя Колида вовсе не произошло отъ Calendae, а отъ коло-кругъ, колесо,—кругъ солнца. Въ отношеніи религіозномъ этотъ праздникъ у Славянъ отправлялся въ честь рождающагося солнца; изъ чего уже слѣдуетъ заключить, что годъ Славяне начинали съ зимняго поворота. Памятникомъ этому служитъ пѣсня:

«Уродилась Коляда
Наканунѣ рождества.»

Въ то время совершались священныя игры, какъ видно изъ зимнихъ хороводовъ, и приносились жертвы. Такъ въ одной русской святочной пѣснѣ изображается явно—языческое жертвоприношеніе: въ лѣсу горятъ огни, вокругъ огней стоятъ скамьи, на скамьяхъ сидятъ юноши и дѣвицы,—

«Поютъ пѣсни каледушки,
По срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ,
Котелъ кипитъ горючій,
Возлѣ котла козелъ стоитъ,
Хотятъ козла зарѣзати,
Ты, братецъ, Иванушко,
Ты выди, ты выпрыгни,
Я радъ бы выпрыгнуть,
Горючь камень къ котлу тянетъ,
Желты пески сердце высосали.»

Въ отношеніи семейственномъ этотъ праздникъ имѣлъ, кажется, то значеніе, что тогда составляется хороводъ на весну и освящается религіозными обрядами. Въ пѣсняхъ, которыхъ въ такомъ родѣ больше всего, изображается приготовленіе къ любви. Колядницы, ходящія подъ окнами въ Малороссіи, поютъ обрядныя пѣсни юношамъ и дѣвицамъ и всегда изображаютъ ихъ еще не знающими любви, но предвѣщаютъ имъ скорое знакомство съ этимъ чувствомъ. Такъ юноша изображается съ аттрибутами молодца на конѣ, на охотѣ или на войнѣ; нечаянно онъ находитъ себѣ дѣвицу и получаетъ ее то геройскою удалью,—то прельщаетъ ее своей красотою. Дѣвицамъ расхваливаютъ ихъ наряды, ихъ красоту, и говорятъ, что скоро сберутся къ ней князи и бояре (т. е. женихи), будутъ искать любви ея и наконецъ возьметъ ее доблестнѣйшій и красивѣйшій изъ всѣхъ юношей. По большей части, гаданья, существенная часть праздника, относятся къ семейной связи. Дѣвушка хочетъ узнать своего суженаго, юноша свою будущую подругу. Изъ множества гаданій нѣкоторыя несомнѣнно относятся къ языческому міру. Къ такимъ принадлежитъ гаданье посредствомъ лошади:—дѣвушки выводятъ коня и проводятъ его черезъ бревно, ежели конь не зацѣпится, то мужъ у той, которая гадаетъ о себѣ будетъ добрый, въ противномъ случаѣ—сердитый и многія другія. Всѣ эти гаданья исключительно семейныя. По этому я полагаю, что въ язычествѣ на праздникѣ Коляды,—рожденія солнца, составлялся и освящался хороводъ, котораго члены, юноши и дѣвицы — долженствовали на будущую весну своею любовію прославлять всеобщую любовь, выражаемую въ природѣ—жизнію. Безъ малѣйшаго сомнѣнія праздникъ Коляды имѣлъ важное значеніе въ земледѣльческомъ отношеніи. Обычаи щедровать и отчасти колядовать у Малороссовъ преимущественно земледѣльческіе. Пѣвцы подъ окномъ прославляютъ обиліе и счастіе хозяина, и желаютъ ему тако-

го жъ благоденствія на другой годъ. «Богъ тебѣ кличе!»—говорится въ одной щедровкѣ: «даетъ два лана жита, а третій пшеницы, а четвертый гречихи, а пятый овса.» Въ другой говорится, что Богъ любитъ хозяина, и когда онъ посѣетъ на будущій годъ хлѣбъ, то Богъ ниспошлетъ на ниву его дождь, который упадетъ три раза въ Маѣ и на нивѣ уродится жито и пшеница, а хозяинъ въ благодарность за хорошее желаніе долженъ поставить пѣвцамъ меду и вина. У Великоруссовъ хозяину желаютъ корысти въ домъ, а хозяйкѣ предвѣщаютъ, что она будетъ печь пироги, что значитъ принимать гостей. При святочныхъ, подблюдныхъ пѣсняхъ всегда прежде всего воздается хвала хлѣбу:

Пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Хлѣбу честь воздаемъ.

Многія изъ гаданій относились къ урожаю въ будущемъ году, какъ и къ женитьбѣ. Гаданья посредствомъ соломины, которую берутъ, закинув голову, ртомъ изъ снопа и заключаютъ о счастіи, когда вынется соломина съ колосомъ и о несчастіи, когда пустая, есть гаданье земледѣльческое. Обычай посыпать зерномъ на новый годъ, наблюдаемый въ Великой и Малой Россіи, сопряженъ съ большимъ торжествомъ, которое называется *авсень* у Великорусовъ и у Малороссіянъ щедрымъ вечеромъ. Я полагаю, что этотъ праздникъ въ язычествѣ имѣлъ значеніе освященія зеренъ, приготовляемыхъ для посѣва. У Малороссовъ поется при этомъ о святомъ Иліи, который носитъ плѣть изъ жита, и гдѣ махнетъ ею, тамъ растетъ хлѣбъ. Подъ святымъ Иліею, вѣроятно, скрылось другое языческое существо, которе могло быть не иной кто какъ Ладъ-свѣтъ, начало всеоживляющее, дарующее всякое благо. Встарину праздникъ Коляды, или новаго года былъ временемъ гаданій политическихъ: такъ изъ Олафовой Саги мы видимъ, что въ Новгородѣ на праздникѣ Іолы или Коляды приносима была передъ народъ мать Владиміра, которая славилась прорицаніями и она предрекла о пришествіи сѣвернаго героя въ Гардарикію.

Костомаровъ. [1])

[1]) Славянская миѳологія. Кіевъ.

ЛИТОВЦЫ.

Литовцы, въ тѣсномъ смыслѣ, въ своихъ главныхъ двухъ вѣтвяхъ: собственной Литвѣ и Жмуди составляютъ въ настоящее время туземную массу населенія Ковенской губерніи (568.794) и трехъ Сѣверозападныхъ уѣздовъ Виленской (Виленскаго, Троскаго, Свѣнцянскаго числомъ въ послѣднихъ до 138,320. Кромѣ того Литовцы населяютъ еще два уѣзда Августовской губерніи (Маріампольскій и Кальварійскій) и въ числѣ 2800 занимаютъ сѣверный конецъ Гродненской губерніи. Въ Прусскомъ королевствѣ изъ многочисленнаго нѣкогда Литовскаго народа Пруссовъ осталось не болѣе 150,000 (по другимъ извѣстіямъ: 252,700). Къ Литовскому же племени принадлежатъ: Латыши, населяющіе южные уѣзды губерніи Лифляндской (318,870), большую часть Курляндской (401,939) и сѣверные уѣзды Витебской губерніи (142,497). По указанію Кеппена (1853 г.) число Литовцевъ въ тѣсномъ смыслѣ въ Россійской Имперіи простирается до 716,886, а Латышей до 872,107. Итого Литовскаго племени въ Россіи: 1,583,993; въ Пруссіи: 150,000 [1]).

12. Природа языческой Литвы.

1855 г.

Не только поверхностію земли и людомъ, но даже небомъ своимъ различалась Литва отъ Польши. Свѣтило на нее низ-

---

[1]) О Литовцахъ существуетъ достаточное число сочиненій въ польской литературѣ, но не на всѣхъ ихъ можно положиться. Укажемъ на извѣстнѣйшія: Ярошевича—Obraz Litwy, Крашевскаго—Litwa, Балинскаго—Starożytna Polska (т. 3), Нарбута—Dzieje narodu Litewskiego (болѣе извѣстное количествомъ томовъ своихъ, чѣмъ вѣрностью сообщаемыхъ фактовъ). Извѣстія о древнихъ Пруссахъ собраны Фогтомъ (Joh. Voigt: Geschichte Preussens, t. I). Относительно языка Литовскаго, замѣчательны труды Шлейхера: Lithauische Grammatik,—Die Sprachen Europas. II. Die Lithawische Sprache mit besonderer Beziehung auf die Slawische; его же—Lituanica. Также отчеты Микуцкаго, отправленнаго 2-мъ Отдѣленіемъ Имп. Спб. Академіи для изслѣдованій надъ языкомъ Литовскимъ, въ Извѣстіяхъ 2-го Отдѣленія; тамъ же статьи о Литовскомъ языкѣ Юшкевича. О современномъ положеніи литовскаго народа можно найти у Кеппена: О происхожденіи, языкѣ и литературѣ Литовскихъ народовъ, Спб., 1827 г.; его же: приложеніе къ Этнографической картѣ Россіи.

кое солнце сѣвера, имѣвшее непостоянный характеръ солнца странъ полярныхъ. Въ теченіи 10 мѣсяцевъ непрестанной зимы убѣгало оно отъ земли, оставляя ее цѣпенѣть въ смертельномъ морозѣ и погружаться въ сумракахъ; въ два же лѣтніе мѣсяца пылало безпрерывно на горизонтѣ почти не раздѣляя вечернихъ сумерковъ отъ разсвѣта, палило жаромъ вседневнымъ. Зимніе морозы калечили людей частымъ отмораживаньемъ членовъ, морозили на смерть неосторожныхъ, измѣняли цвѣтъ лѣсного звѣря, особенно зайцевъ, совершенно бѣлыхъ зимою, удивляли дорожныхъ, расположившихся кругомъ огня, видомъ котловъ, гдѣ одна половина воды подымалась кипяткомъ, тогда какъ противоположная была еще ледъ. За то лѣтній зной не допускалъ въ теченіи 4-хъ полуденныхъ часовъ никакой въ полѣ работы; она совершалась по большей части утромъ или по ночамъ, тогда свѣтлымъ. Однако хлѣбъ не успѣвалъ дозрѣвать въ слишкомъ короткое время тепла солнечнаго и еще досушивался при огнѣ. Потому, рѣдко виднѣлся на горизонтѣ клочекъ съоранной земли, а почти весь край подымался дикимъ боромъ, заплывалъ въ волнахъ озеръ, раскидывался песчаною степью. А пущи и озера Литовскія, то не лѣса и болота Польскіе! Въ борахъ Литовскихъ драгоцѣнная тогдашней торговлѣ бѣлка, перескакивая съ дерева на дерево, совершала путь въ нѣсколько десятковъ миль, не коснувшись земли. Тотчасъ за порогомъ великой пустыни Подлясья чернѣлась огромная пуща Бѣловѣжская, извѣстная болѣе теперь, чѣмъ въ тѣ времена, когда лѣса Мстиславскіе, Борисовскіе, Родницкіе раскидывались не менѣе, затемняя въ разныхъ мѣстахъ край другими пущами Бѣловѣжскими. Наполненные внутри широкими лугами и озерами, сгущенные разнаго рода кустами и деревьями, полные всякимъ звѣремъ, бродящимъ свободно цѣлыми стадами въ дѣвственныхъ лѣсахъ, эти пущи представляли, какъ бы отдѣльныя царства растеній и звѣрей, почти такія, какъ въ первые дни творенія. Въ ихъ громадномъ пространствѣ исчезалъ живущій между ними родъ людской, прекращалась людямъ всякая возможность бороться съ мощью такой пустынной природы. Людской топоръ и охотничья труба, какъ бы далеко не проникали внутрь самой пущи, звучали собственно только въ ея узкой окраинѣ, во внутренность же могла проникнуть развѣ только фантазія человѣческая, наполняя ее баснословными зрѣлищами и дивами. Неизмѣримость тѣхъ лѣсныхъ пространствъ такъ поражала фантазію людей, что, находясь подъ сильнымъ впечатлѣніемъ постояннаго ихъ вида, она создавала въ своемъ внутреннемъ мірѣ, въ вымыслахъ своего творчества, образы какихъ то лѣсовъ заклятыхъ, какихъ то чародѣйскихъ боровъ

Ужварскихъ, въ нихъ рѣзвились злостныя нимфы Лауны, которыя исполинство своей лѣсной природы соединяли съ другой особенностью странъ Литовскихъ, съ озерливостью земли. Что значатъ всѣ воображаемыя представленія озеръ и болотъ Литовскихъ сравнительно съ тѣмъ, что они въ дѣйствительности? «Озера Литовскія,» слышимъ отъ удивленнаго ихъ громадностью чужеземца, «то чистыя моря»! Изобиліе различныхъ водъ дало поводъ преданію, будто вся южная часть Литвы была въ древнѣйшее время моремъ, моремъ Чернымъ, простиравшимся нѣкогда до болотъ Припети, а потомъ какимъ то исполиномъ спущенное въ теперешнее ложе. Въ нѣкоторыя времена года опять возвращались тѣ морскія времена и снова по всѣмъ пространствамъ края распространялось блистающее зеркало волнъ, выросшее отъ весеннихъ разливовъ и отъ растаявшихъ снѣговъ; когда вода спадала, рѣки, сохраняя темный и мутный цвѣтъ водъ морскихъ, текли съ тихою важностью моря. Напоминало также море и широко раскинувшаяся по Литвѣ степь, недавно высохшее дно морское, ежедневный свидѣтель младенчества суши Литовской. На такой первобытной землѣ жилъ также и молодой народъ; связь ихъ обоихъ была еще слаба и не развита. Трудъ земледѣльческій, лучшая связь между человѣкомъ и землей, едва выказывалъ свое существованіе. Дикая почва Литвы представляла для него слишкомъ большія препятствія, а народъ не чувствовалъ охоты преодолѣвать ихъ. Потому, не большая часть края была посвящена землепашеству, труду чрезвычайно неблагопріятному, остановившемуся на деревянномъ плугѣ и предразсудочно противившемуся всякому желѣзному снаряду. Принявъ во вниманіе недостатокъ желѣза, недостатокъ также мѣльницъ, замѣняемыхъ обыкновенно жерновами и наконецъ необходимость досушивать недозрѣлые плоды при огнѣ, будетъ понятно тогда убожество всего земледѣльческаго дѣла въ языческой Литвѣ, не приходившаго даже къ тому, чтобъ прокормить хоть рѣдкое населеніе. Оно жило тогда главнымъ образомъ отъ скота, звѣрины, грибовъ. Младенческой была земля Литовская, въ младенческомъ образѣ жизни первобытныхъ народовъ, въ патріархальныхъ занятіяхъ охотой, рыболовствомъ, пастушествомъ проводило дни свои и племя ее населявшее. Къ счастію въ лѣсахъ Литовскихъ гнѣздилось необъятное число звѣрей. Только ради мѣха убивали самыхъ лучшихъ, бросая ихъ вкусное мясо. Рога зубра служили ежедневной, столовой посудой. Предъ каждымъ выступленіемъ въ походъ производилась обыкновенно большая ловля, которая снабжала на долгое время войско множествомъ бочекъ звѣрины соленой и копченой. Рыболовство, благодаря неистощимому

рыбному богатству нѣкоторыхъ рѣкъ, какъ напримѣръ Припети, въ теченіи цѣлаго года кормило народъ сушоными рыбами. При изобиліи пастбищъ особенно занимались кормленіемъ рогатаго скота и коней; скотоводство доставляло разнаго рода молочную пищу, между прочимъ: сыры буйволовъ, молоко кобылье. Процвѣтало не меньше и пчеловодство,—давняя краса странъ Нѣмана. Сильная растительность болотныхъ странъ, сладкія травы, огромныя липовыя рощи близь Ковно доставляли медъ лучшаго сорта, извѣстный липецъ Ковенскій,—его пили въ большомъ изобиліи. При исчисленіи вѣтвей хозяйства слѣдуетъ еще прибавить очень важное въ Литвѣ: Огородничество. Чѣмъ слабѣе была пашня, тѣмъ ревностнѣе воздѣлывали огородныя растенія. Когда недоставало въ Литвѣ чернаго, зерноваго хлѣба, его заступала печоная рѣпа. Въ позднѣйшее время извѣстныя литовскія фамиліи не стыдились напоминать другъ другу, какъ нѣкогда ихъ предки въ знакъ пріязни пересылались рѣпой. Въ огородахъ же росла и большая часть того льна, который Литва ежегодно приготовляла. Сырая почва земли, общее нерасположеніе къ сукну, слишкомъ искуственному и дорогому въ глазахъ Литвы товару, дѣлали ленъ и коноплю главнымъ произведеніемъ земли, главнымъ предметомъ труда и домашней промышленности. Кто привыкъ къ работѣ въ саду, тому садикъ и цвѣты были и удовольствіе и вмѣстѣ пріятная необходимость. Потому въ Литвѣ сохранилась удивительная нѣкоторымъ образомъ у такого простого народа любовь къ цвѣтамъ, она выражалась въ заботливой бережливости ихъ при домѣ, въ употребленіи ихъ при каждомъ торжествѣ домашнемъ, въ частомъ упоминаніи о нихъ въ пѣсняхъ. Особенно красивая долина Ковенская, благоухающая цвѣтомъ широкихъ липовыхъ рощъ, устланная ковромъ бѣлыхъ и цвѣтныхъ розъ, была настоящимъ раемъ цвѣтовъ, конечно только въ короткій промежутокъ двухмѣсячнаго лѣта. Съ привязанностью къ цвѣтамъ соединялось подробное знакомство съ дѣйствіемъ растеній, съ зельями, съ ихъ чудесной иногда силой; это принадлежало къ искусству многочисленныхъ лекарокъ и чаровниковъ Литовскихъ, называвшихся знахарями зелій, зельщиками. Однако одно изобиліе цвѣтовъ близъ ограды не могло замѣнить самаго дома. Лучшая хата Литовская, такъ называемая Нума, была не похожа даже на самую обыкновенную, хозяйскую избу. Это была на скоро сдѣланная пастушеская бутка, шалашъ кочующаго племени. Представимъ себѣ кочующую семью; она разсположилась кругомъ огня, разложеннаго въ широкой ямѣ; запасъ живности подъ сѣнной кучей; тутъ же рогатый скотъ и кони, покроемъ все это логовище одной общей

крышей на четырехъ стѣнахъ безъ оконъ и передъ нами Литовская Нума; на пространствѣ 10 саженей помѣщается людское жилище, конюшня, хлѣвъ, анбаръ. Такой путевой, деревянный наметъ, такой курень обозный считался до самыхъ позднихъ временъ самымъ обыкновеннымъ Литовскимъ жилищемъ, болѣе народнымъ чѣмъ всѣ позднѣйшіе дома и дворцы. Жилище устроенное привязываетъ къ мѣсту,--Литва языческая была готова каждую минуту свернуть свои наметы и искать новаго отечества.

Шайноха.

13. Литовское племя.

1860 г.

Въ краѣ, прилегающемъ къ южному берегу балтійскаго моря, издревле обитало литовское или летское племя, котораго остатки и до сихъ поръ уцѣлѣли отъ губительнаго вліянія враждебнаго нѣмецкаго элемента, много вѣковъ систематически истреблявшаго порабощенное имъ племя. Въ древности оно граничило на западѣ съ славянами, на востокъ съ чудскими народами. Никогда исторія не знала этаго племени подъ собирательнымъ для него весго туземнымъ названіемъ. На сколько простираются наши свѣденія въ глубину до-историческаго мрака, всегда оно являлось раздѣленнымъ на единоплеменные народцы, болѣе или менѣе сохранившіе между собою духовную связь языка, вѣрованій, обычаевъ и образа жизни. Первые составители нашихъ лѣтописей перечислили народы литовскаго племени такимъ образомъ: Пруссы, Корсь, Зимигола, Летгола, Жмудь, Литва.—Трудно съ точностію опредѣлить географическіе предѣлы жилищъ всѣхъ этихъ частей литовскаго племени и приходится довольствоваться приблизительными указаніями. Корсь обитала по берегу моря, на полуостровѣ, въ нынѣшней Курляндіи, удержавшей отъ нея и свое названіе, ибо народъ, называемый въ нашихъ лѣтописяхъ Корсью, на Западѣ называемъ былъ Куронами. Зимигола было названіе народа и страны, имъ

---

1) Карлъ Шайноха одинъ изъ извѣстнѣйшихъ современныхъ историковъ Польши, родился въ 1818 г. около Самбора въ Галиціи, по способности живо рисовать лица и событія можетъ быть поставленъ въ Польшѣ на ряду съ Огюстеномъ Тьерри и съ Маколеемъ; но съ другой стороны историкъ часто неосторожный, ради избранной впередъ идеи, подбирающій намѣренно факты. Особенно извѣстны его сочиненія: «Ядвига и Ягелло», въ которомъ изобразилъ начало соединенія Польши съ Великимъ Княжествомъ Литовскимъ, «Лехитское происхожденіе Польши», гдѣ старается доказать, что Польское государство основано Норманнами и друг. Шайноха живетъ теперь въ Львовѣ, почти совершенно лишенный зрѣнія.

обитаемой, прилегавшей къ Двинѣ, на востокѣ отъ Корси или Куроніи. По другую сторону Двины, на востокъ отъ Зимиголы, жилъ литовскій народъ Летгала, иначе Летгола, или Лотыгола (Латыши). Какъ далеко простирались предѣлы летголы на востокъ — невозможно опредѣлить; здѣсь литовское племя соприкасалось съ чудскимъ (финскимъ) и находилось съ нимъ въ вѣковой, непримиримой враждѣ. На западъ отъ Зимиголы была Жмудь — Жемоить, а на югъ по теченію Нѣмана и Вислы собственно такъ называемая Литва. На западъ отъ Жмуди простирались Пруссы. Очень удачнымъ кажется древнее объясненіе этаго слова; названіе Пруссы есть славянское, оно дано имъ сосѣдями—Славянами по рѣкѣ Руси, къ которой они прилегали. Такимъ образомъ Пруссы есть сокращенное слово Поруссы, какъ Полабы, живущіе по рѣкѣ Лабѣ (Эльбѣ). Названіе Пруссы было для литовскаго племени древнѣйшимъ славянскимъ названіемъ, какъ нѣмецкимъ —Эсты. На югъ, по всему протяженію своихъ жилищъ, литовское племя граничило съ Славянами; древнихъ предѣловъ между этими двумя племенами нельзя опредѣлить, тѣмъ болѣе, что литовское племя постоянно принимало славянскій языкъ и славянскую народность. Такой отрывокъ литовскаго племени обиталъ подъ именемъ Голяди на берегахъ Протвы, [1]) —и окруженный со всѣхъ сторонъ славянскимъ элементомъ исчезъ безъ слѣда. Раздробленіе литовскаго племени этимъ не ограничивается. Каждый литовскій народъ въ свою очередь дробился на второстепенные народцы. Такимъ образомъ въ Пруссіи насчитывались Судовиты, Натанги, Самбиты, Погезаны, Надравиты, Галинды, Скаловиты. Небольшая Жмудь въ свою очередь раздѣлялась на народные отдѣлы.

Нѣкоторые ученые производили литовское племя отъ Римлянъ. Это совершенно не основательное мнѣніе— опиралось единственно на сходствѣ нѣкоторыхъ словъ литовскихъ съ латинскими и на окончаніяхъ на s, свойственныхъ литовскому и классическимъ языкамъ. Съ большимъ правдоподобіемъ видѣли въ Литовцахъ древнихъ Геруловъ; это мнѣніе раздѣляли Богушъ и Лелевель. Поближе присмотрѣвшись къ ихъ языку, открывается близкое, родовое сродство съ славянскимъ. Это произвело предположеніе, что литовское племя есть смѣсь Славянъ съ Готами и отчасти съ Финнами. Еще въ 1783 г., ученый Готлибъ Антонъ называлъ ихъ полуславянами, придавая такое же имя и Валахамъ, гдѣ очевидна смѣсь славянскаго съ латин-

---

1) Одинъ изъ притоковъ Оки въ ея верхнихъ частяхъ.

скимъ. Ученые Циммерманъ и Арндтъ въ 1812 и въ 1818 году выводили, что во времена великаго переселенія народовъ и передвиженія племенъ, Славяне смѣшались съ Готами и образовали литовское племя; впослѣдствіи, по близости жительства, подмѣшалась сюда чудская народность. Точно также пасторъ Ватсонъ, знавшій хорошо латышское нарѣчіе литовскаго языка, раздѣлялъ это мнѣніе. Онъ объяснялъ такое смѣшеніе племенъ тѣмъ, что Славяне оттѣснили Готовъ къ востоку, а Финновъ къ сѣверу, и смѣшались съ ихъ остатками, и оттого-то Литовцы до-сихъ поръ называютъ Русскихъ, живущихъ отъ нихъ на юговостокъ, *гуддасъ*, по старой памяти, что когда то въ ту сторону отъ нихъ жили Готы. Въ нарѣчіяхъ литовскаго племени находили опредѣленное количество словъ славянскихъ, готскихъ и финскихъ. При ближайшемъ изученіи посредствомъ сравнительнаго языкознанія оказалось, что литовскій языкъ самый ближайшій къ санскритскому. Его корни имѣютъ близкое сродство съ языкомъ Осетинцевъ на Кавказѣ. Такимъ образомъ прежніе выводы о происхожденіи Литовцевъ посредствомъ смѣшенія Славянъ съ другими племенами не возбуждаютъ болѣе довѣрія, особенно послѣ глубокаго изслѣдованія надъ литовскимъ языкомъ знаменитаго берлинскаго филолога Шлейхера [1]). Опредѣляя филологическимъ путемъ мѣсто для литовской рѣчи въ ряду съ другими въ семьѣ Индоевропейской вѣтви человѣчества, онъ доказываетъ, что близости литовскаго племени съ славянскимъ надобно искать не въ позднѣйшихъ взаимно-дѣйствіяхъ этихъ племенъ одно на другое, но въ томъ племенномъ единствѣ, которое по своей сѣдой древности недоступно историческому изслѣдованію надъ событіями въ судьбахъ народовъ, безъ содѣйствія историческаго анализа какъ состава, такъ и временныхъ видоизмѣненій языковъ. Выводы Шлейхера приводятъ къ тому результату, что прежде чѣмъ Индоевропейская вѣтвь явилась на исторической почвѣ сѣвера Европы въ разнообразіи племенъ, она составляла одно племя, такое, въ которомъ находились зародыши и германскаго, и литовскаго, и славянскаго; послѣ отдѣленія отъ него

---

1) Профессоръ Шлейхеръ, одинъ изъ первыхъ Европейскихъ ученыхъ въ области языкознанія, былъ въ 1852 г. отправленъ Австрійскимъ правительствомъ для изслѣдованій по Литовскому языку. Къ сожалѣнію Шлейхеръ ограничилъ свои изысканія только прусскимъ уголкомъ Литвы и не счелъ удобнымъ посѣтить Литовскій край въ Русской державѣ. Плодомъ ученой поѣздки Шлейхера были: подробная Литовская грамматика и христоматія, заключающая въ себѣ выборъ произведеній Литовскаго народнаго творчества; пѣсень, пословицъ, загадокъ и сказокъ.

и самообразованія германскаго элемента, осталось и существовало племя славяно-литовское и оно-то въ свою очередь распалось на два отдѣла—Литовцевъ и Славянъ, и каждый изъ этихъ отдѣловъ въ свою очередь разбился на второстепенныя и третьестепенныя народности, и такъ началась историческая жизнь племенъ и народовъ.

Литовское племя представляетъ въ себѣ картину древней первобытной цивилизаціи. Вслѣдствіе обстоятельствъ у этаго племени, оно остановилось и не подвергалось далнѣйшимъ измѣненіямъ. Эту цивилизацію прилично назвать деревенскою, такъ какъ цивилизація, съ которою вступили въ исторію Славяне, правильно можетъ назваться сельскою, цивилизація Германцевъ—замковою, а древняя Грековъ и Римлянъ городскою. У Славянъ даже самые города имѣли характеръ большихъ селъ, какъ у Германцевъ—характеръ вооруженныхъ и укрѣпленныхъ замковъ. Всѣ народы начинали общественный строй жизни съ деревни, но иные оставались въ этомъ строѣ долѣе, другіе же подъ его вліяніемъ не успѣвали развить въ себѣ историческихъ началъ и подвергались процессу такого развитія уже въ высшемъ періодѣ цивилизаціи—сельскомъ или городскомъ. Уединенные въ своемъ прибрежномъ углу, Литовцы долѣе другихъ племенъ удержали начатки глубокой старины и позже другихъ вошли въ колею, опредѣленную человѣческому развитію христіанствомъ. По этому ни у кого въ Европѣ не сохранилось столько стараго, первобытнаго, деревенскаго. Съ этой точки зрѣнія разработка литовской старины и существующей до сихъ поръ ихъ народной поэзіи и обычаевъ ихъ быта чрезвычайно интересна и важна для науки. Близость этаго племени къ нашему славянскому дѣлаетъ необходимымъ изученіе явленій старой, литовской жизни. Пока надлежащимъ образомъ не будетъ изслѣдована и приведена въ ясность дѣтская цивилизація Литовцевъ со всѣми ихъ преданіями, вѣрованіями и народнымъ взглядомъ, до тѣхъ поръ не полно будетъ изученіе славянскихъ древностей. Никто другой изъ народовъ славянской семьи не поставленъ былъ исторіею въ связи съ литовскимъ міромъ, какъ нашъ Русскій. Для насъ Русскихъ, литовская жизнь имѣетъ самый ближайшій интересъ.

Въ характерѣ литовскаго племени есть много самозаключенности, много заронившагося въ глубину души и тамъ заснувшаго, много таинственнаго, если можно такъ выразиться, не даромъ въ западной Руси Литвинъ—синонимъ колдуна. Это своенародная самозаключенность держала Литовцевъ въ сторонѣ отъ треволненій исторіи; они по характеру своему не предпріимчевый и не воинственный народъ; у нихъ девизъ жизни:

не трогай насъ! Но коль скоро мѣшали имъ жить къ своемъ углу, Литвины чувствовали въ себѣ силы и развертывали ихъ и являлись на историческомъ полѣ, на короткое время, за то съ блескомъ, съ грохотомъ, и съ послѣдствіями не для себя, а для другихъ.

Остаткамъ литовскаго племени суждено было позже всѣхъ европейскихъ племенъ принять христіанство, не иначе какъ послѣ долгой упорной борьбы противъ него цѣлымъ племенемъ, борьбы, въ которой оно оставило по себѣ неотрадную память косности и застоя. Когда у сосѣдей Литовцевъ—Нѣмцевъ и Славянъ—языческія преданія уже составляли достояніе археологіи, у Литовцевъ миѳологія составляла еще живую духовную стихію. Еслибы вскорѣ послѣ крещенія Литвы, даже черезъ вѣкъ или черезъ два послѣ Ягелла, [1]) кто нибудь вздумалъ подбирать въ этомъ народѣ развалины падшаго язычества съ тѣмъ же рвеніемъ и осторожностію, какой можно ожидать отъ современныхъ намъ ученыхъ, какія сокровища пріобрѣла бы наука, какъ бы уяснились многіе обще-историческіе вопросы, касающіеся явленій первобытной образованности. [2])

Прежніе историки (Ласицкій, Стрыйковскій, Лука Давидъ)

---

1) Ягелло, Великій князь Литовскій, при немъ въ 1387 году Литва была обращена въ христіанство.

2) Источниками для ознакомленія съ литовскимъ язычествомъ могутъ служить: 1) извѣстія Петра Дюисбургскаго, прусскаго историка XIV вѣка; 2) извѣстія Луки Давида, историка прусскаго XVI вѣка, пользовавшагося лѣтописью Христіана, перваго епископа прусскаго XIII вѣка, теперь уже для насъ погибшею, который имѣлъ подъ рукою какую то русскую лѣтопись; 3) извѣстія, пользовавшагося тѣмъ же Христіаномъ и сверхъ того собственными наблюденіями, Симона Грунау, жившаго при дворѣ прусскаго курфирста Альбрехта въ XVI вѣкѣ; 4) хроника Матвѣя Стрыйковскаго, Польскаго историка XVI вѣка, который пользовался двумя предъидущими источниками; 5) самыя русскія лѣтописи, сохранившіяся до нашего времени; 6) извѣстія изъ Византійскаго хронографа Іоанна Малалы, 6-го вѣка, въ славянскомъ переводѣ; 7) Извѣстія Ласицкаго, въ его сочиненіи, напечатанномъ въ XVII вѣкѣ; 8) извѣстія, записанныя въ лексиконѣ Бродовскаго, учителя въ Тренщенѣ въ Пруссіи, жившаго въ концѣ XVI вѣка; 9) наконецъ, народныя преданія литовскія и пѣсни, сохранившія до нашего времени слѣды языческой эпохи. Изъ всего этаго, взятаго вмѣстѣ, открывается куча несвязныхъ, иногда трудно совмѣстимыхъ, между собою явно противорѣчивыхъ, иногда очевидно невѣрныхъ свѣденій. Что болѣе всего достойно сожалѣнія, это то, что нѣкорые источники (Грунау, Лука, Стрыйковскій) сохранили подробное описаніе полубаснословныхъ событій, составлявшихъ, какъ видно, народный историческій эпосъ, но такъ изуродовали его, допустивъ небывалое въ народѣ преданіе о происхожденіи Литовцевъ отъ Палемона, брата римскаго Императора Августа, и о колоніи римской, будто бы основанной на прусскомъ берегу.

оставили намъ множество именъ боговъ литовскихъ такъ, что у каждаго изъ нихъ свои. Нарбутъ и другіе изслѣдователи нашего времени еще болѣе умножили литовскій Олимпъ. Но чѣмъ онъ богаче, тѣмъ болѣе представляетъ затрудненій къ уясненію. Въ литовской миѳологіи для науки случилось обратное тому, чему подверглась наша славянская; у насъ скудость въ извѣстіяхъ, тамъ изобиліе мѣшаетъ.

Достовѣрнѣйшій и простѣйшій изъ историковъ, Петръ Дюисбургскій, ограничивается тѣмъ, что о Пруссахъ, близко родственныхъ по вѣрованіямъ съ прочими собратами по племени, сообщаетъ, что они поклонялись солнцу, мѣсяцу и звѣздамъ, и почитали разные предметы природы:—явленіе грома, птицъ, животныхъ (даже змѣй и жабъ), деревья, воду, камни; оттого у нихъ были освященные лѣса, гдѣ не велѣно было не только рубить деревьевъ, но и пахать земли,—освященныя воды, гдѣ нельзя было ловить рыбу. Какъ ни кратко это извѣстіе, но изъ него несомнѣнно можно признать, что въ обожаемые и чтимые предметы и явленія природы фантазія влагала одушевленныя существа міра высшаго, геніевъ или боговъ; отсюда вытекаетъ, что дѣйствительно литовскій Олимпъ могъ быть чрезвычайно обиленъ, и вѣроятно разнообразенъ, въ особенности при такомъ дробномъ подѣлѣ народовъ на мелкія племена, въ какомъ представляется литовское племя въ языческую эпоху. Въ одномъ краѣ называть могли одно и то же фантастическое существо такъ, въ другомъ иначе, въ одномъ краѣ болѣе поклонялись одному, въ другомъ иному; все это, по истеченіи значительнаго времени послѣ принятія христіанской религіи, переплелось между собою и сбилось, сверхъ того Литовцы почитали и фантастическія существа высшаго міра и умершихъ своихъ героевъ; имена тѣхъ и другихъ уже немогли отдѣлить не только миѳографы, но и самъ народъ, и въ такомъ нестройномъ видѣ все это досталось собирателямъ, не имѣвшимъ къ тому еще ни критическаго такта, ни достаточнаго знакомства съ изгибами народной мысли и фантазіи. Въ лѣтописи русской (Галицко-Волынской) упоминаются литовскія божества: извѣстіе самое древнее, но лѣтописатель слышалъ о томъ, что писалъ—издали и, конечно, не зналъ того хорошо и обстоятельно. Тамъ говорится: «Миндовгъ, принимая наружно христіанство, поклонялся втайнѣ богамъ своимъ Но надѣю (Нонадѣеви), Телявели, зайчему богу и Мѣиденну; когда выѣзжалъ въ поле и выбѣгалъ на поле заяцъ, тогда не входилъ въ рощу, не смѣлъ переложить вѣтви,—богамъ своимъ приносилъ жертвы, тѣла мертвыхъ сожигалъ, явно исповѣдуя свое язычество.» Въ извѣстіи о почитаніи лѣсовъ русская лѣ-

топись совершенно сходится съ Петромъ Дюпсбургскимъ. Что поклоненіе деревьямъ составляло главнѣйшую черту литовскихъ вѣрованій, подтверждается извѣстіемъ, что при распространеніи христіанства въ Литвѣ должно было рубить священные лѣса, чтобы разлучить народъ съ предметами прежняго почитанія. Слѣды языческаго поклоненія деревьямъ и камнямъ долго сохранялись въ Пруссіи между народомъ. Послѣ принятія христіанства долго еще оказывали уваженіе къ священному у язычниковъ дубу близь Ромова. Когда для искорененія языческихъ суевѣрій Эрмеландскій епископъ Ансельмъ приказалъ его срубить, то никто изъ некрѣпкихъ въ новой вѣрѣ христіанъ не осмѣлился поднять на него топора; и самъ Ансельмъ срубилъ его. На мѣстѣ нынѣшняго Торна, по преданію, росъ огромный дубъ, которому поклонялись. Неподалеку отъ Растенбурга преданіе помѣщаетъ священную липу, подъ которую язычники приносили больныхъ для исцѣленія, непремѣнно при лунномъ свѣтѣ. Впослѣдствіи на томъ самомъ мѣстѣ почитали Божію Матерь. Также сохранялась память о священныхъ камняхъ. Недалеко Рагниты былъ на горѣ камень, которому, по старой привычкѣ, переходившей отъ прадѣдовъ къ правнукамъ, оказывали уваженіе даже въ XIX вѣкѣ. Разсказываютъ, что когда въ 1811 году какой-то мельникъ, съ разрѣшенія начальства, хотѣлъ было достать себѣ этотъ камень на жорновъ, то съ камня полетѣла ему въ глаза пыль и онъ ослѣпъ; у другого, помогавшаго ему, отнялись руки, а третій, вырвавшій камень съ мѣста, скоро умеръ.

Боговъ литовскихъ можно раздѣлить ва чотыре разряда: 1) небесные и воздушные, 2) земные, 3) домашніе и управлявшіе человѣческими побужденіями и дѣлами, 4) злые. Первое важнѣйшее существо между воздушными было Перкунасъ, олицетворенное явленіе грома: земледѣлецъ, услыша громъ, снималъ шапку и приносилъ божеству въ жертву мясо, которое послѣ самъ съѣдалъ. Перкунасъ былъ повелитель неба; надобно было женить повелителя небеснаго и создалась по этому матерь небесная. По литовской миѳологіи эта матерь небесная воспріяла солнце изъ мовницы; прежде оно было не чисто, а она его вымыла и освѣтила и пустила по небу. Солнце называлось Сауле или Саулите и считалось женскимъ существомъ; ея супругъ былъ мѣсяцъ. Утренняя и вечерняя заря у Ласицкаго названы—первая Ауска, вторая—Безлея. Первая есть испорченное названіе Аушра, или Аушрине, послѣдняя—неизвѣстно что за имя, но въ народныхъ пѣсняхъ видны слѣды древняго поклоненія вечерней звѣздѣ подъ именемъ Вакарине. По литовскимъ преданіямъ мѣсяцъ оттого является половинно, что Перкунасъ разрубилъ его за то, что онъ, будучи мужемъ солнца,

влюбился въ утреннею звѣзду. Къ небеснымъ существамъ относится также Альгисъ, который у Ласицкаго названъ: послапникъ боговъ. При исчисленіи прусскихъ боговъ тамошніе лѣтописцы къ небеснымъ существамъ присовокупляютъ еще бога свѣтлости, называемаго Сваитестиксъ или Шваистиксъ, Сванстестиксъ или Швинтестиксъ. Кажется, это же существо должно разумѣть подъ другимъ именемъ, Звайдзункасъ, то есть звѣз, дный богъ. Стрыйковскій помѣщаетъ въ числѣ небесныхъ существъ, управляющихъ воздушными явленіями, Литуванисъ—дождеиспускатель; была также богиня дождя, Дейвайте швента. Ночь олицетворялась подъ образомъ богини Брексты. Варпулисъ—божество воздушнаго звука, Близгулисъ—божество снѣга, Праурине—богиня огня.

Производительная сила земли изображалась въ образѣ бога Земенника, въ честь которому Литовцы оказывали уваженіе къ ужамъ и кормили ихъ молокомъ. Вѣроятно одно и тоже существо нужно разумѣть подъ именемъ Земберисъ, котораго въ лексиконѣ Бродовскаго переводятъ Плутономъ, но который былъ существо доброе, а не злое, и самое его названіе это указываетъ.

Богиня Земепати или Жемепати, или Земине, переводится Церерою, въ пѣсняхъ встрѣчается до сихъ поръ поэтическое къ ней обращеніе (цвѣтопроизводительница). Трудно рѣшить, одну ли ее почитали подъ другими именами, или эти имена означали существа женскаго рода, означавшія богинь ей подвластныхъ, таковы: Явпине—покровительница посѣва, Крумине,—называется въ лексиконѣ Бродовскаго Церерою, о которой до сихъ поръ сохранилось преданіе, сходное съ миѳомъ греческой богини, Меллетеле—богиня производительница зелени и цвѣтовъ, Срутисъ, другое божество цвѣтовъ, Каукарасъ, божество горное, Гирристисъ, лѣсное, Рагана, лѣсная нимфа, живущая въ деревахъ; у Ласицкаго къ лѣснымъ божествамъ причисляются Модейна, Кирпичь и Силиничь—пропзрастатель грибовъ; въ орѣховыхъ деревахъ жила нимфа Лаздона, а надъ вишневыми деревьями былъ покровитель Кирнисъ; Лаукасаргасъ—былъ стражъ равнинъ или полей, Дидисъ Ладо (великій ладо)—богъ весны; по извѣстію Стрыйковскаго ему праздновали поселяне и въ позднѣйшія времена съ 25 Мая по 25 Іюня, мужчины въ корчмахъ, а женщины и дѣвицы на лугахъ и на деревенскихъ улицахъ въ хороводахъ, взявшись за руки, плясали и припѣвали: ладо! ладо! ладо! дидисъ мусу деве! (ладо, ладо, ладо, нашъ великій боже!). Это существо было во всеобщемъ почтеніи у Славянъ и кажется самими Литовцами было заимствовано отъ Славянъ съ прибавкою въ послѣдствіи эпитета дидисъ, которое случайно сходствуетъ съ славянскимъ диди—милый. Кажется,

то же существо праздновалось у Пруссовъ, подъ именемъ Пергрубіоса. Въ кустахъ сиреневаго дерева, которое почиталось въ числѣ особенно священныхъ, обиталъ богъ Пурсхайтасъ, предводитель маленькихъ человѣчковъ, двухъ разрядовъ: одни назывались Парстуками или Барстуками, другіе Маркопетами, эти пигмеи дѣлали человѣку и пользу и вредъ, смотря потому, умѣетъ ли онъ имъ угодить. Божество, покровительствовавшее сады, называлось Бибчю—бобелисъ (у Бродовскаго) и у него искали покровительства пчеламъ, которыя обыкновенно водились въ садахъ; другое существо, покровительствовавшее пчеламъ, было женское—Аустея. Гониглисъ было божество, покровительствовавшее стадамъ и охранявшее ихъ отъ волковъ, тоже значеніе имѣла богиня Валгини; для лошадей были особые геніи: Стрыйковскій называетъ одного Хаурирари, у Ласицкаго—Ратайница; надъ птицами было существо Свѣчпаукстинисъ, можетъ быть одно и тоже божество, что Пурсхайтисъ, потому что у Латышей птица пускегтисъ. Свиньи имѣли своего покровителя: онъ назывался Кремата, иначе Кіаулу Круке; нынѣ, въ насмѣшку, пастуховъ называютъ именемъ стариннаго свинаго бога.

Божества водяныя были: Аудрасъ, сила моря; у Пруссовъ онъ назывался Атримпосъ; божество рѣкъ называлось Упиносъ девосъ, а у Пруссовъ Протримпусъ; духъ озеръ назывался Езернимъ; Бангпуттисъ было морское божество, управлявшее вѣтрами, духъ исполинъ, стоявшій посреди моря, усмирявшій вѣтры и насылавшій ихъ, покровительствовавшій мореходцамъ, доводившій ихъ корабли до пристаней и также разбивавшій ихъ во время бури; у Пруссовъ, покровительствующее мореходцевъ божество вѣтровъ, называлось Гардоатисъ, иначе еще назывался онъ Пердоитусъ, рѣки населялись дѣвицами, называемыми Вандинніямя. По принятіи крещенія, когда христіанскія представленія, замѣня прежнія языческія, появлялись въ языческой формѣ, должность морскихъ боговъ дана св. Николаю и Христофору; мореходцы обращались къ св. Николаю съ молитвою, чтобъ онъ приводилъ ихъ судна къ берегу, и можно было видѣть на берегахъ часовни съ образами св. Николая. Св. Христофоръ изображался гигантомъ, какъ прежде Бангпуттисъ.

Въ домашней жизни, Литовцевъ сопровождало безчисленное множество духовъ, которымъ, какъ древніе Греки, давали они своеобразное занятіе или покровительство тому или другому человѣческому положенію. Литовцы признавали надъ каждымъ человѣкомъ особаго хранителя, духа, называемаго Гульби-девосъ; выѣзжая въ дорогу, они призывали Келюдевоса. Дата-

носъ было божество, которое способствовало удачѣ человѣка въ собраніи богатствъ, Лигичь, божество согласія между людьми. Иное названіе подобнаго значенія было Бентисъ и призывалось при устройствѣ согласія между путешественниками, когда они вмѣстѣ собрались въ путь; Лаукпатимо, духъ покровительствующій земледѣльцамъ, когда они выходили на работу; Крукисъ—божество, покровительствовавшее кузнецамъ. Пригирститисъ было божество тяжбъ, выслушивающее ропотъ обиженныхъ и тому, кто кричалъ громко,—говорили: «тише, Пригирститисъ услышитъ»; божества брака были Пизіо и Гонда, первый мужескаго рода—женіховъ геній, другой женскаго рода—геній—хранитель невѣсты. Лайма или Лаума, богиня счастія и вмѣстѣ разрѣшительница родовъ, пережившая въ народной памяти другія божества. Это тоже, что роженица у Славянъ. Божество Пильвитъ или Пильвите покровительствовало жатвеннымъ работамъ, божокъ Вайсгантъ—росту и уборкѣ льна и конопли. Домовой назывался Айтваросъ; собственно это имя означало пеликана, и также баснословную птицу, и вѣрно въ образѣ птицы представлялся домовой; домашнія божества—Ягаубисъ и богини Паленгабія и Матергабія (можетъ быть одно и тоже), покровительствовали огню въ домѣ. Аспеленія была богиня угловъ въ избѣ. Раугуземанати завѣдывала напитками, и потому ей приносили въ жертву пиво и медъ; богиня Дугна завѣдывала приготовленіемъ хлѣба въ домѣ; Нумеасъ вѣроятно охранитель денегъ, Убланицы соблюдали домашнюю посуду; богиня, завѣдывавшая разбуженіемъ людей отъ сна называлась Будинтая; Тратитасъ—Кирбиксту—гаситель искръ, предохранялъ домъ отъ пожара. Впослѣдствіи, по крещеніи, тоже значеніе въ народномъ вѣрованіи получилъ св. Флоріанъ. Семимдевосъ было божество, завѣдывавшее домашнею челядью. Наконецъ, было очень много боговъ частныхъ, домашнихъ, которыхъ названіе трудно разъяснить; такъ у Ласицкаго, въ числѣ домашнихъ божествъ, значатся нѣсколько именъ безъ объясненія. Литовцы вѣровали въ маленькихъ человѣчковъ, живущихъ въ домѣ, называемыхъ Каукіе и воображали себѣ, что каждый изъ нихъ не больше ладони, но съ большой бородой, и также вѣрили въ существа на подобіе змѣй, называвшихся Живонтами; кажется это совпадаетъ съ почитаніемъ ужей, въ которыхъ, какъ должно предполагать, Литовцы видѣли этихъ духовъ. Почитаніе змѣй сохранялось въ силѣ въ XVI вѣкѣ и слѣды его остаются до сихъ поръ. Домашній ужъ былъ геній-покровитель дома, обижать его было опасно; напротивъ, хозяинъ кормилъ его, накрывалъ ему особо столъ и подавалъ

кушанья: если ужъ ѣлъ, это считалось добрымъ знакомъ. Почитаніе домашнихъ ужей перешло и къ Кривичамъ и сохраннется до сихъ поръ въ народныхъ обычаяхъ Бѣлоруссовъ. Кладбища соблюдалъ Криктосъ—богъ могилъ. Велона была богиня душъ усопшихъ людей.

Изъ злыхъ существъ признавали адскаго бога, который у Пруссовъ назывался Поклюсъ, иначе Пикульсъ, называемый богомъ гнѣва, у Бродовскаго онъ названъ Муссу-Биркибсъ съ объясненіемъ, что это Веельзевулъ. Дребкуллисъ, божество подземное, потрясающее землю, можетъ быть не иное что, какъ синонимъ Поклюса. Гильтине была богиня язвы и всеобщай погибели. Кажется, однознаменательно съ нею имя Магила, что означаетъ фурію, карающую грѣшниковъ,

Какъ обыкновенно во всѣхъ миѳологіяхъ, и въ литовской милость и помощь боговъ пріобрѣталась жертвами, которыя состояли въ растеніяхъ и въ животныхъ. Большею частію приносили въ жертву козловъ, быковъ и куръ. Земеннку приносили черныхъ куръ, Гульбидевосу и Дидисъ-Ладу—бѣлыхъ пѣтуховъ, другимъ богамъ куръ разныхъ перьевъ, Свѣчпаукстинису не приносили жертвъ вовсе, Бибчю-Бобелису приносили медъ, который жертвоприноситель держалъ въ чашѣ и, произнеся обычныя молитвы, ударялъ чашею о печь. Сеимидевосу бросали курицу въ огонь и не вынимали, пока она совершенно не сгорала. Козлиное жертвоприношеніе было всеобщимъ и повсемѣстнымъ въ литовскомъ народѣ, и вообще козелъ считался животнымъ, котораго судьба особенно связана была съ поклоненіемъ богамъ. Оттого и теперь, по литовскому суевѣрію, бѣсы, въ которыхъ превратились впослѣдствіи низложенные христіанствомъ боги, часто ѣздятъ на козлахъ, а не рѣдко и являются въ видѣ козловъ. Тоже самое и у насъ, у Русскихъ: ибо и у насъ нѣкогда отправлялось приношеніе козловъ въ жертву, какъ это показываетъ ясно обычай *водить козла* на масляницѣ въ Малороссіи и пѣсни, гдѣ описывается какъ вокругъ котла сидятъ добрые молодцы, передъ котломъ стоитъ козелъ и старикъ съ ножемъ готовится его зарѣзать. О существованіи человѣческихъ жертвъ говорятъ лѣтописцы: люди больные и увѣчные, которымъ жизнь надоѣдала, приносили себя въ сожженіе божествамъ; отцы приносили въ жертву богамъ больныхъ дѣтей. Такимъ образомъ жертвовали жизнію человѣка не тогда, когда она была дорога, а тогда, когда становилась не нужною и тягостною. Во время борьбы съ крестоносцами, приносили христіанскихъ плѣнниковъ, умерщвляли и мучили передъ истуканами, но это, кажется, было выраженіемъ мести, а не жертва. Въ Пруссіи сохранилось преданіе,

что во времена борьбы съ крестоносцами, когда Пруссы то принимали по неволѣ крещеніе, то возвращались къ своему идолопоклонству, жрецы объявили, что старые боги, для очищенія своихъ поклонниковъ отъ грѣха, въ который они впали согласіемъ креститься, потребовали, чтобы матери убивали новорожденныхъ дѣтей съ священнодѣйственными обрядами.

Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ миѳологическія начала у Литовцевъ облеклись въ стройную систему; сами собою возникали и утвердились въ народѣ правила и такъ образовалось жреческое сословіе, признакъ созрѣвшей языческой цивилизаціи. Въ Прусской сторонѣ былъ городъ Ромове: все литовское племя благоговѣло при этомъ названіи; тамъ обиталъ верховный жрецъ—Криве, имѣвшій первосвященническое достоинство надъ всею страною, гдѣ только господствовалъ языкъ литовскаго племени. Этаго мало: въ глубокой древности Эсты и Ливы, народы чудскіе, признавали благословеніе великаго Криве (Криве-Кривейто) и часть нашихъ Славянъ, Кривичи, предки нынѣшнихъ Бѣлоруссовъ, причислялись къ его патріаршеской діоцезѣ. Онъ избирался изъ среды главныхъ жрецовъ на всю жизнь и не могъ оставить своего сана и должности иначе, какъ обрекая себя сожженію на кострѣ изъ священныхъ деревъ; преданіе считало двадцать одного Криве такимъ образомъ окончившихъ свое призваніе. Его особа обставлялась чрезвычайною таинственностію,онъ показывался народу рѣдко, и въ отдаленныхъ краяхъ, гдѣ его не доводилось лицезрѣть, вѣрили, что Криве не умираетъ, а всегда одинъ и тотъ же (Поляки также думали о папѣ). Жрецы назывались Вайделотами. Это слово могло происходить отъ прусскаго *вайдлитъ*, что значитъ видѣть; а Крашевскій производитъ его отъ слова veidas—изображеніе и lytu—касаюсь, а вайделотъ, правильнѣе вейдалотъ, значитъ прикасающійся къ изображеніямъ боговъ. Кажется, слово вайделоты означало вообще лицъ жреческаго сословія, самые высшіе изъ нихъ — подобіе кардиналовъ, избиравшіе Криве, назывались Кривиты, другіе звались Сиггоны и жили въ окрестностяхъ Ромове, слово Сиггоны означало—раздаватели богослуженія, ниже ихъ были Вуршкайты, обязанные устраивать богослуженія. Подъ этимъ именемъ извѣстны были знахари, которые указывали, что по такому или другому случаю нужно приносить ту или иную жертву съ наблюденіемъ тѣхъ или другихъ обрядовъ. Чрезвычайное множество духовныхъ лицъ жило въ селахъ и деревняхъ, по всюду съ различными названіями, напоминающими, по своему разнообразію и примѣненію къ извѣстному роду духовныхъ занятій, католическіе ордена; таковы Сваль-

соны—знахари, наблюдавшіе надъ свадьбами и устроивавшіе свадебные обряды, таковы Туллиссоны и Лигатоны, заботившіеся о больныхъ и о погребеніи умершихъ; было нѣсколько орденовъ гадателей: Путтоны, отгадывавшіе будущее по морской пѣнѣ, Вейоны—по вѣтру, Буртоны—по брошеннымъ жеребьямъ, Сваконы—по пламени, Сайтоны, суровые подвижники, творившіе надъ собою всякія истязанія, чтобы умилостивить боговъ; были и женщины пророчицы и гадальщицы, называемыя вообще вайделотками. Въ довершеніе подобія съ католическимъміромъ, жрецы соблюдали безбрачіе. Установленіе Криве произошло въ недосягаемой древности. Существованіе слова Кривичи въ IX вѣкѣ указываетъ, что когда то власть этаго литовскаго папы была въ большой силѣ и простиралась на отдаленные и чуждые народы. Въ житіи св. Войцеха [1]) говорится, что жрецы Криве составили заговоръ умертвить святаго мужа за его ревность въ распространеніи истинной вѣры. Слѣдовательно въ концѣ X вѣка и въ началѣXI жреческое сословіе было вполнѣ организовано. Святость мѣста Ромова въ народѣ поддерживалось уваженіемъ къ неугасимому огню; огонь этотъ не прекращался ни на минуту при неусыпномъ надзорѣ и стараньи жрецовъ и поддерживался дубовыми деревьями изъ освященной рощи. Когда Пруссы были завоеваны крестоносцами, въ Литвѣ образовался отдѣльный священный центръ; явился свой особый великій Криве и священный огонь, называемый Зничь. Въ послѣднія времена онъ горѣлъ въ храмѣ, построенномъ въ Вильнѣ, и былъ погашенъ съ принятіемъ крещенія. Почитаніе огня было самымъ распространеннымъ, самымъ крѣпкимъ вѣрованіемъ и слѣды его сохраняются во множествѣ народныхъ суевѣрій доснхъ-поръ. Не только въ мѣстахъ, опредѣленныхъ для богослуженія, но въ каждой избѣ былъ священный огонь, поддерживаемый какъ охранительный талисманъ отъ всякихъ бѣдъ. При такомъ глубокомъ уваженіи къ огню не мудрено, что въ Прусско-литовской странѣ составилась легенда о св. Бонифаціи: Литовцы ничѣмъ лучше не нашлись испытать истины проповѣди св. Бонифація, какъ предложить ему, чтобъ онъ въ доказательство святости своей вѣры прошелся по огню.

Во время язычества, у Литовскихъ народовъ было нѣсколько годовыхъ праздниковъ: остатки ихъ сохранялись живо еще

---

1) Св. Войцехъ иначе Св. Адальбертъ, епископъ Пражскій (+997), отправился къ язычникамъ Пруссамъ, желая обратить ихъ въ христіанство, но поплатился жизнію за свою апостольскую ревность.

въ XVI вѣкѣ. Такъ, по собраніи жатвы, въ Литвѣ отправлялся праздникъ, на подобіе того, какой до сихъ поръ устраивается въ Бѣлоруссіи и Малороссіи подъ названіемъ дожинокъ, или обжинокъ. Собиралась семья, женщины готовили купанья, пекли хлѣбъ; разставлялись столы и покрывались сѣномъ; на сѣнѣ, накрывши его, сверху клали хлѣбъ и ставили два горшка пива; потомъ брали по одному или по нѣскольку разныхъ домашнихъ животныхъ обоего пола, какъ-то: поросятъ, гусей, куръ, телятъ и проч., и убивали. Вуршкайтесъ произносилъ надъ ними священныя слова и ударялъ по нимъ тросточкой; вся толпа пировавшихъ дѣлала вслѣдъ за нимъ тоже. Говорилось такъ: «Вотъ тебѣ, Земенникъ, боже, приносимъ въ благодарность за то, что прошлый годъ ты насъ охранялъ и всякаго добра намъ подавалъ, и впередъ тоже дѣлай, просимъ тебя!» Во время пиршества, каждый изъ участниковъ, поѣвши, накалывалъ на вилку куски и бросалъ во всѣ углы дома. «Прими, Земенникъ,» произносилось при такомъ обрядѣ,—«благодушествуй и кушай на веселье!» Этотъ праздникъ впослѣдствіи начали праздновать въ день всѣхъ святыхъ (1-го Ноября), но онъ удержалъ свое прежнее названіе *ильги* (можетъ быть алга отъ alga—награда, благодарность). На третій день послѣ ильги, дѣвицы соблюдали обрядъ, долженствовавшій быть одною изъ главныхъ принадлежностей древняго праздника. Большая ростомъ дѣвушка набирала себѣ за пазуху пироговъ, становилась на скамью одной ногою, а лѣвую руку поднимала вверхъ, держа въ ней полосу вязоваго или липоваго лыка, изъ котораго плели себѣ Литовцы обыкновенно лапти. Она призывала бога Вайсганта: «Вайсгайнтосъ девайте! возрасти намъ такой длинный ленъ, какъ я длинна теперь, чтобы мы голыя не ходили». Потомъ она выпивала пива изъ чаши и выбрасывала изъ пазухи пироги, думая, что приноситъ ихъ такимъ образомъ въ жертву Вайсганту. Если, стоя на скамьѣ одной ногою, она не пошатнется, это считалось предзнаменованіемъ хорошаго урожая льна на будущій годъ; противное считалось неблагопріятною примѣтою. Въ этотъ же самый день совершалось торжество угощенія мертвыхъ: оно происходило въ пустой банѣ; тамъ ставили пищу и питье, уставляли около стола скамьи, покрывали ихъ, клали на нихъ одежды и бѣлье и, совершивши призываніе мертвыхъ, выходили изъ бани. Три дня не слѣдовало туда входить, думали, что въ это время мертвецы выходятъ изъ могилъ, являются въ баню, наѣдятся и напьются, и уйдутъ къ себѣ въ свои могилы. Увѣряли, что подземные гости оставляли даже знакъ рукою.

У Литовцевъ, какъ у Славянъ, весна имѣетъ праздничное

значеніе, такъ что у поселянъ существовалъ длинный праздникъ, хотя прерываемый каждодневными работами, но чествуемый хороводами, играми и гуляньями. Это праздникъ Лада, по извѣстію Стрыйковскаго, продолжавшійся весною до 24 Іюня; впослѣдствіи, по принятіи христіанства, весеннее праздничное торжество начинало совершаться со дня св. Юрія. Это былъ древній языческій праздникъ въ честь Перкрубіаса. Быть можетъ это другое названіе одного и того же весенняго бога, извѣстнаго подъ именемъ Ладо, а можетъ быть это былъ другой геній;—собственно Перкрубіасъ означалъ произрастателя травы изъ земли и листьевъ изъ почекъ древесныхъ. Вуршкайтесъ держалъ въ правой рукѣ чашу съ пивомъ и при зывалъ бога: «О Перкрубіасъ! ты прогоняешь зиму, приводишь къ намъ пріятную весну, ты даешь цвѣтъ полямъ и садамъ, зелень рощамъ и лѣсамъ.» Потомъ онъ бралъ чашу съ пивомъ зубами, и, не прикасаясь къ ней руками, выпивалъ пиво, а пустую чашу бросалъ назадъ черезъ голову, ее подхватывали, онъ наливалъ ее снова; всѣ такимъ образомъ пили пиво по очереди въ честь Перкрубіаса. Стрыйковскій говоритъ, что тогда обращались не къ одному Перкрубіусу, но и къ другимъ божествамъ, и просили ихъ благопріятствовать людямъ въ предстоящее лѣто. Обращаются къ Перкунасу и просятъ, чтобъ онъ укротилъ громы, молніи и грады; обращаются къ Свaистиксу и просятъ, чтобъ свѣтилъ на нивы, луга, травы и цвѣты;—къ Пильвиту, чтобъ допустилъ во время сжать и убрать хлѣбъ на полѣ, и такимъ образомъ обращаются къ разнымъ богамъ и просятъ каждаго оказать съ своей стороны зависящее отъ нихъ благодѣяніе. Тогда приносился священный козелъ съ обычными обрядами жертвоприношенія. Вуршкайтесъ при этомъ долженъ быть непремѣнно въ зеленомъ вѣнкѣ на головѣ; подпоясавшись ручникомъ, онъ возлагалъ на козла руки, призывалъ благодать боговъ и, обращаясь къ прихожанамъ, восклицалъ: «мы собрались творить достославное дѣло, заповѣданное отцами нашими, чтобъ умолить нашихъ великихъ боговъ.» Козла съ торжествомъ поднимали вверхъ; трижды обходилъ около него Вуршкайтесъ съ ножемъ и потомъ закалалъ; кровь выпускалась въ кувшинъ или мису; Вуршкайтесъ черпалъ ее маленькимъ ковшикомъ и окроплялъ ею около стоявшихъ, прихожане разбирали ее себѣ въ сосуды и освящали дома и скотъ. Козлиное мясо варилось съ обрядами, описанными выше. Во время вкушенія священной козлятины играли на длинныхъ трубахъ и пѣли пѣсни. Такъ праздновали литовскіе поселяне цѣлую ночь до свѣта, а чего не успѣвали съѣдать, то относили на распутіе и зарывали въ землю, наблю-

дая, чтобъ ни звѣрь, ни собака не могли выкопать зарытое изъ подъ земли. День, когда Литовцы выѣзжали пахать въ первый разъ при началѣ весны, былъ праздничнымъ днемъ, и первая борозда считалась священною во весь годъ до уборки хлѣба: хозяинъ боялся черезъ нее перешагнуть. Купальскій праздникъ существовалъ у Литовцевъ: хоть до насъ не дошли древніе его обряды, но несомнѣнно, что онъ въ главныхъ чертахъ былъ сходенъ съ славянскимъ и совершался въ одно и тоже время. Впослѣдствіи, уже по принятіи крещенія, на канунѣ Рождества Предтечи всю ночь горѣли костры и на другой день черезъ пепелъ ихъ проводили скотъ для очищенія. Существовалъ особый праздникъ въ честь Пурсхайтеса съ его маленькими парстуками и маркопетами. Праздникъ этотъ отправлялся лѣтомъ. Приносили на гумно въ ригу хлѣба, вареная и печена́го мяса, сыра и масла и приглашали всю пурсхайтову челядь ужинать. Двери риги затворялись. На другое утро приходилъ туда хозяинъ, замѣчалъ, что осталось кушаньевъ меньше чѣмъ прежде было, и былъ увѣренъ, что это съѣли парстуки. У кого меньше, чѣмъ у другихъ, оставалось пищи, предложенной божкамъ, тотъ радовался и говорилъ, что парстуки лучше любятъ его, чѣмъ его сосѣдей; слѣдовало замѣчать, какой пищи оставалось меньше: это значило, что парстуки любятъ ее больше другой; и на другой годъ гостепріимный хозяинъ распоряжался, чтобъ угостить ихъ любимымъ кушаньемъ. Въ хроникѣ Луки Давида есть любопытный разсказъ о томъ, какъ одна женщина долгое время обманывала такимъ образомъ и своихъ семейныхъ и цѣлый околодокъ; всѣ были увѣрены, что въ запертой кругомъ ригѣ кушали парстуки; впослѣдствіи оказалось, что такъ проказила мать семейства. Вѣра въ парстуковъ была укоренена у Литовцевъ чрезвычайно крѣпко и сохраняется до сихъ поръ, какъ вѣра въ домовыхъ у нашихъ мужиковъ. Вѣрили, что парстуки, любя своего хозяина, крадутъ хлѣбъ въ чужихъ житницахъ и переносятъ въ свои. Опасались чѣмъ нибудь оскорбить ихъ; особенно никто не смѣлъ бросить какую нибудь нечистоту въ сиреневые кусты: разсказывали о многихъ примѣрныхъ наказаніяхъ по этому поводу; между прочимъ парстуки наказывали непочтительныхъ къ себѣ параличемъ и слѣпотою. Одна женщина оставалась дома безъ мужа. Ей не спалось; мѣсяцъ свѣтилъ въ окно. Вдругъ видитъ она: въ избу ея маленькіе человѣчки съ маленькими дѣвочками входятъ и начинаютъ вести хороводъ. Женщина смотритъ на нихъ съ удивленіемъ и любопытствомъ. «Затвори окна!» сказалъ ей одинъ

парстукъ. Она не поняла и продолжала смотрѣть на нихъ. «Затвори окна!» сказалъ ей въ другой разъ духъ. Она можетъ быть и поняла, да не послушалась. Тогда парстукъ дунулъ ей въ глаза, и бѣдная ослѣпла на всегда.

Съ младенцами наблюдался обычай въ языческомъ быту, равносильный крещенію въ христіанствѣ. Чрезъ нѣсколько недѣль послѣ рожденія дитяти, приглашали въ домъ женщину—знахарку. Ставили на столъ мису съ пивомъ, бросали туда деньги и накрывали платкомъ. Держа надъ этимъ платкомъ голову дитяти, остригали на ней волосы. Эти волосы зарывали въ землю подъ хмѣлевой тычинкой съ приговоромъ: «какъ хмѣль вверхъ растетъ и вьется, такъ чтобъ волосы росли и вились у дитяти; или: «какъ хмѣль около тычины вьется, такъ чтобъ дитя увивалось отъ всякой бѣды напасти!» Думали, что черезъ это дитя спасается въ жизни отъ всякихъ напастей. Вотъ начало княжескихъ постригъ у насъ!

Свадебные обряды у Литовцевъ во время язычества представляютъ чрезвычайное сходство съ славянскими. Въ языческую старину дѣвицы выходили въ хороводы и тамъ молодцы похищали ихъ—умыкали, какъ выражались языческіе Славяне. Потомъ уже похититель начиналъ сватовство, примирялся съ родителями невѣсты и платилъ за невѣсту, какъ бы покупалъ ее; и тогда уже происходили священные свадебные обряды—обычай, общій всѣмъ финнскимъ народамъ, бывшій и у Славянъ, и наблюдаемый теперь у Черкесъ. Весь процессъ языческаго бракосочетанія состоялъ въ привозѣ невѣсты изъ отеческаго дома въ домъ жениховъ и нѣкоторыя церемоніи въ послѣднемъ. Наканунѣ брачнаго дня отправлялся, какъ и у Славянъ, дѣвичь—вечеръ; подруги собирались къ невѣстѣ, пѣли ей пѣсни; а она оплакивала свое дѣвство и прощалась со всею обстановкою дѣвической жизни. «О гуе, гуе, гуе, мой милый святой огонь, кто будетъ тебѣ дрова носить, чтобъ батюшку и матушку на старости согрѣвать! Кто имъ ноги помоетъ! Кто огня подастъ! Мои милыя собачки, мои милыя курочки, кто теперь будетъ васъ кормить!» Въ то время, когда она обращалась къ огню, подруги подводили ее къ печкѣ и вторили ей заунывными пѣснями. Въ день брака женихъ присылалъ за невѣстою сватовъ съ колясою. Ее провожали съ пѣснями и плачемъ. Когда невѣста приближалась къ женихову дому, на встрѣчу ей выбѣгалъ дружка, въ одной рукѣ держа зажженную головню, въ другой чашу съ пивомъ; три раза онъ долженъ былъ обѣжать невѣстину колясу и закричать громко: какъ ты у отца—матери огонь берегла, такъ и въ домѣ мужниномъ береги! Съ этими словами онъ подавалъ невѣстѣ чашу съ пивомъ.

Всѣ жениховы домашніе должны были кричать: келевесе періоте! келевесе періоте! т. е. возница ѣдетъ! возница ѣдетъ! Сидѣвшій на колясѣ съ невѣстой долженъ былъ сколько — возможно скорѣе вбѣжать въ избу и сѣсть на сѣдалище, покрытое нарядным плащомъ; за свою ловкость онъ получалъ этотъ плащъ въ подарокъ, а если онъ не успѣвалъ занять мѣсто, то его выгоняли изъ избы кулаками; невѣсту вводили въ женихову избу и тутъ начиналась брачная церемонія; она состояла въ слѣдующемъ: невѣсту подводили къ печи, по другимъ извѣстіямъ трижды обводили около зажженаго на очагѣ огня, потомъ сажали ее на приготовленное мѣсто и мыли ей водой ноги; этой водой кропили всѣ стѣны избы, домашнюю утварь и скотъ на дворѣ и въ загонахъ. Потомъ невѣстѣ намазывали губы медомъ, завязывали глаза платкомъ и подводили ко всѣмъ дверямъ домашней постройки, какъ въ жилыхъ, такъ и надворныхъ строеніяхъ и загородахъ; двери были затворены; когда невѣста такимъ образомъ приближалась къ двери, ей говорили: Троцке! троцке! (отвори). Она толкала ногой—двери отворялись; въ это самое время изъ мѣшка, который носили за ней, осыпали ее разнымъ зерномъ: пшеницею, рожью, бобами, ячменемъ, горохомъ и макомъ. При этомъ ей проговаривалось нравоученіе, что она ни въ чемъ не будетъ имѣть недостатка, если будетъ благочестива, почтительна къ богамъ и прилежна къ хозяйству. Эти обычаи означали вводъ новой хозяйки въ управленіе домомъ, а осыпанье означаетъ изобиліе, котораго желаютъ новобрачной четѣ. Когда такимъ образомъ молодую хозяйку обводили всюду во дворѣ, тогда снимали съ глазъ платокъ и начинался свадебный пиръ.—По окончаніи его, вечеромъ, невѣстѣ обрѣзывали волосы, снимали съ нея вѣнокъ (рутяной, какъ говорятъ народныя пѣсни) и надѣвали вмѣсто его платокъ или шапочку, повязанную сверху платкомъ; этотъ уборъ она носила до рожденія сына. Въ то время около нея плясали и пѣли пѣсни.

При погребеніи наблюдались такіе обряды: мертвеца обмывали теплою водою; у Пруссовъ одѣвали въ бѣлое одѣяніе, а у Литовцевъ въ обыкновенное платье и обували въ сапоги и сажали на сѣдалищѣ. Всѣ садились. Каждый по очереди долженъ былъ съ чашею пива подходить къ трупу, кланятся ему и пить, говоря: «другъ я пью за тебя!» Потомъ начинался плачь и причеты: «Галелеле! Галелеле! Зачѣмъ ты умеръ! Али у тебя не было чего ѣсть—пить? Зачѣмъ ты умеръ? Галелеле! Али у тебя не было красной женушки? Зачѣмъ же ты умеръ?» Перечисляли всякіе предметы хозяйства, все, чѣмъ обладалъ покойникъ: и овцы, и гуси, и утки, и куры, и лошади; все это у

тебя было! Вопили въ заключеніе: «Зачѣмъ же ты умеръ! Зачѣмъ же ты умеръ!» Достойно замѣчанія, что точно такіе жъ причеты сопровождали погребеніе у Великоруссовъ. По окончаніи плача всѣ прощались съ трупомъ и подносили ему подарки; женскому—нитки съ иглой, мужскому—убрусъ, который обвертывали ему около шеи и привѣшивали къ нему мечъ. При этомъ желали, чтобъ умершій на томъ свѣтѣ увидѣлъ своихъ родныхъ и пріятелей. По извѣстіямъ прусскихъ лѣтописцевъ, тѣла сожигались, пепелъ собирали въ горшки и ставили при дорогахъ, на поляхъ и въ лѣсахъ; такъ и по принятіи христіанства, по всюду встрѣчались такіе сосуды; точно тоже, какъ извѣстно, было у Радимичей и Вятичей во времена язычества. Но погребали эти сосуды и въ землѣ. И теперь еще въ сторонѣ, заселенной въ древности литовскимъ племенемъ, находятъ такіе сосуды подъ землею. Потомки тѣхъ, чей пепелъ сохраняется въ этихъ сосудахъ, составляютъ себѣ разныя самыя причудливыя мнѣнія о такихъ находкахъ. Одни говорятъ, что эти сосуды дѣлали и употребляли подземные парстуки, которые нѣкогда во времена языческаго мрака жили тамъ, обольщая людей, другіе толкуютъ, что мать—земля бываетъ беременна весною и производитъ на свѣтъ эти сосуды, что если въ нихъ налить молока, то собрется изъ него въ большомъ обилін превосходное масло. Болѣе смышленые считаютъ, что эти сосуды нѣкогда ставили въ землю съ умершими, чтобъ мертвецы ими пользовались. Умершихъ кунигасовъ (князей) и супановъ (господъ) сожигали вмѣстѣ съ лошадью и лучшею охотничьею собакою, чтобъ было на чемъ мертвецу ѣздить верхомъ и чѣмъ забавляться. Но кажется было въ обычаѣ хоронить и не сожигая, какъ это показываютъ явно языческіе обряды, удержавшіеся при погребеніи въ XVI вѣкѣ. Трупъ везли на телѣгѣ въ могилу, нѣсколько всадниковъ скакали за погребальной телѣгою; они махали мечами и отгоняли злыхъ духовъ, крича: «Гейгете, бегайте пекели! Бѣгите демоны въ пекло?» Хороня мертваго, клали съ нимъ монеты для издержекъ на путешествіе въ будущую жизнь; клали хлѣбъ и ставили коновку съ пивомъ и горшокъ съ медомъ въ головахъ у трупа, чтобъ душа могла покушать, если захочетъ, и зарывали разныя принадлежности домашняго быта; женщину иногда всю обматывали пряжей, чтобъ было чѣмъ въ гробѣ заняться отъ скуки. Жена умершаго должна была впродолженіе тридцати дней проводить время на гробѣ при восходѣ и закатѣ солнца и плакать. Принявши христіанство, Литовцы праздновали поминки въ третій, шестой, девятый и сороковой день и сопровождали свои пиршества языческими обычаями. Тогда при-

глашали души умершихъ невидимо пировать вмѣстѣ съ живыми ихъ родственниками и пріятелями. Когда это приглашеніе говорилось, то слѣдовало всѣмъ стоять у дверей, какъ будто для пріема входящихъ въ избу. Послѣ приглашенія садились за столъ и не смѣли произносить ни одного слова. За этими пиршествами ножей вовсе не употребляли и не клали на столъ; обѣдая, бросали подъ столъ куски и думали, что это достается душамъ, а когда пили пиво, то также плескали имъ подъ столъ; если что нибудь случайно упадало на землю, то не поднимали, а говорили, что это достается на долю тѣхъ сиротствующихъ душъ, у которыхъ нѣтъ родни на свѣтѣ и некому ихъ помнить. Окончивши поминальное пиршество, знахарь выметалъ изъ избы метлою души умершихъ, говоря: «ѣли, пили, душечки, ну, ступайте теперь вонъ!» Послѣ того всѣ пирующіе начинали веселиться, разговаривали о житейскомъ, шутили и цѣловались другъ съ другомъ.

Язычники Литовцы вѣрили въ безсмертіе и воображали себѣ будущую жизнь продолженіемъ настоящей. Они вѣрили, что какимъ былъ кто нибудь здѣсь на землѣ, то есть, богатъ или бѣденъ, рабъ или господинъ, таковъ будетъ онъ и въ будущей жизни. По извѣстію Петра Дюпсбургскаго у нихъ было вѣрованіе въ воскресеніе мертвыхъ съ тѣлами, и когда хоронили съ мертвецами лошадей, собакъ и даже живыхъ слугъ и служанокъ, то думали, что все это воскреснетъ съ ними вмѣстѣ. Трудно рѣшить, какъ воображали себѣ они воскресеніе: въ будущее время, долженствующее наступить для всѣхъ разомъ, или тотчасъ по смерти для каждаго въ отдѣльности. Болѣе вѣроятія, что они признавали послѣднее. Криве-обладалъ искусствомъ вызывать умершихъ и зналъ ихъ состояніе послѣ смерти. Родственники покойника приходили къ нему и просили разсказать о житьѣ-бытьѣ близкихъ имъ на томъ свѣтѣ, и Криве имъ разсказывалъ, какъ души летаютъ около своего дома въ своемъ платьѣ съ копьемъ, верхомъ на лошади, со всѣми принадлежностями прежней жизни, и всѣ вѣрили и дивились его премудрости. Впрочемъ существовало вѣрованіе, что души умершихъ являются въ образѣ совершенно не свойственномъ тому, какой имѣли при жизни. Въ 1279 году замучены были крестоносцами два упорные язычника: одинъ изъ нихъ былъ разорванъ, будучи привязанъ къ лошади, другой къ дереву. Душа перваго лѣтала въ видѣ дѣвицы, сидящей верхомъ на конѣ, душа другаго въ видѣ птички. До сихъ поръ Литвины вѣрятъ, что мертвецы летаютъ по воздуху другъ къ другу на свиданіе отъ кладбища къ кладбищу. Говорятъ, если построить домъ на томъ пути, куда обыкновенно привыкли летать мертвецы, то

въ этомъ домѣ невозможно спать; домъ скоро разрушится или по крайней мѣрѣ вѣтеръ будетъ срывать съ него кровлю. Тотъ, кто родился въ ночь подъ воскресный день, можетъ видѣть полетъ мертвецовъ. Неизвѣстно, существовало ли въ язычествѣ вѣрованіе о злыхъ мертвецахъ, которые появляются изъ загробнаго міра для того, чтобъ вредить живымъ, и притомъ вредить не испугомъ, а матеріально. Въ настоящее время существуетъ у нихъ, такъ и у Германцевъ, вѣрованіе о вампирахъ. Представленіе мертвеца верхомъ,—кажется, характеристическое литовское суевѣріе, и по видимому во всѣхъ случаяхъ, гдѣ по литовскимъ вѣрованіямъ являются верхомъ духи,—подъ этими духами разумѣлись первоначально умершіе. Это согласно съ извѣстнымъ видѣніемъ, происходившимъ, по словамъ нашей лѣтописи въ Полоцкѣ, въ 1092 году, когда бѣсы рыскали по улицамъ и поражали всякаго, кто выходилъ неосторожно изъ дома. Но ихъ назвали бѣсами въ Кіевѣ, по незнанію подробностей смысла этаго вѣрованія. Самъ лѣтописецъ прибавляетъ, что въ его время говорили, что мертвецы бьютъ Полочанъ (навье бьютъ Полочаны). Какъ бы то ни было, но это вѣрованіе явилось въ Полоцкѣ изъ литовскаго міра, ибо у Славянъ ни бѣсы, ни мертвецы не появляются верхомъ на конѣ. Поразительное сходство съ полоцкимъ событіемъ представляетъ разсказъ подъ 1440, записанный у Грюнау. Въ Торнѣ по улицамъ разъѣзжали верхомъ бѣсы на маслянницѣ и дѣлали людямъ пакости, но одинъ храбрецъ убилъ такого рыцаря. Убійцу стали судить, но поднявъ убитаго, увидали что вмѣсто лица у него была маска, а подъ нею вонючая зола. До сихъ поръ въ Литвѣ существуетъ много разсказовъ, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходили нѣкогда извѣстныя побоища, въ нынѣшнее время появляются всадники, выходящіе съ конями изъ вѣковыхъ могилъ своихъ. Въ старину вѣроятно такіе безтѣлесные витязи помогали живымъ противъ живыхъ. Когда въ 1088 году Болеславъ, польскій король, осаждалъ прусско-литовскій городъ Накель, нѣсколько ночей сряду появлялось съ противной осажденному городу стороны войско, какъ будто намѣреваясь напасть на осаждающихъ, но нападенія не было. Поляки рѣшились наконецъ напасть на этихъ странныхъ враговъ сами, но только что выступили противъ нихъ, какъ они поднялись на воздухъ и исчезли, а тѣмъ временемъ живые непріятели сдѣлали вылазку, зажгли польскій лагерь и принудили Поляковъ снять осаду.

Литовцы издавна занимались земледѣліемъ, вообще жили мирною, деревенскою жизнію и почти не имѣли качествъ воинственности. Только жившіе при морѣ Руссы и Пруссы, рас-

ширили болѣе кругъ своей жизни. Земледѣліе, однако, не было у Литовцевъ на высокой степени; даже долго послѣ принятія христіанства они употребляли деревянные лемеши вмѣсто желѣзныхъ и держались этаго обычая по древнему суевѣрному уваженію къ дереву: это былъ остатокъ языческаго древопоклоненія. Они разводили много скота, очень хорошаго и крупнаго; молоко было ихъ любимымъ лакомствомъ. Ихъ лошади были малорослыя, но чрезвычайно крѣпія и терпѣливыя.

Издавна они умѣли приготовлять пиво и медъ для питья съ примѣсью хмѣля. Пиво они пили молодое и считали достаточно вкуснымъ, когда оно отстоится въ теченіи нѣсколькихъ дней. Знатные на своихъ пирушкахъ пили изъ буйволовыхъ роговъ, простые—изъ деревянныхъ сосудовъ. Простой воздержный образъ жизни дозволялъ имъ доживать безболѣзненно лѣтъ до ста и болѣе. Женщины литовскія отличались вѣрностію къ мужьямъ, рачительностію въ хозяйствѣ и трудолюбіемъ, занимались пряжею и тканьемъ полотенъ, которыя составляли обычную лѣтнюю одежду обоего пола. Мужчины носили штаны; а на ногахъ, какъ у мужчинъ такъ и у женщинъ, обувью были лапти. Зимою одѣвались въ овчинные кожухи, покрытые полотномъ, штаны носили кожаные. Грубое сукно на одеждѣ считалось признакомъ зажиточности. Дѣвушки носили при поясѣ колокольчики, которые своимъ звукомъ подавали возможность родителямъ слѣдить за ними; на головѣ дѣвушки носили вѣнокъ или повязку, замужніе шапочку.

Литовцы селились не большими селами, а маленькими, уединенными деревушками и этимъ, кажется, отличались отъ Славянъ, которые, напротивъ, любили общительность. При дворахъ были у нихъ огороды съ разною съѣдомою зеленью и кореньями: рѣпа была обыкновеннымъ, необходимымъ растеніемъ. Изба Литовца дѣлалась съ узкою деревянною трубою для выпуска дыма, и крылась соломою или корою: близь нея строился загонъ для скотины. Матеріалами въ постройкѣ хаты литвина служили бревна, очищенныя отъ коры; каждое бревно имѣло вырѣзку, выемку, входившую въ выпуклость другаго,—въ промежуткахъ для большаго тепла клался мохъ. Бревна не упирались въ столбы, но по угламъ связывались; такъ какъ не было трубъ надъ огнищемъ, то вся внутренность избы была закопчена дымомъ, который выходилъ или черезъ двери и крышу, или искалъ выхода чрезъ узкія отверстія въ стѣнѣ, служившія также и окнами; онѣ были иногда закрыты звѣриной кожицей вмѣсто стеколъ. При всемъ томъ въ избѣ было дымно. Впрочемъ для выпуска дыма отъ лучины, освѣщавшей хату, существовала труба изъ луба облѣпленная глиной; объ

этомъ упоминаетъ и Гваньинъ [1]), который такъ говоритъ о жилищахъ Жмуди. «Простой людъ живетъ въ хатахъ малыхъ, низкихъ и продолговатыхъ; въ нихъ утромъ и вечеромъ горитъ на верху огонь: по серединѣ избы виситъ отъ потолка труба, сдѣланная изъ луба обложеннаго глиной, подъ ней вѣшается желѣзо въ видѣ рѣшетки, въ немъ горитъ постоянно лучина; подъ рѣшеткой ставится корытко съ водой, куда падаютъ уголья сверху.» Такой способъ постройки хижинъ остался и до нашего времени. Нельзя не упомянуть и о «Нумахъ,» бывшихъ вѣроятно самыми древними жилищами литовскаго племени. Такъ описываетъ ихъ Діонисій Пашкевичъ [2]): «Въ княжествѣ Жмудскомъ,» говоритъ онъ, «во всѣхъ трехъ уѣздахъ его: Россіенскомъ, Шавельскомъ, Тельшевскомъ, особенно же около границъ Курляндіи и Пруссіи нашелъ я нѣсколько тысячъ Нумовъ: это есть строеніе отъ 10—15 саженей длиною, отъ 5—6 шириною, устроенное изъ круглыхъ бревенъ, крыша его утверждена на столбахъ, выстлана сперва эловой корой для безопасности отъ огня, а сверху покрыта соломой. Оконъ нѣтъ или иногда одно, двери съ обоихъ концовъ Нума: изъ нихъ одна не такъ широкая—для выхода людямъ, другая шире—для загонки скота и вывоза навоза; надъ дверьми небольшія окошца, закрываемыя извнутри, для выхода дыма и для свѣта. По серединѣ Нума выкопана для огнища широкая яма, имѣющая форму квадрата или круга, шириной—три или четыре локтя въ разрѣзѣ и локоть глубиною. Тамъ разводится огонь изъ сухихъ дровъ: березовыхъ или ольховыхъ. Края огнища обложены камнями, заступающими мѣсто лавокъ для живущихъ; они, расположившись въ холодное время кругомъ огня, производятъ здѣсь всѣ работы. Но какъ лѣтомъ жарко, и чтобы не было также опасности отъ огня,—вокругъ огнища, отступя 3 или 4 локтя, дѣлается квадратная стѣна изъ бревенъ, досокъ или просто изъ плетня, но не выше какъ въ полтора локтя или уже много въ два, чтобы люди, работающіе и ходящіе кругомъ огня могли видѣть скотъ, который стоитъ кругомъ, близъ стѣнъ строенія; пространство между огнемъ и мѣстомъ, гдѣ стоитъ скотъ, держится въ чистотѣ, чисто метется. Навѣсъ крыши всегда значительно выдается, такъ какъ подъ нимъ складываются хозяйскія орудія: телѣги, сохи, бороны, а иногда приставляются малые трехстѣнные хлѣвки для свиней и домашней птицы; однимъ словомъ въ одномъ Нумѣ часто помѣщалось все хозяйство». Литовецъ не брезговалъ, если телята, поросята и куры по-

---

1) Польскій Историкъ XVI ст.

2) Paszkiewicz—O narodach litewskich. 1829.

сѣщали его избу, и не рѣдко случалось, что свинья или собака вытаскивали мясо изъ горшка, приготовленное для пищи. Хозяинъ ложился у дверей, а хозяйка близъ печи и безпрестанно вставали и посматривали, чтобъ не погасъ огонь, и чтобъ не сдѣлалось пожара; по народному вѣрованію слѣдовало, чтобъ огонь никогда не погасалъ въ избѣ. Люди зажиточные спали на матрацахъ, набитыхъ перьями. Баня у Литовцевъ и Пруссовъ считалась наслажденіемъ также, какъ и у Русскихъ; ей придавали священное значеніе, такъ что язычникъ литовецъ ходилъ въ баню въ честь своихъ боговъ.

Литовцы любили выпить и попировать. Осенью начиналось въ литовскихъ деревняхъ веселое время; зажиточный хозяинъ убивалъ корову или свинью, варилъ пиво и звалъ сосѣдей изъ своей и сосѣдней деревни. Лучшимъ угощеніемъ считалась дичь; молодцы отправлялись въ лѣса, били звѣрей, птицъ и щеголяли на пирахъ своимъ искусствомъ. Какъ и у насъ, считалось у нихъ знакомъ гостепріимства—напоить гостей до пьяна. Тогда пили не только взрослые, но и молодые и дѣвицы. Пиво было у Литовцевъ символомъ дружелюбія и веселости. Къ празднику дѣлали складчины—братчины и, какъ уже выше было сказано, приносили въ жертву козла или быка.

Умственное развитіе племени стояло на дѣтской степени; это было причиною, что Литовцы такъ легко подчинились вліянію славянской образованности. Петръ Дюнсбургскій положительно указываетъ, что у прусско-литовскаго народа не существовало письменъ и понятіе о нихъ было первобытное. Когда Пруссу нужно было помнить о томъ, что слѣдовало сдѣлать черезъ нѣсколько дней, онъ чертилъ на своемъ кожаномъ поясѣ по замѣткѣ каждый день и такимъ образомъ доходилъ до нужнаго числа; когда Пруссы увидѣли письмена, то очень удивлялись процессу передачи мыслей посредствомъ постороннихъ знаковъ: ихъ потѣшала возможность разговаривать съ отсутствующими. Но другія свидѣтельства указываютъ напротивъ, что въ язычествѣ письмена были имъ извѣстны. Въ XVI вѣкѣ, въ хроникѣ Симона Грюнау, бравшемъ свои извѣстія изъ прежнихъ, говорится о томъ, будто на щитѣ и на знамени прусскомъ находились письмена. Странная ихъ фигура приводится въ хроникѣ. Тунманнъ считалъ ихъ достовѣрными и дешифровалъ подпись такъ, что она заключаетъ въ себѣ обращеніе къ богу войну Корсу или Коршу: «Боже Корсъ! Возъярись на опустошителей, сотвори имъ зло!» Байеръ считалъ это поддѣлкою, но ученый Гриммъ признаетъ ея подлинность и находитъ въ ней сходство съ готскими рунами.

Вообще этотъ вопросъ долженъ быть предметомъ болѣе тщательнаго изслѣдованія.

Въ отношеніи гражданскаго и общественнаго строя, въ языческомъ, литовскомъ мірѣ господствуетъ большой мракъ. Въ древности, когда литовское племя жило уединенно, жрецы были вмѣстѣ съ тѣмъ и установители гражданскаго порядка. По мѣрѣ столкновенія съ иноплеменниками возникало отдѣленіе свѣтской власти отъ духовной, и, кромѣ Криве, существовали выборные князья, называемые у Пруссовъ, *Риксами* или *Риками*, а у собственныхъ Литовцевъ *Кунигасами*. Въ народѣ существовало преданіе о какомъ то Видевутѣ, который составилъ для цѣлаго народа законы и положилъ начало порядку, переходив-шему изъ рода въ родъ въ теченіи вѣковъ. Но сказаніе о Видевутѣ, записанное у Луки Давида, какъ выше сказано, требуетъ большой критики, для насъ не возможной при нашихъ средствахъ. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ хроники Петра Дюисбургскаго видно, что у нихъ существовали народныя собранія или вѣча. Въ дѣлахъ, относящихся до важныхъ случаевъ, на эти собранія сходились изъ болѣе или менѣе отдаленныхъ сторонъ и такимъ образомъ собраніе принимало видъ верховнаго собора всей страны. Они происходили у священныхъ мѣстъ. Пользовались ли Рики и Кунигасы правомъ собранія дани неизвѣстно, кажется нѣтъ; но они получали въ вознагражденіе земли, дававшія доходъ. Первоначальное ихъ значеніе ограничивалось предводительствомъ на войнѣ, но когда обстоятельства сдѣлали войну частнымъ явленіемъ, власть ихъ расширилась и дошла до значенія правителей и государей. Частыя перемѣны династій кунигасовъ въ языческой Литвѣ заставляютъ предполагать, что наслѣдственность между ними не была тверда и власть ихъ не доходила еще до самодержавія. Признаки наслѣдственности обозначаются полнѣе уже позже, и можетъ быть заимствованы у Славянъ. Несомнѣнно, что и послѣ отдѣленія свѣтской власти отъ духовной, значеніе послѣдней продолжало переходить за предѣлы собственной сферы — вѣрованія, и вступало въ чисто гражданственную сферу. Въ особенности семейная жизнь и зависящія отъ нея отношенія рѣшались приговоромъ жрецовъ (Криве). Такимъ образомъ Криве были хранители и истолкователи древнихъ обычаевъ, принявшихъ значеніе положительныхъ законовъ. Ихъ вліяніе поддерживало строгую нравственность и жестоко преслѣдовало все, что клонилось къ ея нарушенію.

Войско состояло изъ охотниковъ, оставлявшихъ свои дома ради защиты отечества отъ вторженія непріятеля или ради добычи. Кунигасъ или Рикъ былъ предводителемъ. Но съ усиленіемъ воинственности, пробужденной пришествіемъ крестоносцевъ,

многіе богатые люди набирали себѣ особенныя дружины. Пруссы сражались пѣшіе, Литовцы пѣшіе и конные, Ятвяги вели наѣздническій образъ войны. На войнѣ употребляли луки, копья, мечи, метательные камни и топоры. Луки ихъ были не велики, а большими луками, которые натягивались посредствомъ кольца, они научились владѣть только со времени знакомства съ Нѣмцами. Самое же древнее народное оружіе было дубина съ однимъ толстымъ концомъ. Одежда воиновъ состояла изъ лосьихъ и медвѣжьихъ шкуръ, на головахъ носили большія войлочныя шапки, называемыя неромками. Въ войскахъ ихъ развивались знамена съ изображеніями, напримѣръ, трехъ божествъ, или щита, держимаго тремя конями, или—съ грудным изображеніемъ человѣка съ медвѣжьей головой, или же: на знамени изображали щитъ съ двумя вѣнцами: вверху голубаго, внизу желтаго цвѣта. На литовскихъ знаменахъ изображался бѣгущій всадникъ,—впослѣдствіи *погоня*, знаменитый гербъ великаго княжества Литовскаго. Для возбужденія храбрости играли на трубахъ, сдѣланныхъ изъ буйволовыхъ роговъ. Военная тактика имѣла признаки, общіе всѣмъ вообще народамъ первобытной цивилизаціи: нечаянно напасть на непріятеля, воспользоваться его оплошностью, побѣжать и заманить его за собой въ лѣсъ на засаду, то были обыкновенныя уловки. При осадѣ крѣпостей старались брать верхъ безпрерывными нападеніями, утомляя такимъ образомъ непріятеля, а между тѣмъ и сами окапывались, чтобъ предохраниться отъ непріятельскихъ вылазокъ. Когда въ походъ шли, то везли за собою рядами сани или возы и въ случаѣ нужды дѣлали изъ нихъ подвижное укрѣпленіе, что, какъ извѣстно, было обычною тактикою Украинскихъ казаковъ впослѣдствіи; обычая мазать колеса не было, и оттого, когда шелъ ихъ обозъ, то на большое пространство раздавалась дикая колесная музыка. На случай переправы черезъ рѣку они возили съ собой въ походахъ лодки, сдѣланныя изъ зубровыхъ шкуръ, а за недостаткомъ такихъ лодокъ, переправлялись черезъ рѣки вплавь, держась за хвосты лошадей своихъ, какъ это дѣлали Татары. Съ плѣнниками, особенно съ Нѣмцами, обращались безчеловѣчно, и это показываетъ въ нихъ не воинственный народъ: они считали всякаго-кто съ ними воевалъ, злодѣемъ и разбойникомъ.

Предъ начатіемъ военнаго предпріятія, отправлялось гаданье на человѣческой жертвѣ. Вайделотъ поражалъ обреченнаго на жертву плѣнника ножемъ въ грудь или шею и наблюдалъ по истеченію его крови: удачно или не удачно будетъ грядущее предпріятіе. Если кровь брызгала фонтаномъ, то это былъ хорошій знакъ; если же она струилась медленно—надобно было

страшиться неудачи. По окончаніи войны иногда приносили плѣнниковъ въ жертву, особенно знатнѣйшихъ, прочихъ убивали или обращали въ неволю; вообще взятый въ плѣнъ считался скорѣе вещью, чѣмъ человѣкомъ; но съ Русскими и Поляками они обращались милостивѣе, чѣмъ съ Нѣмцами. По окончаніи войны возвращавшихся съ побѣдою привѣтствовали женщины и дѣвицы, пѣли пѣсни и били въ ладоши, подобный обычай, какъ извѣстно, соблюдался и у Гунновъ при Аттилѣ. Неудача на войнѣ наказывалась выраженіями всеобщаго презрѣнія, а тѣхъ, которые бѣжали съ поля битвы, казнили смертію. У Литвиновъ былъ даже обычай убивать себя въ случаѣ проигрыша сраженія, чтобы не подвергаться поруганію отъ своихъ, и вообще Литовцы-язычники не дорожили слишкомъ жизнію; самоубійство было у нихъ дѣломъ вовсе не предосудительнымъ и не рѣдко жены, потерявъ мужей, падшихъ въ сраженіи, убивали себя. Дюисбургскій лѣтописецъ говоритъ, что Пруссы дѣлили добычу на три части: одна приносилась богамъ на всесожженіе, другая—Криве и жрецамъ, третью дѣлили сами между собою Лука Давидъ говоритъ, что по возвращеніи изъ похода дѣлили добычу на четыре части, и четвертую отдавали тѣмъ, которые оставались дома и защищали отечество отъ вторженія непріятеля. Въ древности въ странѣ не было вовсе твердынь и замковъ; охраненіе жилищъ ограничивалось только выборомъ неприступнаго мѣстоположенія для постройки. Не прежде, какъ литовское племя вошло въ непріязненныя столкновенія съ Русскими, Поляками и, главное, Нѣмцами, Литовцы заимствовали отъ враговъ искусство возводить деревянныя укрѣпленія и окапывать ихъ рвами. Съ приближеніемъ непріятеля поселяне безъ сожалѣнія сжигали свои хижины и скрывались въ лѣса.

Жившіе при Балтійскомъ морѣ, были знакомы съ мореплаваніемъ издавна. По свидѣтельству Адама Бременскаго, прусскія суда плавали изъ Самландіи къ Юлину въ Померанію, къ Гедаби въ Шлезвигъ и въ Швецію, въ гавань Бирку. Адамъ Бременскій говоритъ, что Пруссы, жившіе при морѣ, подавали помощь мореходцамъ, претерпѣвавшимъ кораблекрушеніе и плавали по морю съ цѣлью защищать ихъ отъ пиратовъ. Жертвоприношенія въ честь морскихъ божествъ указываютъ на древнее знакомство съ моремъ. Въ литовскомъ языкѣ сохранились самобытныя, не заимствованныя извнѣ и носящія явную печать старины, названія, относящіяся до мореплаванія. Море съ незапамятныхъ временъ способствовало знакомству литовскаго племени съ произведеніями чужеземной цивилизаціи, находимыми теперь въ прусскихъ и литовскихъ могилахъ. Видно, что прусскія и литовскія женщины въ глубокой древности

украшали себѣ шеи, уши и руки цѣпями, кольцами, серьгами, браслетами, а въ волосы втыкали согнутыя булавки; издавна ходили между ними чужеземныя монеты, служившія также для женскихъ украшеній; римскія монеты не рѣдко попадаются въ землѣ и теперь. Вывозными товарами были: дорогіе мѣха, и янтарь; еще до Р. Х. мореходцы плавали за ними по океану. Послѣднее произведеніе литовскихъ и прусскихъ береговъ шло также и къ нашимъ предкамъ восточнымъ Славянамъ; наше слово янтарь,—литовское—hentaros; съ своей стороны Литовцы получали отъ насъ жемчугъ, который привозили къ намъ съ Востока. Важнѣйшее торговое мѣсто и главный портъ всей русско-литовской земли было при устьѣ Русп [1]) и называлась Русъ или Русна—въ XIV столѣтіи еще тамъ былъ торговый городъ, нынѣ селеніе подъ тѣмъ же именемъ.

Теперь бросимъ взглядъ на литовскую народную поэзію и посмотримъ, въ какой степени выразила она духовную жизнь этаго народа. Въ своихъ пѣсняхъ литовскій народъ является кроткимъ, деревенскимъ народомъ, безъ стремленій вырваться въ болѣе широкое поле жизни. За то у рѣдкаго народа въ поэзіи найдется столько неиспорченныхъ образцовъ первобытной красоты, какіе представляетъ литовская. Въ глубочайшей древности Литва достигла до первой степени образованности—деревенской, и развила въ себѣ ея начала на столько, на сколько не успѣли развить многіе народы въ то время, когда переходили чрезъ такой же періодъ своего историческаго бытія; но за то Литва и осталась съ ними на всегда; она не доросла не только до политическаго сознанія, но даже до городскаго—даже почти до сельскаго быта. Литовскія пѣсни и преданія сходны съ славянскими, не только по духу, но и по формамъ, сходны такъ, какъ походитъ деревня на село. Если въ поэзіи славянскихъ народовъ является юношеское изящество, то въ литовской болѣе свѣжести и дѣтскаго простодушія; въ ней господствуетъ какая-то неполнота, неясность формъ, такъ сказать, недодѣланность. Литовскія пѣсни дышатъ уютною непроѣздною деревнею, гдѣ жизнь протекаетъ нераздѣльно съ природою, при отчужденіи отъ всего остальнаго міра, въ несложномъ обществѣ близкихъ между собою людей, соединенныхъ связью чувства, а не гражданскаго долга, не нуждаясь ни въ законахъ, ни въ администраціи, покорная внѣшнимъ силамъ, но упорно хранящая внутреннюю святыню души, и потому затаенная, даже иногда притворная. Въ литовскихъ пѣснях чувства глубоки и нѣжны, но страсти до того слабы, что рѣдко являются на

---

1) Восточный рукавъ рѣки Нѣмана.

свѣтъ; желанія ограничены, за то неотравимо наслажденіе въ лонѣ природы; нѣтъ охоты къ размышленію; чувство не хочетъ нарушить обоятельнаго, безсознательнаго спокойствія сухостію анализа; нѣтъ вражды, нѣтъ зависти, нѣтъ стремленія впередъ; фантазія, иногда затѣйливая, скорѣе обращается назадъ,, чѣмъ впередъ, рѣдко создаетъ образы жизни возвышенной надъ кругомъ деревенщины, но убѣгаетъ въ дубовыя рощи, прислушивается къ журчанію ручьевъ и морскому гулу, рѣдко мечтаетъ о чертогахъ или нарядахъ промышленнаго міра, а если иногда заходитъ въ эту сферу, то переступаетъ границы—и теряется въ призракахъ недѣйствительности, какъ всегда бываетъ при мечтахъ о томъ, что слишкомъ далеко отъ жизни. Почти всѣ пѣсни литовскаго народа отличаются не принужденною нравственностію и деликатностію, и въ этомъ отношеніи чище славянскихъ, какъ дѣтская жизнь чище юношеской. Литовская муза не находитъ прелести въ преступленіяхъ и злодѣяніяхъ, не тѣшитъ воображенія ни чѣмъ соблазнительнымъ и развращеннымъ. Въ этомъ отношеніи она, при сравненіи съ поэзіею славянскихъ народовъ, далѣе всего отстоитъ отъ поэзіи Великоруссовъ, болѣе другихъ соплеменниковъ перешедшихъ черезъ рубежъ сельскаго быта въ область городскаго. Въ литовской поэзіи въ образахъ нѣтъ ни выпуклости, ни рѣзкихъ чертъ: они воздушны, туманны; краски на нихъ не ярки, но нѣжны и мягки; нельзя назвать ее мрачною и грустною, нельзя назвать и веселою, разгульною. Въ ней не слышно ни раздирающаго вопля отчаянія, ни неистоваго смѣха; нѣтъ ни ослѣпительнаго свѣта, ни чернаго мрака; какая-то таинственность разлита въ ея созданіяхъ; міръ, куда она вводитъ насъ, напоминаетъ весенній вечеръ, когда при ясной зорѣ, въ душистомъ воздухѣ, среди младенческой, чуть только воскресшей изъ подъ снѣга природы, чуствуется разомъ и упоеніе молодой жизни и легкая грусть. Литовское племя и въ своей жизни и въ своей поэзіи представляетъ переходъ отъ дѣятельной Индо-европейской натуры къ страдательному быту финскихъ народностей, соединеніе живучести западныхъ началъ съ восточною неподвижностію.

Позже всѣхъ Индо-европейскихъ народовъ принявши христіанство, болѣе и долѣе, чѣмъ другіе, сохранили Литовцы до нашего времени слѣдовъ миѳологіи въ своихъ пѣсняхъ, сказкахъ, преданіяхъ и обычаяхъ; изъ всѣхъ миѳологическихъ вѣрованій уцѣлѣли болѣе всего слѣды поклоненія солнцу и небеснымъ свѣтиламъ и явленіямъ. Оно естественно, потому что въ земледѣльческомъ быту и жизнь и работы измѣряются по годичнымъ метеорологическимъ перемѣнамъ. Солнце въ литов-

скихъ пѣсняхъ олицетворяется существомъ женскаго пола и называется божьей дочерью. Оно—существо благое, человѣколюбивое, справедливое и сострадательное къ несчастію:

О солнце, дочь Божья,
Гдѣ ты такъ долго промедлила,
Гдѣ такъ долго пребывала,
Съ тѣхъ поръ, какъ разсталась съ нами?
За морями, за горами,
Я призрѣвала сиротъ,
Я согрѣвала пастуховъ.
Да, мои дары многочисленны.

—

О солнце дочь Божья,
Кто утромъ и вечеромъ
Зажигалъ тебѣ огонь,
Приготовлялъ твое ложе?
Звѣзда утренняя, звѣзда вечерняя:
Звѣзда утренняя—огонь,
Звѣзда вечерняя—ложе,
Да, велико родство мое.

Мѣсяцъ представляется въ литовскихъ пѣсняхъ существомъ мужескаго пола и супругомъ солнца. Въ одной пѣснѣ разсказывается, что мѣсяцъ прежде ходилъ по небу съ своей супругою и выходили и заходили они вмѣстѣ, и на ночлегъ вмѣстѣ возвращались:

Мѣсяцъ увелъ солнце,
Это было въ началѣ весны.
Солнце встало рано,
Мѣсяцъ его оставилъ,
Онъ отправился гулять одинъ,
Влюбился въ утреннюю звѣзду,
Тогда Перкунъ разгнѣвался,
Разсѣкъ его мечемъ:
Зачѣмъ ты оставилъ его?
Зачѣмъ странствовалъ ночью одинъ?
Влюбился въ утреннюю звѣзду?
Тогда его сердце наполнилось горемъ.

—

Ахъ! вчера поздно вечеромъ
У меня пропалъ ягненокъ:

Кто поможетъ мнѣ сыскать
Моего любимаго, единственнаго ягненка?

—

Къ утренней звѣздѣ я отправился,
Звѣзда сказала мнѣ въ отвѣтъ:
Я должна завтра рано
Зажечь огонь солнцу.

—

Къ вечерней звѣздѣ я отправился,
Звѣзда сказала мнѣ въ отвѣтъ:
Я вѣдь должна вечеромъ
Приготовить солнцу ложе.

—

Тогда я отправился къ мѣсяцу,
Мѣсяцъ отвѣчалъ мнѣ:
Я разсѣченъ мечемъ,
И грустно лице мое.

—

Отправился я къ солнцу,
Солнце сказало мнѣ:
Буду искать девять дней,
Не успокоюсь и въ десятый.

Въ народныхъ пѣсняхъ есть еще иного рода представленія о свѣтилахъ: въ одной пѣснѣ утренняя звѣзда изображается не соперницею Савлиты, а ея дочерью, разрубленіе Перкуномъ относится не къ мѣсяцу, а къ дереву—дубу. Аушрина утренняя звѣзда играла свадьбу, Перкунъ проникъ чрезъ ворота, и срубилъ дубъ:

Кровь дуба, брызгнувъ въ верхъ,
Запятнала мнѣ платье,
Запятнала мнѣ вѣночикъ.
Плакала дочь солнца,
И собирала три года
Завядшіе листья вѣнка.
Гдѣ возлюбленная мать,
Мнѣ вымыть платье,
Смыть кровь?
Молодая дочь моя,
Иди къ тому пруду,
Куда втекаютъ девять ручьевъ.
Гдѣ, возлюбленная мать,

Мнѣ сушить платье,
Его совершенно вывѣтрить?
Молодая дочь моя,
Въ томъ зеленомъ саду,
Гдѣ цвѣтутъ девять розъ.
Когда, возлюбленная мать,
Должна я одѣть платье,
Это бѣлое платье носить?
Молодая дочь моя,
Въ тотъ свѣтлый день,
Когда взойдутъ девять солнцъ.

Въ пѣсняхъ говорится о божьихъ сыновьяхъ и божьихъ дочеряхъ; вѣроятно подъ тѣми и другими разумѣли въ миѳологическое время духовъ или боговъ, витающихъ въ природѣ. Одна пѣсня говоритъ: «подъ кленомъ течетъ ручеекъ; тамъ при свѣтѣ луны танцуютъ божьи сыны съ божьими дочерьми.» Вѣроятно здѣсь эти божьи дочери-вандинніи, водяныя нимфы, однозначительныя съ нашими русалками. По народному вѣрованію, эти вандинніи, прекрасныя собою, выходятъ изъ воды и танцуютъ въ хороводѣ; ихъ очи блестятъ какъ небесныя звѣзды, а ихъ кудри шелестятъ очаровательною музыкою, но никакой человѣкъ не можетъ видѣть ихъ хоровода, потому что коль скоро услышитъ музыку кудрей, то приходитъ въ упоеніе и засыпаетъ;—только тотъ кто достанетъ волшебный цвѣтокъ папоротника, можетъ созерцать невыразимо стройную пляску и слышать очаровательное пѣніе водяныхъ красавицъ. Этого мало: тотъ можетъ подчинить себѣ вандинній и заставить ихъ ловить себѣ рыбу. Тѣ, или можетъ быть другія, божія дочери прислуживали героямъ, какъ скандинавскія валькиріи. Кто будетъ тебѣ служить въ далекой Угорской землѣ? говоритъ матъ отъѣзжающему на войну сыну. Онъ отвѣчаетъ: божія дочери бѣлыми руками, ласковыми словами! Кажется, въ обширномъ смыслѣ божьими дочерями назывались вообще всѣ богини или фантастическія существа женскаго пола. Въ ихъ кругъ относятся и Лаймы, добрыя дѣвы, покровительницы дѣторожденія и дѣтей; о нихъ остались преданія въ пѣсняхъ; эти дѣвы также называются божьими дочерьми. Кто будетъ качать твое дитя? говоритъ мать дочери. Его будетъ качать Лайма въ своей колыбели, отвѣчаетъ дочь. О Лаймахъ остались въ народѣ поэтическія сказанія. Эти Лаймы тоже, что наши рожаницы — добрыя дѣвицы — геніи, соблюдающія жизнь человѣка. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ христіанства, представленіе о нихъ измѣнилось, и какъ существа язычекаго міра, поносимыя священниками, онѣ поступили уже въ разрядъ злыхъ демоновъ

Народъ вѣритъ, что Лаймы похищаютъ маленькихъ дѣтей. Повѣрье это имѣетъ аналогію съ древнимъ значеніемъ Лаймы, какъ дѣтской богини. Лаймы крадутъ у матерей младенцевъ и оставляютъ вмѣсто ихъ другихъ, которыхъ онѣ дѣлаютъ изъ соломы или изъ прутьевъ и чудодѣйственно сообщаютъ имъ жизнь. Подложенныя такимъ образомъ, вмѣсто настоящихъ дѣти никакъ не могутъ достигнуть полнаго развитія человѣческой жизни. Однажды въ домѣ работникъ подсмотрѣлъ, какъ двѣ Лаймы украли у хозяйки новорожденнаго ребенка и унесли его въ кухню; тамъ сдѣлали изъ помела другаго ребенка и заспорили: кому изъ нихъ нести его, и положить подлѣ матери въ колыбели; не согласившись никакъ, рѣшились онѣ нести его обѣ, и оставили настоящаго ребенка на столѣ. Работникъ взялъ его. Лаймы, воротившись въ кухню, не нашли своей покражи и стали между собою ссорится; вдругъ запѣлъ пѣтухъ и онѣ исчезли. На силу растолкалъ послѣ того хозяйку работникъ, такъ глубокъ былъ сонъ, насланный на нее Лаймами. Вставши, хозяйка благодарила работника, что онъ ее разбудилъ, и разсказывала, что въ это время ей снился сонъ, будто бы на нее навалилась ужасная тяжесть. Увидѣли двухъ младенцевъ—одинъ на другаго похожихъ, но тотъ, котораго оставили Лаймы, былъ какъ будто полуживъ, и какъ бы недотворенъ. Работникъ сказалъ объ этомъ священнику. Заставивши присягнуть въ истинѣ разсказа, священникъ велѣлъ дитяти Лаймы отрубить голову но не иначе, какъ до окончанія сутокъ со времени, когда Лаймы его сдѣлали: иначе онъ будетъ уже совершенно живъ и нельзя будетъ умертвить живое сущесгво. Работникъ, однако, подождалъ возврата хозяина, ѣздившаго въ городъ, и когда вдвоемъ они стали рубить голову лаймину сыну, то изъ жилъ его потекла кровь, но еще кое-гдѣ въ организмѣ были соломенные стебли, не успѣвшіе превратиться въ жилы. Впрочемъ, не всегда подмѣненныя дѣти творятся изъ соломы или прутьевъ; ихъ считаютъ также и дѣйствительными дѣтьми Лаймъ, но все таки они остаются какими-то недоносками и съ огромною, несоразмѣрною головою. У одной женщины было подобное дитя, которое достигло двѣнадцатилѣтняго возраста, не говорило и было до того слабо, что его надобно было водить и даже носить. По наученію какого то знахаря, мать развела огонь, взяла куриное яйцо и выпустила въ чашку съ водой, повѣсила два маленькихъ котелка и хотѣла варить алусъ (родъ домашняго пива). Вдругъ дитя отозвалось: «мама! что ты хочешь дѣлать?» *Алусъ варить!*—«Я такъ старъ, что помню, какъ выходилъ изъ земли большой лѣсъ, который теперь уже усохъ, а такого дива не видывалъ!» Сказавши это, онъ захворалъ и

умеръ. Лаймы шатаются между людьми и дѣлаютъ свои проказы по вечерамъ въ четвергъ, и тогда-то матери должны особенно беречь своихъ новорожденныхъ дѣтей; тогда женщины держатъ всю ночь огонь въ домѣ; въ эти вечера также остерегаются прясть, ибо иначе можетъ явиться Лайма, не много попрядетъ сама и унесетъ съ собой всю чужую пряжу. Иногда онѣ, если и не унесутъ съ собой ребенка, то сдѣлаютъ ему вредъ; однажды мать купала свое дитя и вышла изъ дому; Лайма это видѣла и вбѣжавъ въ избу, налила кипятку и положила въ него ребенка; отъ этого у него облѣзла вся кожа и онъ умеръ. Но о Лаймахъ остались не однѣ дурныя вѣсти; иногда онѣ и теперь еще являются добрыми существами. Напримѣръ, одной бѣдняжкѣ—сиротѣ Лайма носила полотно и пестрыя ткани на бѣлье и наряды, но съ уговоромъ: не мѣрить этаго. Сирота не послушалась и въ одинъ мигъ исчезло все, подаренное Лаймою. Лаймы представляются красавицами. Въ одинъ домъ являлась Лайма и душила во снѣ молодаго человѣка. По совѣту знахарей, онъ отправился въ лѣсъ, срубилъ въ непроходимой чащѣ дубокъ, сдѣлалъ изъ него колотушку, заостренную кверху на подобіе клина, обдѣлалъ ее топоромъ, составленнымъ изъ девяти кусковъ желѣза, съ липовымъ обухомъ. Этой колотушкой слѣдовало забить диру въ стѣнѣ, куда пролѣзала Лайма. Ночью, услышавши, что Лайма въ избѣ, онъ всталъ и заткнулъ щель. Цѣлую ночь до разсвѣта слышалъ онъ, какъ въ углу что-то возилось и царапало, будто кошка. Утромъ онъ увидѣлъ предъ собою прекраснѣйшую дѣвушку. Онъ женился на ней. Она была чрезвычайно кротка и послушна, но очень странна: не могла ничего ни начать, ни кончить; надобно, чтобъ кто нибудь началъ дѣло—она работаетъ по указанію, но кончить долженъ кто нибудь иной. Какъ ни старался мужъ,—никакъ не могъ ее измѣнить. Ототкни щель, сказала она:—можетъ быть тогда я съумѣю и начать и кончить дѣло! Мужъ долго не хотѣлъ, догадываясь, что она улизнетъ отъ него; но наконецъ она какъ-то упросила его. Онъ ототкнулъ—и Лайма въ первую же ночь исчезла отъ него; послѣ того каждый четвергъ вечеромъ она приносила своимъ дѣткамъ бѣленькую рубашку, но уже не показывалась мужу. Въ числѣ многихъ разсказовъ о Лаймахъ чрезвычайно замѣчательна по своей древности одна сказка такого склада: Лицо, называемое въ сказкѣ плотникомъ, пошло по свѣту и встрѣтилось сначала съ Перкунасомъ—духомъ грома и молніи, потомъ съ вѣтромъ, который въ сказкѣ называется дьяволомъ. Они вмѣстѣ исторгали съ корнемъ вѣковѣчные лѣса, плотникъ сдѣлалъ плугъ и борону, посѣялъ хлѣба и всякихъ овощей и состроили. Вдругъ ночью у нихъ изъ огорода стала пропадать

рѣпа. Надобно было подкараулить вора. Сначала отправился дьяволъ (вѣтеръ), хотѣлъ схватить вора, но воръ такъ его ударилъ, что тотъ едва не умеръ; потомъ отправился на караулъ Перкунасъ, и его также поколотилъ воръ. Наконецъ, когда пришло время идти третьему—плотнику караулить огородъ,—онъ взялъ съ собой скрипку и началъ играть. Воръ явился и похлопывая бичемъ, кричалъ: пичъ! пачъ! желѣзная телѣжка, проволочная плеть! Плотникъ заигралъ; воръ заслушался: это была Лайма, дѣва дикан, жившая въ лѣсу: никто ее одолѣть не могъ. Ей такъ понравилась музыка, что она подошла и стала просить выучить ее играть. Плотникъ замѣтилъ, что у ней пальцы слишкомъ толсты и надобно ихъ обстругать. Онъ разсчепилъ дерево и Лайма по его приказанію, вложила туда пальцы обѣихъ рукъ. Плотникъ прижалъ ихъ такъ, что изъ пальцевъ выступила кровь, а самъ отмѣрилъ ей по спинѣ нѣсколько тяжеловѣсныхъ ударовъ тѣмъ самымъ проволочнымъ бичемъ, которымъ она угостила его товарищей. По усильной просьбѣ, онъ однако освободилъ ее. Она исчезла и оставила у него свою желѣзную телѣжку и проволочную плѣть. Съ тѣхъ-поръ трое товарищей жили спокойно и продолжали обработывать поля и никто уже не мѣшалъ имъ и не кралъ у нихъ плодовъ и овощей. Но потомъ наскучило имъ общинное житье; пусть, сказали они,—владѣетъ одинъ изъ насъ всѣмъ. Рѣшили, что каждый по очереди долженъ пугать двухъ другихъ и кто не испугается, а, напротивъ, самъ больше прочихъ надѣлаетъ другимъ страха, получитъ во владѣніе домъ. Началъ сперва пугать товарищей вѣтеръ: подулъ такъ, что стѣны дома задрожали и Перкунасъ выскочилъ въ окно, а плотникъ развернулъ свой молитвенникъ и вѣтеръ не могъ его привести въ ужасъ. Потомъ Перкунасъ загремѣлъ и заблисталъ молніею такъ, что казалось не только домъ, но весь окрестный лѣсъ провалится сквозь землю, а молнія блистала такъ, что, казалось, вотъ все сожжетъ—и вѣтеръ въ окно улетѣлъ, а плотникъ не испугался, потому что занялся своимъ молитвенникомъ. Когда же по очереди на третью ночь пришлось пугать плотнику своихъ товарищей, то онъ взялъ желѣзную телѣжку и проволочную плѣть, что отнялъ у Лаймы, хлопаетъ бичемъ, телѣжку катаетъ, а самъ кричитъ: пичъ! пачъ! желѣзная телѣжка, проволочная плеть! Перкунасъ и вѣтеръ какъ услышали—подумали, что эта та самая Лайма, что ихъ такъ сильно поколотила и убѣжали! И такимъ образомъ плотникъ сталъ обладателемъ всего хозяйства, подсмѣиваясь надъ своими товарищами, которые не могли его испугать ни бурею, ни гро-

зою, а онъ ихъ испугалъ телѣжкою и бичемъ. Въ этой сказкѣ видно древнее сознаніе побѣды человѣческаго ума надъ силами природы. Въ одномъ интересномъ разсказѣ Лаймы являются какъ водяныя нимфы. Девять братьевъ имѣли только одну сестру. Всѣ девять были солдаты. Старшій, уходя, купилъ сестрѣ своей, которая тогда еще была мала, золотое кольцо. Когда дѣвушка выросла, нашла она въ шкафу кольцо и спросила свою мать: «Матушка, кто купилъ кольцо и положилъ его сюда?» мать отвѣчала: «дитя ты имѣешь девятьбратьевъ и старшій купилъ кольцо тебѣ.» Дѣвушка стала проситься у матери ѣхать навѣстить братьевъ. Мать согласилась, запрягла маленькаго коня въ маленькую колясочку и отправила дочь. На дорогѣ ей встрѣтился зайчикъ и проситъ ее: «Онута (имя дѣвушки), сестрица, позволь мнѣ ѣхать съ тобою.» Она взяла къ себѣ зайчика, сказавъ: «сядь позади.» Такъ вдвоемъ поѣхали они дальше и пріѣхали къ морю, тамъ у берега купались Лаймы. Онута была красиво одѣта и на ея пальцѣ было кольцо. Когда увидѣли ее съ зайчикомъ Лаймы, стали крпчать ей: «иди къ намъ, Онута, иди купаться, у насъ море течетъ молокомъ, а отъ берега идетъ красное вино.» Зайчикъ остерегалъ ее: «Онута, сестрица, не ходи къ нимъ, у нихъ море течетъ слезами, а отъ берега идетъ кровь.» Тогда выскочила изъ воды одна разсерженная Лайма и вырвала зайчику обѣ заднія лапки. Они проѣхали не много далѣе,—стала звать другая Лайма: »Онута, иди къ намъ купаться, у насъ море течетъ молокомъ, а отъ берега идетъ красное вино.» Зайчикъ опять предостерегъ ее. Тогда выскочила вторично изъ воды Лайма, разорвала зайчика и выбросила его. Дѣвушка проѣхала большое пространство по морю, и когда опять Лаймы стали звать ее, то въ этотъ разъ она дѣйствительно отправилась къ нимъ купаться. Послѣ того какъ Онута раздѣлась, оставивъ только кольцо на пальцѣ, Лайма сказала ей: «Онута, сестрица, превращу тебя въ вошь, а себя въ блоху, кто изъ насъ выйдетъ прежде изъ воды, получитъ твою красивую одежду, кто—позже, долженъ одѣть старую слизистую шкуру.» Конечно выиграла Лайма и она надѣла хорошее платье, а Онутѣ пришлось обернуться слизистой шкурой. Кольцо же осталось на ея пальцѣ, чего незамѣтила Лайма. Вмѣстѣ отправились они далѣе, Онута горько плакала. Лайма спросила ее: «куда ѣдешь ты»? та отвѣчала, что ѣдетъ навѣстить своихъ братьевъ. Скоро они пріѣхали къ очень большому двору, Лайма пошла туда и спросила: «Есть ли здѣсь девять оконъ, девять столовъ, девять горшковъ, девять блюдъ и ложекъ, а наконецъ,—есть ли здѣсь девять братьевъ.» Хозяйка двора отвѣчала: «нѣтъ здѣсь ни девяти

оконъ, ни девяти столовъ, и т. д. ни девяти братьевъ.» Пріѣхали къ другому двору, Лайма также спросила. Здѣсь были девять братьевъ; старшій стоялъ у окна, и слышалъ вопросы Лаймы. Онъ позвалъ тотчасъ другихъ братьевъ и сказалъ: «это должно быть наша сестра.» Лайму встрѣтили съ почетомъ, посадили къ столу на лучшее мѣсто и богато угощали. Старшій братъ спросилъ: «кто это сидитъ тамъ въ колясочкѣ?» «Когда я ѣхала вдоль морскаго берега,» отвѣчала Лайма, «ко мнѣ сѣла одна Лайма, которую я взяла съ собою;» братья сказали: «пусть идетъ въ поле пасти коней.» Когда она была въ полѣ, конь старшаго брата не хотѣлъ ѣсть. Онута пропѣла ему пѣсенку: «О мой конь, о мой гнѣдой, зачѣмъ ты не ѣшь въ полѣ зеленой травки? Зачѣмъ ты не пьешь чистой ключевой воды?» Тогда заговорилъ конь: «Зачѣмъ мнѣ ѣсть зеленую травку? пить ключевую воду? Та Лайма, та колдунья, пьетъ вѣдь вино съ твоими братьями, а ты ихъ сестра должна между тѣмъ пасти коней.» Старшій братъ былъ въ полѣ, услышалъ пѣсенку, подошелъ и сказалъ: «Лайма, колдунья, приди и поищи мнѣ въ головѣ.» Горько плача, подошла та къ нему. Когда она искала, братъ замѣтилъ у ней кольцо и спросилъ: «гдѣ взяла ты это кольцо?» Она разсказала ему все, что съ ней случилось, и какъ ее обманула Лайма. Брату сдѣлалось дурно отъ горя. Придя въ себя, онъ повелъ сестру къ себѣ въ домъ, купилъ ей новыя, прекрасныя платья, она вымылась и пріодѣлась. Старшій братъ разсказалъ другимъ братьямъ, какъ Лайма обманула сестру и самихъ ихъ. Они стали думать, какъ наказать Лайму? Взяли лошадь, обмазали ее смолой, поставили близъ самыхъ дверей и сказали: «Лайма, колдунья! выходи изъ комнаты.» «Ой, господа, я не могу выдти, лошадь стоитъ предъ дверьми!» «Ударь ее рукой и она уйдетъ.» «Она ударила, и ея рука пристала къ смолѣ. Сказали опять: «Толкни ногой,» она толкнула и нога также пристала къ смолѣ; «ударь другой рукой,» та тоже пристала, «двинь другой ногой» и эта пристала, наконецъ, она должна была пихнуть животомъ и тотъ присталъ къ смолѣ. Братья взяли хорошій хлыстъ, ударили коня и сказали:

«Бѣги мой коникъ,
Бѣги мой гнѣдой!
Черезъ степи,
Чрезъ долины и овраги,
Бѣги къ морю и окуни себя.

Вода у древнихъ Литовцевъ имѣла религіозное значеніе, и

до сихъ поръ это ярко выказывается въ памятникахъ народной поэзіи. Въ пѣсняхъ безпрестанно является вода въ разныхъ видахъ, какъ любимая обстановка того, къ чему обращается чувство. Къ ручью ходитъ дѣвица выплакивать свое тайное горе и ея слезы сравниваются со струями ручья. Чрезвычайно часто является въ народныхъ пѣсняхъ море; оно символъ далекости; колышутся волны моря, стоитъ на берегу его старая родимая матушка, а на другомъ ея дочь. Посылаетъ дочь къ матушкѣ поклонъ, зазываетъ къ себѣ матушку, да той нельзя прибыть. Изъ за моря пріѣзжаетъ молодой человѣкъ сватать дѣвицу. Поплыть за море—на поэтическомъ языкѣ значитъ пуститься въ неизвѣстное. Очень часто говорится о плавающихъ по морю корабляхъ. Всѣ такіе образы указываютъ на древнее знакомство народа съ моремъ и на священное значеніе, которое море играло въ старыхъ вѣрованіяхъ. Въ одной пѣснѣ упоминается даже о морскомъ богѣ Бангпуттиссѣ, перевертывающемъ суда пловцевъ. Въ другой пѣснѣ, обломокъ какой-то миѳологической исторіи,—объ утонувшей дѣвушкѣ: росли три липы изъ одного корня, изъ подъ нихъ вытекала быстрая рѣка; три сестрицы переходятъ черезъ рѣку, держась за вѣтви липъ; двѣ перешли, третья утонула; и понесли ее быстрыя воды въ Нѣманъ, а изъ Нѣмана въ Русь, изъ Руси въ океанъ-море и прибила ее волна къ бережку; тамъ изъ нея выросла зеленая липа съ девятью густыми вѣтвями; ѣхалъ молодецъ—братецъ, сломилъ вѣтвь и сдѣлалъ себѣ стрѣлу; пустилъ онъ стрѣлу—стрѣла поетъ жалостно; грустный отголосокъ достигаетъ до ушей матушки: «Это душа моей дочери,» сказала она: «мечется она надъ волнами!» Эта пѣсня, чрезвычайно неясная, тѣмъ замѣчательна, что подобная, съ такими же туманными образами, есть и у Славянъ; напримѣръ, у Малороссіянъ, и поется на Купальскомъ праздникѣ, а это уже показываетъ ея древность.

Въ народной памяти (по свидѣтельству Нарбутта) сохранилась поэтическая баснословная исторія морской богини Юраты. На днѣ моря Балтійскаго (бѣлаго отъ baltas—бѣлый; былъ когда то янтарный чертогъ Юраты, царицы моря. Однажды узнала она, что люди начали ловить рыбу въ морѣ. Собрала Юрата своихъ совѣтницъ и прислужницъ и держала съ ними совѣтъ,—что дѣлать съ рыбаками, которые стали истреблять принадлежащія ея власти рыбъ. Сама царица прежде хоть и любила покушать рыбки, но не рѣшалась этихъ любимыхъ ея тварей лишать жизни, а только обгрызала у нихъ бока, и пускала опять на волю, отъ этаго-то,—говорятъ Литовцы,—и находятъ въ морѣ одноглазыхъ рыбъ. Рѣшено было въ совѣтѣ заманивать рыбаковъ на морское дно. Но случилось, что сама

царица для одного рыбака уклонилась отъ рѣшенія. Это узналъ Перкунасъ, поразилъ рыбака и разбилъ громомъ въ дребезги янтарный чертогъ Юраты. Прамжимасъ (судьба) опредѣлила такое наказаніе самой богинѣ: передъ трупомъ своего возлюбленнаго, она, прикованная на днѣ моря, должна вѣчно оплакивать свое паденіе; и часто балтійскіе пловцы слышатъ подводные стоны Юраты и вода выноситъ обломки янтарнаго чертога, бывшей повелительницы моря.

Болото въ литовской демонологіи было жилище своего рода духовъ, которымъ придавалось вообще болѣе злое значеніе. У Литовцевъ существуетъ преданіе о неизмѣримыхъ пропастяхъ посреди болотъ; въ одной изъ нихъ живетъ подземная царица, нѣкогда сидѣвшая на утесномъ тронѣ. Въ древнія времена она свела съ облаковъ воздушный корабль въ свою бездну и водворилась въ немъ, мачта этаго корабля высовывалась нѣкогда наружу: прадѣды видѣли ее собственными глазами, но теперь она уже не видна и покрлаысь сверху островомъ. Въ старину царица выходила изъ своей бездны и жители окрестностей, пугаясь такого призрака, приглашали чернокнижниковъ выгонять ее изъ ихъ отечества. Но богиня объявила, что если она переселится отъ нихъ, то всѣ окрестные луга покроются водою, потому что главное отверстіе, ведущее въ бездну, теперь закрыто лошадиной головой; если же она выйдетъ изъ своей пропасти, то отверстіе останется не замкнутымъ и подземная вода хлынетъ безъ удержу. Поэтому ее и оставили въ покоѣ. Множество бѣсовъ снуетъ всегда по болоту; они дѣлаютъ людямъ разное безпокойство и вредъ.

Изъ предметовъ растительнаго царства природы многіе цвѣты и деревья имѣютъ символическія значенія и не рѣдко являются они въ олицетворенныхъ образахъ. Никто не имѣетъ въ народныхъ пѣсняхъ такого символическаго значенія, какъ рута, которая, также какъ и у славянскихъ народовъ, есть символъ дѣвственности, ни одна дѣвическая пѣсня не обходится безъ руты. Состояніе дѣвичества выражается символомъ рутяного огорода. Дѣвица цвѣтетъ своимъ дѣвствомъ, бережетъ свое дѣвство. Это выражается образомъ, что дѣвица ходитъ въ рутяномъ огородѣ и поливаетъ руту; цвѣтеніе руты символизуетъ разцвѣтъ дѣвической красоты. Майоранъ—цвѣтокъ, очень употребительный въ пѣсняхъ,—всегда символъ дружелюбія, гостепріимства, учтивости, точно какъ василекъ въ малороссійскихъ пѣсняхъ. Майоранъ символъ отдачи замужъ и согласія на бракъ: «о майоранъ зеленый,—говоритъ къ нему въ пѣснѣ невѣста,— «кто садилъ тебя? кто поливалъ, кто обрѣзывалъ тебѣ вѣтви? Сестры садили тебя и поливали, и вѣтви съ тебя обрѣзывали,

а вдовецъ тебя изсушитъ.» Когда молодецъ пріѣзжаетъ къ дѣвицѣ съ предложеніемъ, то дѣвица приходитъ къ нему съ пучкомъ майорана. Хлѣбныя растенія упоминаются въ пѣсняхъ, и въ народныхъ повѣріяхъ имѣютъ священное значеніе. По свидѣтельству Нарбутта, въ народѣ до сихъ поръ существуетъ древнее миѳологическое повѣріе о Крумине—богинѣ, которое похоже на исторію греческой Цереры. Была у этой богини дочь; вышла она изъ своихъ палатъ на берегъ рѣки Руси и увидѣла по срединѣ ея русла пышный цвѣтокъ; она поплыла къ нему и только что достигла до него, какъ провалилась въ жилище подземнаго божества Поклюса и должна была сдѣлаться его женою. Мать долго не знала гдѣ она, и пошла въ міру искать ее; проходя по литовской землѣ, она научила жителей земледѣлію. Въ старину хлѣбныя зерна пользовались религіознымъ уваженіемъ и предавались освященію, ибо и теперь сохранился въ Литвѣ, подобно какъ въ Малороссіи на новый годъ, обычай посыпать хлѣбными зернами на Рождество, но съ такой обстановкой, которая указываетъ, что этотъ обычай имѣлъ религіозное значеніе: прежде чѣмъ начнутъ посыпать хлѣбными зернами, слѣдуетъ продержать ихъ въ рукѣ во все время обѣдни.

Изъ деревьевъ и кустарниковъ народная поэзія любитъ слѣдующіе: розовый кустъ, кленъ, липу, вербу, дубъ, сосну и березу.

Изъ птицъ въ народной жизни представляется болѣе всѣхъ въ знаменательныхъ образахъ кукушка возвѣстница правды и будущаго. Кукушка, говорится въ одной пѣснѣ, сидя на липѣ, предвѣщаетъ разлуку дѣвицы съ отцемъ и матерью, т. е. выходъ за мужъ; это намекаетъ на древнее гаданье по кукованью кукушекъ; слѣды его видны и теперь въ суевѣрныхъ вопросахъ кукушкамъ, сколько жить лѣтъ и проч., которые Литвины и Латыши задаютъ кукушкамъ, точно также, какъ и наши поселяне. Кукушка помѣщается на деревѣ, на которомъ девять вѣтвей; это число вѣтвей, священное въ литовской миѳологіи, подтверждаетъ древнее религіозное значеніе этой птицы: любимое дерево, на которомъ, по народному поэтическому представленію, сидитъ чаще всего кукушка, – липа, но иногда помѣщалась она въ пѣсняхъ и на соснѣ и рѣдко на кленѣ. Кукованье кукушки имѣетъ часто грустное значеніе: съ нимъ сравнивается плачь дочери, увезенной отъ матери въ чужую сторону въ замужество. Есть пѣснь о превращеніи женщины въ кукушку въ томъ же точно родѣ, какъ у Великороссіянъ и Малороссіянъ. Дѣвица въ видѣ кукушки посѣщаетъ своего милаго молодца. «О сонъ дремота! мнѣ сказать хочется! усну я, усну и стану кукушечкой, и буду я куковать утромъ и вечеромъ. Отдала меня мать за горы высокія, за рѣки глубокія; ворочусь я къ моей

матушкѣ въ садочикъ, къ старой отцовской хатѣ. Займу я пестрыя крылышки у кукушечки, полечу пестрою кукушкою по лѣсу, сяду въ вишневомъ садикѣ на зеленую рутяную грядку; буду я качаться, буду куковать, чтобъ услышала моя матушка. Какъ она услышала, матушка, мой голосокъ: что это не дочка ли моя молодая; узнаю я мою дочку по кукованью грустному, по полету тихому. Узнаю мою молодую, въ чужую сторону отданную за мужъ; прилетѣла свою матушку провѣдать. У ней коса русая, щеки румяныя; она моя дочка, мое милое дитятко. Вышла матушка изъ старой хаты. Плачетъ горькими слезами, обнимаетъ дочку; вышелъ изъ высокаго терема батюшка, привѣтъ даетъ доченькѣ; выходитъ сестрица изъ рутяного садика, прижимаетъ къ сердцу сестрицу свою молоденькую, выходитъ братецъ изъ новой конюшни, ведетъ въ рукѣ верховаго коня, подступаетъ къ молодой сестрицѣ.» Въ другой литовской пѣснѣ идетъ молодецъ черезъ дворъ и не знаетъ, что это за птица явилась. У ней голосъ какъ у дѣвицы, а пестрыя перья, какъ у птицы кукушечки. Еще въ одной пѣснѣ дѣвица, избѣгая брака съ немилымъ суженымъ вдовцемъ, превращается въ кукушку; идетъ немилый вдовецъ и хочетъ ее стрѣлять, а она ему говоритъ: «не стрѣляй меня! я не птица, я отеческая дочь.»У южно-руссовъ сохранилась исторія о сестрѣ, которую хотѣли отдать насильно замужъ и она, чтобъ избѣжать горькой судьбы, превратилась въ кукушку. Кромѣ кукушки въ пѣсняхъ встрѣчаются соколъ, голубь, ласточка, соловей, зябликъ, утка. О соловьѣ народъ сложилъ пѣсню, гдѣ человѣкъ ведетъ разговоръ о житьѣ-бытьѣ птички. «Что ты соловушка, рѣзвая пташка, что не поешь? какъ мнѣ пѣть, пастухи разорили мое гнѣздышко, говорятъ, будто я выклевалъ пшеницу, растоптalъ траву на лугу, напугалъ вороныхъ коней. А это совсѣмъ не правда! меня молодцы оклеветали; я не выклевывалъ пшеницы, не вытаптывалъ травы на лугахъ, не распугивалъ вороныхъ коней.» Образы природы чрезвычайно переплетаются въ пѣсняхъ, и очень разнообразны. Здѣсь упомянуты тѣ, которые особливо часто и съ любовію высказываются въ народной поэзіи.

Въ литовскихъ пѣсняхъ видна чрезвычайная сжившвость человѣческаго существа съ природою; воображеніе не представляетъ себѣ наслажденія жизнію какъ только на ея лонѣ. Дѣвица, оплакивая свое дѣвство, житье беззаботное и веселое у родимой матушки, говоритъ: «моя свѣтлица—березовая роща; постель мнѣ — мурава зеленая на лужку; на лѣсной опушкѣ подъ зелеными вѣтвями—коморка моя; вода въ студеномъ колодцѣ—вино мое.»

По народному литовскому понятію трудолюбіе есть главное достоинство женщины; по извѣстіямъ изъ XVI вѣка Литовки не должны были выходить замужъ, прежде чѣмъ не покажутъ работу своего рукодѣлья; и теперь въ литовскихъ пѣсняхъ выхваляется дѣвица за то, что хорошо прядетъ, шьетъ, бѣлье моетъ. «Отчего ты дѣвица не ходила въ хороводъ? Сидѣла дѣвица за столикомъ, ткала красно, матери угождала, отъ того и въ хороводъ не ходила.»—«Хорошая дѣвица»,—говоритъ другая пѣсня,—«въ хороводъ идетъ изъ за станка вставши, а изъ хоровода придетъ,—за красно берется.» Точно тоже и доброму молодцу честь и хвала за трудъ: хорошій молодецъ въ хороводъ идетъ, плугъ принарядивши, изъ хоровода придетъ,—пашетъ. Восхваляя свою возлюбленную, молодецъ говоритъ, что онъ узнаетъ ее между всѣми дѣвицами по чистой одеждѣ, по тонкой ткани, по новому ткацкому лотку. То и честь дѣвицѣ, что она пряха, да тчетъ хорошо, да сѣно грести умѣетъ, да бѣлье въ пруду моетъ.

Свадебныя пѣсни грустнаго содержанія, и причиною грусти не страхъ тягости супружескаго деспотизма, а болѣе сожалѣніе о незамѣнимыхъ лѣтахъ дѣвства, разлука съ родною семьею. Дѣвица переходитъ въ другой домъ; это выражается на поэтическомъ языкѣ—за море; сама ея мать груститъ съ нею. «Пойди моя доченька, моя молодая,»—говоритъ мать,—«пойди въ рутяной садочикъ! Что то твоя рута, твоя зеленая, такая пышная? Наклонились ея вѣточки до земли. Сорви, моя дочка, сорви моя молодая, цвѣточекъ въ саду. Вотъ уже цѣлый дворъ нарядныхъ гостей, засядутъ они за бѣлые столы, а съ ними жениховы сестры. Ты уѣдешь моя доченька, моя молодая, съ гостьми въ чужую сторону; не услышишь, какъ загруститъ твой батюшка, какъ вздыхать станетъ твоя родная матушка, какъ будутъ пѣть твои братцы; не увидишь какъ будутъ танцовать твои сестрицы; только и услышишь, какъ станутъ куковать кукушечки, да синее море будетъ шумѣть у берега!.. Помостила бы я мосты изъ чистаго серебра, чтобы можно было воротиться къ матушкѣ, къ моей молодости; зазеленѣетъ рута, зацвѣтутъ розы, а молодости своей я никогда не увижу!—Какъ вы хотите, чтобъ я весела была!»—обращается невѣста къ сестрамъ,—«я никогда не ворочусь къ матушкѣ; кто мнѣ руки—ноги согрѣетъ, кто меня ласковымъ словомъ приголубитъ?—Свекоръ согрѣетъ и руки, и ноги; милый заговоритъ ласковымъ словомъ.» Прощаясь съ матерью, невѣста съ любовью и грустью вспоминаетъ про свои прежніе домашніе труды: «Некому будетъдля тебя прясть и ткать, моя родная матушка, не буду я перебрасывать изъ рукъ въ руки легкій ткацкій лотокъ.

не буду я стирать бѣлые столы, не мести мнѣ муравы на дворѣ, не ходить въ поле сѣно грести и не носить новыхъ граблей; не станетъ у меня на головѣ зеленѣть рутяной вѣнокъ; не будетъ моихъ волосъ развѣвать вѣтеръ; не въ вѣнкѣ, авъчепцѣ приду я къ матушкѣ!» Вотъ въ какихъ образахъ представляется пріѣздъ невѣсты къ свекру. Невѣста ѣдетъ съ своими братьями и сестрами: «Мы ѣдемъ, поется въ пѣснѣ, по полю, по свекровому полю: съ нами ѣдутъ братья и сестры и мужья, и пріѣхали мы къ свекровымъ воротамъ и увидѣла я свое горе на свекровыхъ воротахъ. Спѣши, братецъ, бери мечъ свой, вырубп мое горе изъ свекровыхъ воротъ. Беретъ братецъ мечъ, ударяетъ по воротамъ, разрубаетъ доску, а моего горя ему не вырубить.» Отъѣздъ невѣсты въ домъ жениха, какъ и пріѣздъ жениха къ невѣстѣ, изображается также путешествіемъ по водѣ. «Вотъ ворочается назадъ кораблпкъ по морскимъ волнамъ; серебряныя снасти, златыя паруса; а на этомъ корабликѣ, а на этомъ черномъ, сидитъ молодецъ бѣлъ и румянъ, сидитъ съ дѣвицею; плывутъ по Нѣману; дѣвица держитъ свой зеленый вѣнокъ.

Полная глубокаго чувства, литовская народная поэзія, создала особый разрядъ пѣсенъ похоронныхъ, плачутъ о мертвыхъ сродникахъ, о родителяхъ, дѣтяхъ. Вотъ сестры—сироты плачутъ на материнской могилѣ и ведутъ съ мертвою разговоръ: «Ахъ, вы мои дѣточки, мои сироточки! говоритъ изъ могилы матушка. Что вы тутъ сидите, вы ѣсть, пить захотите! Будемъ ѣсть зелену траву, а пить утреннюю росу, отвѣчаютъ дочери:—лишь бы провѣдать матушку. А вотъ замужняя женщина, оскорбленная свекровью, обращается въ своемъ горѣ къ умершей матери. «Ахъ, еслибъ я знала ту могилу, гдѣ лежитъ моя милая матушка, посадила бы я на могилѣ у ней зеленую липу да яблоню. Встань, милая матушка, приподними землю на гробѣ своемъ. Я пришла къ тебѣ, матушка, жаловаться на свекровь: она меня дергаетъ за волосы, даетъ мнѣ хлѣбъ черезъ огонь. Матушка ты родная! Оставила ты меня, какъ курица своего цыпленочка; цыплята вмѣстѣ сойдутся, а я все одна, да одна..... брошусь я между птицы морскія.....

Вотъ какъ поэтически описывается смерть дѣвицы и плачь надъ нею молодца. «Черезъ березовый лѣсъ, черезъ сосновый боръ, ѣхалъ молодецъ на ворономъ конѣ къ тестеву двору, къ своей милой дѣвицѣ, и вошелъ къ ней, и увидѣлъ, что милая дѣвица лежитъ больная въ свѣтлицѣ.—Здравствуй, моя дѣвица, моя милая, дай мнѣ ручку твою бѣленькую, скажи словечко ласковое! Еще я не взялъ ее за бѣлую ручку, а ужъ моя дѣвица заплакала. Не плачь, дѣвица, не плачь! Мое сердечко, ты вы-

здоровѣешь.—Не выздоровѣю я, не буду твоею; пойду я въ могилу, подъ зелену мураву. Я не выздоровѣю, а ты поплачешь обо мнѣ, да найдешь другую! Не плачь, дѣвица, не плачь мое сердечко! Скажи мнѣ, моя миленькая, гдѣ твои братцы? Въ пестромъ городѣ, въ высокомъ теремѣ, дѣлаютъ мнѣ гробъ изъ липовыхъ досокъ съ ясными оконцами, чтобъ по срединѣ свѣтлѣли стеклышки, по окраинамъ блистало золото, серебро и перламутръ. Схороню я мою милую дѣвицу, на высокомъ кладбищѣ, на зеленомъ холмѣ; буду навѣщать мою милую дѣвицу каждую субботу вечеромъ, каждое воскресенье утромъ; холодныя ручки, холодныя ножки, блѣдное личико у моей дѣвицы». А вотъ на оборотъ плачъ дѣвицы на могилѣ своего жениха.

«Въ лѣсу подъ землею лежитъ мой милый молодчикъ; цвѣтки цвѣтутъ у него на могилкѣ; изъ нихъ я совью себѣ вѣночекъ; на липѣ соловей поетъ; каждый вечеръ я буду ходить туда, сяду на камнѣ подъ липою и буду плакать по моемъ миломъ молодчикѣ.» Смерть изображается народною поэзіею не рѣдко въ видѣ потопленія; это слѣдуетъ принимать не за особенное событіе, а за символическіе образы; подобныя есть и въ пѣсняхъ славянскихъ народовъ: «Нанялъ молодчикъ черный корабликъ, поплылъ онъ черезъ море въ городокъ; еще не переѣхалъ онъ моря, какъ поднялась буря, налился водою корабликъ и утонулъ молодчикъ; плыветъ по волнамъ его шляпа. Подобный образъ есть и для дѣвицы: «по волнамъ на морѣ плыветъ дѣвица, и утопаетъ дѣвица, кричитъ своему милому:—Спасай меня милый, мой молодчикъ, будешь ты проливать слезы на моемъ гробѣ, будешь цѣловать мое блѣдное лицо, и усыпать рутянымъ цвѣтомъ мою могилу.

Непрерывное спокойствіе сельской жизни въ поэзіи нарушается описаніемъ случаевъ отправленія молодца на войну; но война въ литовскихъ пѣсняхъ не представляется съ тою дикою, мужественною и героическою прелестію, какъ, напримѣръ, въ казацкихъ южно-русскихъ пѣсняхъ. Литовскій молодецъ идетъ на войну по неволѣ; его въ войско не удаль тянетъ, а горькая судьба гонитъ, отрывая отъ родныхъ полей, отъ сохи и домашней печи; онъ не мечтаетъ о славѣ, не помышляетъ о добычѣ, не сознаетъ добродѣтели гражданскаго долга, не разсуждаетъ о своей судьбѣ и не думаетъ отъ ней ускользнуть, но покоряется ей съ тоской и безнадежностью, отчаивается въ возвратѣ къ родной хатѣ и обрекаетъ себя заранѣе на гибель. Когда возлюбленная спрашиваетъ своего милаго, отъѣзжающаго на войну, когда онъ воротится, молодецъ отвѣчаетъ: «не я ворочусь, а мой конь привезетъ мой мундиръ, обрызганный черной кровью. Моя дѣвица омоетъ его горючими слезами, а мать высушитъ

его тяжелыми вздохами.» Большая часть пѣсенъ, гдѣ являются военные люди новаго склада, составлены въ послѣднія времена, когда Литовцы служили въ войскахъ польскихъ, прусскихъ и русскихъ. Къ числу не многихъ, составляющихъ исключеніе и безспорно относящихся къ древнимъ временамъ борьбы за независимость литовскаго племени противъ чужеплеменныхъ интересовъ, принадлежитъ одна, очень замѣчательная по своему подобію съ такою же пѣснію, существующею почти у всѣхъ Славянъ. Это плачъ надъ тѣломъ убитаго ратнаго мужа родныхъ ему женщинъ, изображаемыхъ въ видѣ кукушекъ. Мертвый воинъ представляется говорящимъ: «конь наступаетъ мнѣ на руки, на ноги, и на лицо. Струится кровь красная, какъ піонъ—цвѣтъ. Прилетѣли три кукушечки въ ночной тьмѣ, кукуютъ кукушечки надъ моимъ тѣломъ—одна въ ногахъ, другая въ головахъ, третья надъ самымъ сердцемъ: кукуетъ пестрая кукушечка! Въ ногахъ невѣста, въ головахъ сестра, у сердца родная матушка. Гудутъ колокола, жалобно заводитъ органъ, плачетъ моя старая матушка. Не разбудятъ меня ни колокола, ни органъ, ни старая матушка; разбудитъ меня черная земля, бѣлая гробовая доска. Скроюсь я въ землѣ; тамъ не будетъ мнѣ горя. Невѣстѣ отдамъ я воронаго коня, сестрѣ мои хорошія платья, а любезной матушкѣ, моей кормилицѣ—ласковое словечко. Невѣста провожаетъ меня до воротъ, сестра до половины пути, а матушка, которая меня воспитала, до самой зеленой могилы. Невѣста будетъ плакать три недѣли, сестра три года, любезная моя матушка, моя кормилица,—всю жизнь. 1)

Костомаровъ. 2)

14. Ятвяги.

1844.

Ятвяги народъ единоплеменный съ Литовцами, хотя нѣкоторые ученые видѣли въ Ятвягахъ вѣтвь Сарматскую. Длугошъ,

---

1) Сборники литовскихъ пѣсенъ и сказокъ: Dainos oder lithauische Volkslieder, gesammelt, übersetzt und mit gegenüberstehendem Urtext herausgegeben von L. J. Rhesa. Königsb. 1825.

Die Volkssagen Ost-Preussens, Lithauens und West-Preussens; gesammelt von W. J. A. Tettau und J. D. H. Temme. Berlin. 1857.

Podania i legendy polskie, ruskie, litewskie zebral Lucian Sieméński Poznan. 1845.

Lithauische Volkslieder, gesammelt, kritisch bearbeitet und metrisch übersetzt von G. H. F. Nesselmann. Berlin. 1853.

Lithauische Märchen, Sprichworte, Räthsel und Lieder. Gesammelt von August Schleicher. Weimar. 1857.

2) Русскіе инородцы.

живший въ XV вѣкѣ (+ 1480), 1) могъ имѣть точнѣйшее свѣденіе о существовавшихъ еще тогда остаткахъ этаго народа (который подъ своимъ собственнымъ именемъ и сохраняя язычество, держался въ Литвѣ до XVI вѣка),—такъ говоритъ о немъ: «Народъ Ятвяговъ по происхожденію, языку, религіи, нравамъ и обычаямъ имѣетъ большое сходство съ Литовцами, Пруссами, Жмудью; онъ и теперь еще совершаетъ поклоненіе идоламъ.» Край Ятвяговъ занималъ пространство земли, ограниченное на югѣ Бугомъ, отъ Бреста до соединенія съ Наревомъ, на западѣ Наревомъ до впаденія въ него Бобра, также Пруссами, отъ которыхъ Ятвязія отдѣлялась болотами Бобра, Лыки и Нетты, на Сѣверѣ и Востокѣ Литвою, съ Юго востока Литовскимъ Полѣсьемъ или теперешнимъ уѣздомъ Кобринскимъ. Однимъ словомъ Ятвязія занимала пространство не много болѣе того, что впослѣдствіи воеводство Подляшское съ его тремя повѣтами: Брянскимъ, Тыкочинскимъ и Суражскимъ. По срединѣ края, по большей части ровнаго, протекали рѣки: Нурецъ, Наревъ и Бобръ съ ихъ притоками. Весь край, а особенно прибрежья рѣкъ были полны непроходимыхъ болотъ и обширныхъ лѣсовъ, чѣмъ и теперь еще особенно отличаются берега Бобра до соединенія его съ Наревомъ, мало населенные и въ настоящее время.

Чрезвычайно скудны наши извѣстія о характерѣ, домашней жизни и политической судьбѣ Ятвяговъ. Собравши все, что существуетъ объ этомъ народѣ въ русскихъ и польскихъ хроникахъ, составимъ хоть общее о немъ понятіе. Ятвяги принадлежали нѣкогда къ самымъ воинственнымъ народамъ Сѣверной Европы. Набѣги Ятвяговъ на Русь и Польшу, обозначаемые дикимъ грабежемъ, дѣлали ихъ для окрестныхъ народовъ опасными сосѣдями, а въ оборонѣ собственныхъ жилищъ, страстная привязанность къ отчизнѣ, къ народной свободѣ и языческой вѣрѣ отцовъ обращали дикую отвагу Ятвяговъ въ богатырское мужество. Величайшимъ безславіемъ считался уходъ съ поля битвы, потому не разъ готовы были всѣ погибнуть, нежели отдаться врагу. Лѣтописцы говорятъ объ Ятвягахъ: «Они были непривычны къ отступленіямъ, въ войнѣ не любили уклоняться отъ битвы и не знали обращать тылъ передъ врагомъ.» Бывали случаи, когда имъ приходилось нѣсколько дней сряду выдерживать битву съ превышающимъ непріятелемъ,—дорого продавали они каждую пядь земли, которую должны бы-

---

1) Іоаннъ Лонгинъ или Длугошъ, каноникъ Краковскій, умеръ 1480 года, написалъ: Исторію Польши съ древнѣйшихъ поръ до 1480 года (Historia Polonicae libri XIII. Ab antiquissimis temporibus—1480). См. Лейпцигское изданіе 1712 г.

ли уступать. Не въ обычаѣ Ятвяговъ было сражаться на коняхъ, съ лукóмъ въ рукахъ; но всегда пѣшіе, вооруженные сулицей, наступали они на непріятеля; поражали его также камнями, пущенными изъ пращъ. Не уклоняясь отъ битвы въ открытомъ полѣ, Ятвяги охотнѣе выбирали для боя мѣста недоступныя, среди болотъ, лѣсовъ, нарубленныхъ засѣкъ, въ особенныхъ же случаяхъ защищали свой станъ возами. Существуютъ также извѣстія, что у Ятвяговъ были и укрѣпленные городки. Раздѣленные на общины или волости, подчиненныя отдѣльнымъ начальникамъ, которыхъ лѣтописцы принимаютъ за князей или царьковъ, Ятвяги въ случаѣ нужды соединялись всѣ вмѣстѣ. Значеніе вождей во время войны могло быть не малое, но во время мира преобладало народоправленіе; есть впрочемъ слѣды, что первѣйшіе изъ народа владѣли деревеньками, вѣроятно имѣли также и рабовъ, но непзвѣстно, кто составлялъ послѣднихъ: плѣнные или люди своего народа? Ятвяги не были народъ кочующій, какъ утверждаютъ нѣкоторые. Если же, не разъ вытѣсняемые изъ своихъ жилищъ убійственной войной, которую вносили къ нимъ Мазуры, (жители Мазовіи) Поляки, рыцари Тевтонскіе и Ливонскіе, Русскіе,—Ятвяги принуждены были скитаться и тогда ихъ послѣднимъ убѣжищемъ были глухія пущи занаревскія или недоступныя болота Бобра; пока наконецъ облавы, производившіяся на нихъ какъ на дикихъ звѣрей, не вытѣснили ихъ оттуда до Судавіи или Литвы. Изъ этаго однако нельзя заключать, что Ятвяги до того времени не имѣли постоянныхъ жилищъ. Мы имѣемъ много извѣстій о деревняхъ ятвяжскихъ, о дворахъ князей ихъ, о городкахъ укрѣпленныхъ. Городовъ только не было въ землѣ Ятвяговъ; Русскій князь Даніилъ, заключая съ ними миръ, въ 1259, поставилъ условіемъ, чтобы они начали строить у себя города и не замедлилъ, поставить въ нихъ свои отряды. Такъ какъ мы видимъ у Ятвяговъ постоянныя сельскія жилища, то можемъ допустить, что земледѣліе было имъ не совершенно чуждо. Но народъ, бывшій всегда подъ оружіемъ, видѣлъ въ земледѣліи побочное занятіе, предоставленное можетъ быть исключительно плѣннымъ. Къ тому было выгоднѣе искать продовольствія въ трудахъ болѣе легкихъ: въ рыболовствѣ и въ охотѣ. Пастбищъ было много, рѣки рыбныя, пущи полныя звѣря. Тогда лѣса Подляшскіе оживлялись множествомъ медвѣдей, зубровъ, лосей, оленей, дикихъ коней, множествомъ бобровъ, куницъ, бѣлокъ, доставлявшихъ богатый мѣхъ. Меду и воска въ изобиліи. За шкуры и мѣха звѣрей, за медъ и воскъ, за серебро, добытое разбойническими наѣздами у сосѣдей, Ятвяги отъ тѣхъ же сосѣдей, особенно отъ Русскихъ, получали

въ замѣнъ необходимое количество хлѣба. Враждебныя вторженія сильныхъ сосѣдей: Поляковъ, Русскихъ и Мазуровъ часто заставляли Ятвяговъ покидать отеческія жилища; наконецъ они совершенно, по крайней мѣрѣ, большая часть ихъ, переселились въ Пруссію или къ самымъ границамъ Литвы. Опустѣлыя послѣ нихъ мѣстности были заняты въ разное время новыми поселенцами. Южныя части Ятвязіи, ближайшія къ Бугу, стали населяться Русскими. Значительное число Русскихъ поселилось въ восточныхъ частяхъ. Польша, а въ особенности Мазовія, отправляли поселенцевъ въ Ятвязію съ другихъ сторонъ. Остатки Ятвяговъ съ теченіемъ времени затерялись въ массѣ народностей: Русской, Польской, Литовской. Въ 13-мъ столѣтіи Ятвязія подпала власти князей литовскихъ и ея исторія стала связана съ исторіей Литвы. Послѣ 1569 года, т. е. послѣ окончательнаго соединенія Литвы съ Польшею Ятвязія образовала особое воеводство Подляшское, отошедшее къ Польшѣ.

Теперь только одни названія нѣкоторыхъ мѣстностей сохранили память объ Ятвягахъ. Въ Лидскомъ уѣздѣ Виленской губерніи, между Щучиномъ и Каменкою, существуютъ двѣ деревушки: Ятвескъ Польскій, съ костеломъ Римско-Католическимъ и Ятвескъ Русскій, съ церковью Русскою. Въ уѣздѣ Волковыйскомъ (Гродненской губерніи) существуетъ также деревня Ятвіескъ. Въ уѣздѣ Бѣлостокскомъ (Гродненской губерніи) у болотъ рѣчки Березовой, впадающей въ Боберъ, двѣ деревни: великій и малый Ятвіежъ. Въ уѣздѣ Бѣльскомъ, близъ города Брянска, можно видѣть бродъ на рѣкѣ Бронцѣ, впадающей въ Нурчикъ; бродъ этотъ зовется Куматомъ или Коматомъ, по преданію, отъ Комата, вождя Ятвяговъ. Мы ко всему этому должны прибавить, что во всемъ Подлясьѣ раскопаны значительной величины могилы, насыпные валы и городища, особенно по старой дорогѣ изъ Подлясья въ Литву, а болѣе всего въ окрестностяхъ города Нарева, гдѣ въ прежнія времена была переправа черезъ рѣку Наревъ. Мѣстныя преданія, смѣшивающія времена и народовъ не въ состояніи разъяснить упомянутыхъ остатковъ, а вѣроятно многіе изъ нихъ относятся ко временамъ Ятвяговъ.

Ярошевичъ. [1])

---

1) Ярошевичъ, бывшій профессоръ Виленскаго университета, извѣстенъ своимъ сочиненіемъ: Obraz Litwy. (Картина Литвы). Wilno. 1844.

ФИНЫ.

Семейство Финскихъ народовъ, живущихъ въ настоящее время въ Россіи, можетъ быть раздѣлено на слѣдующія вѣтви.

I. Финны въ тѣснѣйшемъ смыслѣ.

Къ нимъ принадлежатъ: собственные Финны въ Финляндіи, самые образованные и многочисленные изъ всего семейства—до 1,300,000; Чудь въ Новгородской и Олонецкой губерніяхъ до 15,617; Водь въ С. Петербургской губерніи—до 5,148; Эсты въ Витебской (9936), Лифляндской (355,216), Псковской (8000), С. Петербургской (7736) и Эстляндской (252,608); Липы въ Курляндской (2052) и Лифляндской (21); Эвремейсеты въ С. Петербургской—29,344; Савакоты въ С. Петербургской (42,979); Ижоры въ С. Петербургской (17,800); Карелы въ Архангельской (11,228), Новгородской (27,076), Олонецкой (43,810), С. Петербургской (3660), Тверской (84,638), Ярославской (1283).

II. Пермская вѣтвь.

Къ ней принадлежатъ: Зыряне въ Архангельской (6958), Вологодской (64,007); Пермяки въ Вятской губерніи (4,599), Пермской (47,605); Вотяки въ Вятской (181,270), въ Казанской (5500).

III. Волжская вѣтвь.

Къ ней принадлежатъ: Мордва въ своихъ трехъ подраздѣленіяхъ: Мокши, Эрзи и Каратаевъ,—разбросано въ разныхъ губерніяхъ—Казанской (14,867), Нижегородской (53,382), Оренбургской (5200), Пензенской (106,025), Самарской (74,910), Саратовской (78,010), Симбирской (98,968), Тамбовской (48,491); Чуваши въ Казанской губерніи (300,491), въ Оренбургской (8,352), Самарской (29,926), Саратовской (6852), Симбирской (83,714); Черемисы въ Вятской (75,450), Казанской (71,375), Костромской (3357), Нижегородской (4330), Оренбургской (2626), Пермской (7938). Волжская вѣтвь, подвергшись Татарскому вліянію, носитъ сильные слѣды его и этимъ рѣзко отличается отъ своихъ прочихъ Финскихъ собратій.

IV. Угрская вѣтвь.

Къ ней принадлежатъ Остяки, обитающіе въ Томской и

Тобольской губерніяхъ и Вогулы въ Пермской (872) и Тобольской.

V. Лопари или Лапландцы—въ Архангельской губерніи—до 2,289.

VI. Самоѣды составляютъ переходъ отъ Финскаго племени къ Монгольскому, живутъ въ Архангельской губерніи (4495) и въ Сибири по рѣкѣ Обп.

И такъ общее число Финскаго семейства простирается въ настоящее время выше трехъ милліоновъ. [1])

15. Финское племя. [2])

При самомъ разсвѣтѣ Исторіи сѣвера является это удивительное племя въ тѣхъ же мѣстностяхъ, гдѣ оно и теперь: отъ Скандинавіи и богатыхъ озерами береговъ Балтійскаго моря вдоль береговъ Бѣлаго моря, далѣе къ Востоку чрезъ область Волги и оба склона Урала до рѣкъ Иртыша и Оби,—дальнѣйшіе слѣды его идутъ въ самую глубь Азіи къ Алтаю,—съ другой стороны къ горнымъ долинамъ Кавказа и къ берегамъ Каспійскаго и Чернаго морей. Большія народныя движенія, происходившія нѣкогда въ этихъ мѣстностяхъ, разбросали ихъ обитателей. Но какъ не разсѣяно живутъ Финскіе народы на такомъ огромномъ пространствѣ, однако они сохраняютъ поразительное сходство въ устройствѣ тѣла, въ отличительныхъ свойствахъ характера, въ языкѣ, нравахъ. Такое большое сходство этихъ народовъ уничтожаетъ конечно всякое сомнѣніе въ ихъ общемъ происхожденіи. Племенное названіе Финны есть названіе нѣмецкое отъ нѣмецкаго слова Fen или Fenne, что значитъ пастбище, болото, лугъ, низкія мѣста и т. п. Славянское названіе Финновъ Чудь. Сами Финны называютъ себя Суомалайнъ, отъ suo болото и шаа или шаземля. И такъ Финнъ какъ въ нѣмецкомъ такъ и въ народномъ языкѣ означаетъ жителя болотной, влажной низменности. Начальный Русскій лѣтописецъ перечисляетъ слѣдующимъ образомъ народы Финскаго племени, вошедшіе въ составъ Рус-

---

1) Замѣчательные труды по Финскому племени принадлежатъ: Шегрену (Ioh. Andreas Sjógren,s Gesammelte Schriften. Band I. Historischethnographische Abhandlungen über den finnisch-russischen Norden. S. Petesrburg, 1861. Band 2. Liuische Grammatik und Livisches Wórterbuch); Кастрену (См. ниже); Видеманну (Widemann: Ueber die fruheren Sitze der Tschudischen Volker und ihre Sprachverwandtschaft mit den Völker Mittelhochasiens. Reval, 1838 и друг); Шифнеру (Schiefner: Kleinere Beitrage zur finnischn Mythologie. 1852 и друг.); Фердинанду Мюллеру (F. G. Müller. Der ugrische Volksstamm); Петру Кеппену (хронологическій указатель матеріаловъ для исторіи Инородцевъ Европ. Россіи Спб. 1861.)

2) Въ этой статьѣ помѣщены древнѣйшія извѣстія о Финнахъ.

ского государства: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печора, Ямь. Въ послѣдствіи онъ упоминаетъ еще на самомъ дальнемъ сѣверѣ Самоядь и Югру. Въ половинѣ IX вѣка южныя границы Финскаго племени съ Славянскимъ можно положить въ области Москвы рѣки, гдѣ Финны должны были сталкиваться съ Славянскимъ племенемъ Вятичей. Селенія Вятичей должны были уже соприкасаться съ селеніями Финскихъ племенъ, потому что въ Бронницкомъ уѣздѣ Московской губерніи находимъ рѣку Мерскую или Нерскую, которая именемъ своимъ ясно показываетъ, что протекала чрезъ старинную землю Мери. На западѣ, у береговъ Балтійскаго моря, Финны имѣли сосѣдями Литовскій народъ Летголу (Латышей).

Лѣтописецъ такъ разсѣляетъ разные Финскіе народы: По теченію Оки и при впаденіи ея въ Волгу живутъ по его словамъ Мурома, Черемиса, Мордва. Перешедши на лѣвый берегъ Оки къ сѣверу, онъ указываетъ жилища Мери и Веси: «на Бѣлѣ-озерѣ сидитъ Весь (Финское Vesi—вода), а на Ростовскомъ озерѣ Меря, и на Клещинѣ озерѣ тоже Меря;» другіе Финскіе народы онъ помѣщаетъ на дальнемъ сѣверѣ, по Балтійскому морю и Ледовитому океану. Подъ Чудью слѣдуетъ разумѣть у Нестора Ливовъ и Эстовъ, Финскихъ жителей нынѣшней Лифляндіи и Эстляндіи. Рядомъ съ Чудью, въ нынѣшней Петербургской губерніи жилъ, упоминаемый позже въ Русскихъ лѣтописяхъ Финскій народъ Водь. [1]) За Водью слѣдовала Ямь или Емь (Финское Näm—значитъ мокрый, водяной), народъ, жившій въ нынѣшней южной Финляндіи. Позже упоминается Корела, многочисленный Финскій народъ, жившій вокругъ Ладожскаго и Онѣжскаго озеръ. Финское населеніе у береговъ Онѣги, Сѣверной Двины называлось позже у Русскихъ Заволочьскою Чудью. [2]) Дальнѣйшій сѣверо востокъ былъ населенъ разными племенами Финскими подъ названіемъ Перми, Печоры, Югры. Пермь жила въ нынѣшнихъ Пермской и Вологодской губерніяхъ, близъ рѣкъ Камы, Вычегды и другихъ. Въ глубокой древности Пермскій край былъ извѣстенъ Скандинавамъ и у Скандинавскаго путешественника

---

1) Слово Водь или Воть есть Финское: Ватья-Лайсетъ и происходитъ онтъ слова Ваддя, Водая, что значитъ болотистая земля.

2) Здѣсь подъ Заволочьемъ вѣроятно разумѣли земли у Сѣверной Двины, лежавшія за нѣсколькими волоками озеръ и рѣкъ. Въ настоящее время, въ этихъ мѣстахъ господствуетъ Русское населеніе, но въ мѣстныхъ преданіяхъ сохранились темныя воспоминанія о томъ, что жилъ какой-то народъ Чудь, воевалъ съ Русскими и былъ истребленъ. Въ разныхъ мѣстахъ показываютъ высокія могилы, гдѣ лежатъ грудами тѣла павшихъ въ этой борьбѣ.

IX вѣка Отера называется Біарміей—испорченное названіе Перми. Рядомъ съ Пермью, далѣе къ сѣверу, у рѣки Печоры жилъ Финскій народъ, называемый у Нестора Печора. Ученые полагаютъ, что этимъ именемъ назывались прежде нынѣшніе Зыряне, Финскіе обитатели восточныхъ частей губерній Вологодской и Архангельской. Наконецъ далѣе за хребтомъ Уральскимъ, уже перейдя границы Европы, жили Югра по обѣимъ сторонамъ рѣкъ Оби и Нижняго Иртыша. Подъ Югрой Нестора можно разумѣть Остяковъ и Вогуловъ, теперешнихъ Финскихъ обитателей упомянутыхъ мѣстностей. Отдаленность Югры была причиною разныхъ сказочныхъ извѣстій о ней. Тамошніе люди, говорили объ Югрѣ: «какъ настанетъ Юрьевъ осенній день, засыпаютъ мертвецкимъ сномъ и спятъ до Юрьева весенняго, а тогда оживаютъ. Съ ними ведутъ торговлю народы: Грустинцы и Серпентовцы,—торговлю чудную: нигдѣ такъ не торгуютъ. Готовясь спать или, лучше сказать, замирать Югорцы кладутъ на извѣстныя мѣста товары; во время сна приходятъ купцы изъ земли названныхъ выше народовъ, берутъ товары, а на мѣсто ихъ свои кладутъ; случается, что, проснувшись, Югорцы бываютъ недовольны мѣною: отсюда у нихъ съ сосѣдями споры и войны случаются. Край Югорскій неизмѣримо, богатъ. Золота и другихъ камней много. Есть тамъ у язычниковъ идолъ, называется Золотая баба: изображаетъ женщину съ младенцемъ сыномъ; а близъ ней еще ребенокъ: этого внукомъ зовутъ. Подлѣ золотой бабы кладутъ такіе инструменты, которые издаютъ звукъ и т. п.» Рядомъ съ Югрою, далѣе къ сѣверу, у самыхъ береговъ Ледовитаго океана жила Самоядь.

Темно происхожденіе и дальнѣйшая судьба Финскаго племени. «Ни одинъ изъ этихъ древнѣйшихъ, многочисленныхъ, широко распространившихся народовъ,» говоритъ Шлецеръ, извѣстный изслѣдователь Исторіи сѣвера, «никогда не игралъ на всемірной сценѣ, какой-либо роли, исключая развѣ Венгровъ, ни одинъ изъ нихъ не являлся на значительное время самостоятельно существующимъ, не произвелъ ни одного завоевателя, но всѣ они были вообще добычею дѣятельныхъ, могучихъ сосѣдей, потому и не имѣютъ своихъ собственныхъ лѣтописей, но ихъ исторія заключается въ лѣтописяхъ ихъ побѣдителей.» Съ этимъ однако не согласны новѣйшіе изслѣдователи Финскаго племени и признаютъ за нимъ всемірно-историческое значеніе. «До послѣднихъ временъ,» говоритъ Кастренъ, «на все Финское племя не обращали почти никакого вниманія. Не зная древнѣйшихъ судебъ его, разбросанныя вѣтви его почитали безполезными побѣгами родоваго древа человѣчества, ко-

торое историкъ преспокойно обрубалъ, предавая забвенію и гибели. Если въ послѣднее время воззрѣнія на это племя начали измѣняться, то этимъ мы по преимуществу обязаны Петербургской Академіи наукъ. Ученыя экспедиціи, посылаемыя ею для обработки этнографіи, статистики и естественной исторіи Россіи, обнаружили мало по малу связь существующую между живущими въ Россіи народами Финскаго происхожденія. И такъ какъ оказалось, что вѣтви Финскаго племени съ древнѣйшихъ временъ сосредоточились около Уральскихъ горъ, то и начали обозначать все племя названіемъ Уральскаго и придавать ему не малое значеніе во всемірной исторіи. Историографъ Финскаго племени Ф. Г. Мюллеръ, говоритъ, что къ этому племени «принадлежатъ многіе народы, прославившіеся воинными подвигами и торговою дѣятельностью, и что именно Финскіе народы дали сильнѣйшій толчекъ тѣмъ передвиженіямъ народовъ, которыя въ Европѣ извѣстны подъ названіемъ великаго переселенія народовъ.»

Древнѣйшее извѣстіе о Финнахъ принадлежитъ Тациту (2 ст.). «Я не знаю,» говоритъ онъ, «куда отнести Певцыновъ, Венедовъ и Финновъ (Fenni—Финны); къ Сарматамъ или къ Германцамъ? Финны чрезвычайно дики и отвратительно бѣдны; они не имѣютъ ни оружія, ни лошадей, ни домовъ; трава ихъ пища, шкура одежда, и земля постель. Вся ихъ защита стрѣлы, заостренныя, по недостатку желѣза, костями. Охота составляетъ занятіе одинаково и мужчинъ и женщинъ: они отправляются вмѣстѣ, и каждый имѣетъ свою часть въ добычѣ. Дѣти не имѣютъ другаго спасенія отъ дождя и дикихъ звѣрей, кромѣ шалаша изъ вѣтвей: сюда возвращаются съ охоты молодые, здѣсь отдыхаютъ старики. «Но они», продолжаетъ Тацитъ, «считаютъ себя счастливѣе тѣхъ, которые вздыхаютъ надъ плугомъ, устаютъ при постройкѣ домовъ, мучатся страхомъ за свое имущество и жаждою чужаго добра. Не боясь ни несправедливости людей, ни гнѣва боговъ, они достигли того, что болѣе всего трудно: имъ ничего не нужно желать.»

Въ сказаніяхъ Скандинавовъ Финны являются искусными кузнецами; Финскіе мечи славятся по всему сѣверу.

У Славянъ Финны были извѣстны какъ волхвы, чародѣи, гадатели. «Случилось одному Новгородцу,» разсказываетъ Несторъ, «быть у Чуди и онъ зашелъ тамъ для гаданія къ кудесницу; тотъ по обычаю сталъ призывать бѣсовъ въ свою избу. Новгородецъ сидѣлъ на порогѣ той же избы, кудесникъ лежалъ оцепенѣвъ: бѣсъ его ударилъ; наконецъ, поднявшись, сказалъ Новгородцу: «боги не смѣютъ придти, на тебѣ что то такое, чего они боятся. Новгородецъ вспомнилъ, что на немъ надѣтъ

крестъ, снялъ его и вынесъ изъ избы. Кудесникъ сталъ опять призывать бѣсовъ, они, пометавъ его, наконецъ дали отвѣтъ на то, что спрашивалъ Новгородецъ. Почему ваши боги боятся того, что мы на себѣ носимъ? спрашивалъ потомъ Новгородецъ. Это есть знаменіе небеснаго Бога и наши боги боятся его, отвѣчалъ кудесникъ. А каковы ваши боги и гдѣ живутъ? Боги Наши въ безднѣ живутъ,—видомъ они черные, крылатые, съ хвостами, всходятъ подъ небо, повинуясь нашимъ богамъ, потому, что ваши боги на небесахъ, и если кто изъ вашихъ людей умретъ, того несутъ на небо, а кто изъ нашихъ умираетъ, того несутъ къ нашимъ богамъ въ бездну.»

О мѣновой торговлѣ Финновъ любопытныя свѣденія сообщаютъ Арабскіе писатели. «Весь, пишетъ Бакуви, 1) «есть земля по ту сторону Булгаровъ (народа жившаго при Волгѣ и Камѣ), разстояніемъ отъ нихъ на 3 мѣсяца пути: день тамъ бываетъ очень длиненъ, а за нимъ слѣдуетъ столь же длинная ночь. Когда Булгары приходятъ туда для торговли, то раскладываютъ свои товары на одномъ мѣстѣ, гдѣ и оставляютъ ихъ на нѣкоторое время, потомъ приходятъ опять и подлѣ своихъ товаровъ находятъ то, что жители хотятъ имъ за нихъ дать; если они довольны, то берутъ,—нѣтъ, — оставляютъ, ожидая придачи. При этомъ, ни покупщикъ, ни продавецъ не видятъ другъ друга. Жители Веси не ходятъ въ землю Булгаровъ отъ того, что не могутъ снести тамошняго лѣта. «Эта страна мрака» (Югра), пишетъ Ибнъ Батута 2), «лежитъ въ сорока дняхъ пути отъ Булгара (столицы Волжскихъ Болгаръ), и путешествія совершаютъ туда въ небольшихъ повозкахъ (арба), на собакахъ. Почва этой степи мерзлая; нога человѣка или лошади не можетъ на ней устоять: потому и употребляютъ собакъ, у которыхъ есть когти. Путешествія предпринимаютъ только достаточные купцы; каждый изъ нихъ отправляетъ до ста повозокъ съ нужнымъ запасамъ пищи, питья и дровъ, потому что тамъ нѣтъ ни дерева, ни камня, ни земли. Путеводителемъ служитъ собака, бывшая уже нѣсколько разъ въ этой странѣ: такія собаки очень дороги, и за нихъ даютъ до тысячи динаровъ (золотыхъ). Ее запрягаютъ въ повозку впереди, а позади ея трехъ другихъ, которыя уже слѣдуютъ за нею, какъ за вожакомъ. Она остановится, и тѣ тоже. Никогда не ударитъ и не выбранитъ ее хозяинъ, и скорѣе съ

---

1) Бакуви, род. въ Баку при Каспійскомъ морѣ, Арабскій географъ XV. ст., но пользовавшійся старинными Арабскими извѣстіями.

2) Арабскій писатель XIV вѣка, посѣтившій Булгаръ на Волгѣ около 1324 года.

нею, чѣмъ съ человѣкомъ, подѣлится онъ своею пищею. Не сдѣлай онъ этаго, собака осердится, убѣжитъ, и тѣмъ самымъ пропадетъ вся ея цѣна. Послѣ сорока дней пути этою степью, путники останавливаются въ странѣ мрака, выкладываютъ привезенные товары, и уходятъ на мѣсто своей стоянки. На другое утро они возвращаются туда, гдѣ оставили товары, и находятъ тамъ для обмѣна соболей, бѣлокъ и горностаевъ. Если торговецъ доволенъ мѣною, то беретъ ее тотчасъ съ собою; въ противномъ случаѣ оставляетъ ее на мѣстѣ, вмѣстѣ съ своимъ товаромъ. На слѣдующій день жители дѣлаютъ прибавку къ мѣхамъ, и купцы берутъ ихъ, оставляя въ замѣнъ свои товары. Такимъ образомъ происходитъ ихъ купля и продажа. Тѣ, которые тамъ бываютъ, не знаютъ съ кѣмъ они ведутъ торговлю, съ людьми или духами; они никого не видятъ въ лицо. Подобнымъ же образомъ о мѣновой торговлѣ финскихъ народовъ разсказывалъ Нестору одинъ богатый Новгородецъ Гюрята Роговичь. «Послалъ я,» говорилъ онъ, «своего отрока къ Печорѣ, народу платящему дань Новгороду; отъ Печоры отрокъ пошелъ къ Югрѣ. Югра же народъ съ языкомъ нѣмымъ (непонятнымъ) и живетъ въ сосѣдствѣ съ Самоядью, въ полунощныхъ (сѣверныхъ) странахъ; Югра говорили отроку моему: дивное явленіе встрѣчаемъ мы, о которомъ прежде никогда не слыхали; теперь, вотъ ужь третій годъ какъ оно существуетъ. Зайдя луку моря (морскую губу), есть горы, подъ небеса высотою, и въ этихъ горахъ слышенъ великій шумъ и крикъ: люди живутъ въ срединѣ горы, рубятъ гору, силятся освободиться; въ горѣ той они просѣкли маленькое оконце, выглядываютъ оттуда и кричатъ; но разобрать ихъ языка нельзя: они только показываютъ на желѣзо и дѣлаютъ знакъ рукою, прося желѣза, кто дастъ имъ ножъ или топоръ, они въ замѣнъ даютъ звѣриныя шкуры. Путь къ тѣмъ горамъ идетъ непроходимыми пропастями, лѣсомъ, снѣгами, такъ, что и мы не всегда доходимъ къ нимъ, есть же горы и еще далѣе къ сѣверу.»

Финны, древнѣйшіе обитатели Восточной Европы, имѣли не завидную участь: съ трехъ сторонъ тѣснили ихъ народы Славянскаго, Германскаго и Турецкаго племени. Мы видимъ, какъ Финны постоянно уступаютъ предъ Славянами, подчиняются вліянію ихъ народности, поглощаются ими. Славянское племя воспиталось при болѣе благопріятныхъ, природныхъ обстоятельствахъ и, уже окрѣпнувъ на югозападѣ, явилось среди Финновъ на сѣверовостокѣ. Потомъ, славянскія племена соединяются подъ одною властію, чрезъ это единство пріобрѣтаютъ силу матеріальную, а также и начатки образованности,— образованности христіанской, и такимъ образомъ получаютъ надъ

финскими племенами матеріальное и духовное преимущество, предъ которымъ тѣ и должны были преклониться. Во сколько здѣсь участвовало племенное различіе между Славянами и Финнами, во сколько Славяне своимъ племеннымъ характеромъ превосходили Финновъ, трудно рѣшить.

16. О первоначальномъ мѣстопребываніи Финновъ.

1849 г.

Вопросъ о томъ, гдѣ находилась колыбель финскаго народа служилъ и прежде и въ настоящее время служитъ постояннымъ предметомъ изслѣдованій ученыхъ. Историки, филологи, естествоиспытатели старались, каждый по своему, разъяснить этотъ темный вопросъ, остающійся и теперь еще не разъясненнымъ. Здѣсь не можетъ быть рѣчи о первобытной родинѣ финскаго племени. Я желаю только указать мѣсто на земной поверхности, гдѣ это племя жило еще въ цѣльномъ видѣ, не раздѣленное на вѣтви, жило какъ одна народная семья.

Извѣстно, что Финны, съ тѣхъ поръ, какъ начинается ихъ достовѣрная исторія, жили отчасти въ Азіи, отчасти въ различныхъ мѣстахъ Европы, отдѣленные другъ отъ друга большими пространствами. Слѣды ихъ нашли въ Швеціи, Даніи, Германіи и Англіи. Значительная полоса Россіи и Восточной Сибири занята еще и теперь финскимъ племенемъ. Коренное населеніе Венгріи принадлежитъ также къ Финнамъ. Знаменитые изслѣдователи высказали догадку, что древніе обитатели Испаніи Иберійцы и потомки ихъ, такъ называемые Баски, тоже финскаго происхожденія. Если подвергнуть разсмотрѣнію эти мѣстности, находящіяся въ такомъ дальнемъ другъ отъ друга разстояніи и занимаемыя Финнами, то возникаетъ неизбѣжно вопросъ: на какомъ мѣстѣ земной поверхности жили эти народы еще въ общей связи другъ съ другомъ? Съ этой точки зрѣнія хочу я разсмотрѣть вопросъ о первоначальномъ мѣстопребываніи Финновъ. Для точнѣйшаго разъясненія этаго предмета чрезвычайно важно хоть въ общихъ чертахъ коснуться родственныхъ отношеній Финновъ и всего финскаго племени. Мнѣнія ученыхъ здѣсь очень различны. Одни причисляютъ Финновъ къ желтому или Монгольскому племени, другіе держатся того мнѣнія, что Финны должны быть отнесены къ бѣ-

лому или Индо-европейскому племени, наконецъ нѣкоторые принимаютъ какое-то особое сѣверное или полярное племя и причисляютъ къ нему Финновъ, Самоѣдовъ и многихъ другихъ сѣверныхъ народовъ. Мнѣ кажется, что Финны, Турки и Самоѣды составляютъ одну замкнутую группу, которая образуетъ, такъ сказать, связывающее звѣно между племенами Монгольскимъ и Кавказскимъ. Родство Турокъ и Финновъ уже давно признано филологами, а изъ естествоиспытателей профессоръ Ретціусъ (Retzius) въ Стокгольмѣ также недавно призналъ его. Что касается Самоѣдовъ, то ихъ родство съ Финнами подвергалось иногда сомнѣнію со стороны естествоиспытателей, но филологъ не можетъ не признать общаго происхожденія Самоѣдовъ съ Финнами и Татарами. Здѣсь не мѣсто [1]) исчислять всѣ доказательства этаго родства, основанныя какъ на филологическихъ изслѣдованіяхъ, такъ и на изслѣдованіяхъ естествоиспытателей. Скорѣе слѣдовало бы перейти къ разсмотрѣнію родства въ нравахъ, обычаяхъ, религіи, понятіяхъ и чувствованіяхъ упомянутыхъ народовъ; но какъ и это вышло бы изъ границъ моего разсказа, то я обращу вниманіе только на одно обстоятельство, которое по моему мнѣнію наиболѣе важно. Это есть безпредѣльная, необыкновенная вѣра, которую имѣли и теперь еще отчасти имѣютъ эти народы въ чудодѣйственную силу пѣснопѣнія. Они были увѣрены, что пѣніемъ можно побѣдить всякаго врага, отклонить всякую опасность, помочь отъ всякой болѣзни, укротить дикихъ звѣрей, однимъ словомъ, можно невозможное привесть въ дѣйствительность. Они ставили пѣніе на равнѣ съ мудростію и считали его высшимъ даромъ. Имѣя сильную вѣру въ свой мечъ, они все таки пѣнію приписывали гораздо большую силу. Въ древнихъ пѣсняхъ Финновъ мы читаемъ, что храбрѣйшіе герои успѣвали болѣе своимъ пѣніемъ, чѣмъ оружіемъ, и если среди своихъ дѣйствій они иногда забывали какое нибудь слово, то никакая сила не могла имъ помочь, забытое слово должно быть найдено, если бы оно и было погребено въ гробницѣ Випуна или въ пустынномъ царствѣ Туони. 2) Также поютъ дикіе Татары и Самоѣды о могучихъ геронхъ, которые обходятъ всѣ моря и земли, чтобы достигнуть обладанія сильнымъ словомъ, всепокоряющаго пѣснопѣнія и мудрости. Пѣніе по понятію Финновъ производило такое удивительное дѣйствіе, что даже боги слушали съ восхищеніемъ звуки его. Саги Татаръ говорятъ тоже, что небесные боги направляютъ свой слухъ къ

1) Эта рѣчь читалась г. Кастреномъ на литературномъ вечерѣ, 9 Ноября, 1849 г., въ память извѣстнаго финскаго ученаго Портана.

2) См. ниже ст-: Языческая религія Финновъ.

пѣнію смертныхъ, и что даже мрачныя силы подземнаго міра спѣшатъ въ область свѣта, чтобы оживиться звуками арфы. Эту необыкновенную, восхищающую силу приписывали въ особенности магическимъ или чародѣйскимъ пѣснямъ. Кромѣ нихъ упомянутые народы имѣютъ еще большой запасъ эпическихъ и лирическихъ произведеній. Каждый видъ этихъ пѣсенъ могъ бы служить богатымъ матеріаломъ для сравненій. Что касается лирическихъ пѣсенъ Финновъ и Самоѣдовъ, то ихъ характеръ вполнѣ такой же, какъ у языческихъ Турокъ или Татаръ. Изъ самаго положенія этихъ народовъ уже можно заключить, что въ ихъ пѣсняхъ нельзя ожидать никакихъ радостныхъ, восхитительныхъ мечтаній о счастіи и блаженствѣ, напротивъ, ихъ пѣсни подобны глубокимъ стонамъ, которые вырываются наружу изъ страждущаго, удрученнаго заботами сердца. «Мою арфу», такъ поетъ финская муза, «создали заботы; изъ несчастій образовалось дерево, заботы натянули струны и она не издаетъ веселыхъ звуковъ: «заботами образовалась, горемъ составилась.» Вотъ характеръ финской арфы. Рѣдко слышенъ въ ней голосъ радости, напротивъ, она въ разныхъ видахъ представляетъ намъ заботы и страданія человѣческаго сердца,—такой же характеръ встрѣчаемъ мы и въ лирическихъ пѣсняхъ Самоѣдовъ и Татаръ. Вотъ какъ гласитъ одна ихъ нихъ. «Когда меня отдали мужу, сильно плакала я при разлукѣ сълюбимой матушкой: не долго прожила я съ мужемъ, съ добрымъ другомъ и горе исчезло. Думала прежде: нѣтъ горя болѣе разлуки съ матерью, теперь я узнала другое: умеръ добрый мужъ, я плачу по немъ больше чѣмъ прежде при разлукѣ съ матерью. Онъ мнѣ оставилъ четырехъ малютокъ; о! когда забуду я скорбь мою, скорбь дѣтей моихъ? Живу теперь, часть страданій смягчая пѣснію, другуюомываю слезами.»

Объ этой пѣснѣ уже многіе говорили, что ее нельзя никакъ отличить отъ Финскихъ; тоже самое можно сказать вообще о пѣсняхъ Самоѣдовъ и Татаръ. Такое большое сходство не можетъ быть случайнымъ, но конечно основано на родствѣ этихъ народовъ другъ съ другомъ. Сходство встрѣчаемое и въ эпическихъ пѣсняхъ этихъ народовъ указываетъ также на это родство. Уже самое содержаніе этихъ пѣсенъ одно и тоже. Въ Финскихъ, героическихъ пѣсняхъ цѣлью героическихъ подвиговъ служитъ обыкновенно рука дѣвицы. Тоже самое видимъ въ пѣсняхъ Татаръ и Самоѣдовъ. Едва можно найти между ними хотя одно произведеніе, въ которомъ геройскій поступокъ не былъ бы связанъ съ обладаніемъ руки дѣвицы, славящейся красотой, рожденіемъ и богатствомъ. Справедливо, что предметъ этотъ воспѣтъ многими Европейскими народами, особенно въ прекрас-

времена рыцарства, но понятно, что дикіе народы Азіи не могли смотрѣть на предметъ этотъ съ такой же точки зрѣнія какъ образованныя Европейскія націи. Что касается временъ рыцарства, то геройскій подвигъ служилъ тогда только средствомъ, которымъ рыцарь пріобрѣталъ любовь и привязанность дѣвицы. Послѣ долговременнаго томленія подъ гнетомъ рабства и униженія, съ побѣдою христіанства надъ варварствомъ было утверждено за женщиною одно изъ священнѣйшихъ правъ ея располагать своею рукою и съ полною свободою выражать свои чувства. Въ духѣ рыцарства было, что дѣвушка отдавала сердцу свое тому, кто уносилъ лавры съ поля сраженія. Надежда заслужить благосклонность дѣвицы поощряла рыцаря къ благородному дѣлу, была для него путеводной звѣздой, приводившей его къ побѣдѣ чрезъ тысячу опасностей. Такимъ характеромъ отличается содержаніе героическихъ пѣсенъ и сказокъ среднихъ вѣковъ. Другое основаніе имѣютъ героическія пѣсни у народовъ, о которыхъ идетъ здѣсь рѣчь. У этихъ народовъ женщина была прежде, а отчасти и теперь, притѣсненная, пренебрегаемая раба, созданіе лишенное воли, товаръ, который было можно мѣнять на другіе. Ей не дозволялось имѣть въ жизни никакихъ желаній, тѣмъ менѣе она могла ихъ высказывать; разумъ приказывалъ ей искоренять подобно плевеламъ всякое исполненное надеждъ чувство, которое по законамъ природы возникало въ груди ея. Рожденная быть рабой, она должна терпѣливо сносить, какъ отецъ и братъ торгуютъ сердцемъ ея. Сама она въ этомъ торгѣ не имѣетъ голоса. Если положеніе женщины такъ стѣсненно, такъ страдательно, спрашивается: какъ могла она служить мотивомъ геройскихъ подвиговъ? Что могло заставить мужа подвергать себя опасности ради слабой, униженной, всѣми пренебрегаемой рабы? Не ищутъ вѣдь ея любви и привязанности, но хотятъ только обладать ею, этаго же можно достигнуть посредствомъ нѣсколькихъ оленей и лошадей. Къ чему же состязаніе? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, я принужденъ привесть статью изъ закона о бракахъ у Самоѣдовъ и Татаръ. Статья эта постановляетъ, чтобы брачный союзъ не совершался между лицами одного и того же племени, но обѣ договаривающіяся стороны должны необходимо принадлежать къ различнымъ племенамъ. Въ древнія времена племена эти были въ постоянной враждѣ между собою. Дорога къ чужому племени пролагалась, выражаясь словами героическихъ пѣсенъ, остріемъ меча мужа и борьбою героя. Мирнымъ способомъ рѣдко было можно добыть женщину изъ враждебнаго рода. Къ этому присоединяется то, что господствующее многоженство производило сильный сбытъ женщинъ, потому

молодыхъ дѣвушекъ искали и пріобрѣтали съ большимъ трудомъ. Въ самыхъ лучшихъ случаяхъ брачные союзы не могли заключаться безъ продолжительныхъ переговоровъ, болѣе или менѣе значительныхъ издержекъ и другихъ неудобствъ. Чтобы разомъ устранить всѣ эти препятствія и затрудненія случалось не рѣдко, что сильный пріобрѣталъ себѣ жену вооруженною рукою. Такого рода геройскіе подвиги прославляютъ преимущественно Татары и Самоѣды въ своихъ пѣсняхъ. Я убѣжденъ, что эти подвиги составляютъ главную основу, на которую опиралась Финская героическая пѣснь, хотя она приняла позже болѣе мягкій, человѣческій характеръ. Право женщины располагать своей участью уже отчасти признается въ героическихъ пѣсняхъ. Въ этихъ произведеніяхъ дѣвушка ставитъ условіемъ достиженія ея благосклонности отличіе ищущаго ея руки мужчины въ какомъ либо доблестномъ, геройскомъ подвигѣ. Однако сквозь этотъ рыцарскій оттѣнокъ проглядываетъ иногда какая нибудь Азіятская черта. Подобно Татарамъ и Самоѣдамъ Финны дѣлились также въ древнія времена на отрасли, которыя жили въ постоянной враждѣ между собою. Древнія пѣсни говорятъ только о двухъ отрасляхъ; преданіе знаетъ гораздо больше, нѣкоторыя изъ нихъ живутъ и теперь въ недружелюбныхъ отношеніяхъ двугъ съ другомъ. Не смотря на гнѣвъ и вражду, которыя эти племена питаютъ другъ къ другу, Финскій герой долженъ былъ, какъ говорятъ древнія пѣсни, избрать себѣ невѣсту изъ чужаго рода. Если имѣлъ намѣреніе жениться, то былъ принужденъ «надѣть кольчугу, шлемъ или по крайней мѣрѣ взять шапку, полную золота или серебра.» Древнія Финскія руны [1]) говорятъ ясно, что ихъ герои считали непристойнымъ овладѣвать сплою оружія рукой дѣвицы. Это тѣмъ болѣе даетъ поводъ думать, что шапка съ золотомъ и серебромъ была лучшимъ сватомъ у древнихъ Финновъ. Однимъ словомъ въ Финскихъ, Тюркскихъ и Самоѣдскихъ героическихъ пѣсняхъ находимъ мы въ началѣ одинакія, основныя черты. Но эти черты, какъ мы уже выше сказали, въ Финскихъ пѣсняхъ значительно смягчились и облагородились. Духъ средне-вѣковаго рыцарства проникъ въ обширныя Финскія долины и оставилъ свой отпечатокъ на Финскихъ героическихъ пѣсняхъ, которыя въ настоящемъ ихъ видѣ имѣютъ большое сходство съ рыцарскими пѣснями Германскихъ народовъ.—Вообще при разсмотрѣніи вопроса о родствѣ Финновъ съ Турками и Самоѣдами слѣдуетъ принять во вниманіе, что многія отрасли Финскаго племени въ теченіе болѣе тысячи

1) Runa—пѣснь.

лѣтъ были въ ближайшемъ соприкосновеніи какъ съ Германскими такъ и съ Славянскими народами, которые прививали свою образованность къ упомянутымъ племенамъ и значительно сглаживали ихъ первоначальный характеръ. Уже то, что было сказано, указываетъ ясно на сходство Финновъ съ языческими Турками и Самоѣдами и едва ли можно сомнѣваться въ родствѣ этихъ народовъ другъ съ другомъ. Родственныя націи какъ и родственныя личности должны были имѣть одну общую родину, изъ которой всѣ они вышли. Несомнѣнно, что было время, когда Финны, Турки, Самоѣды жили въ братскомъ единствѣ другъ съ другомъ. Но если бы изслѣдователь въ силу своихъ правилъ, которыя запрещаютъ ему принимать что нибудь и вѣрить въ принятое безъ точнѣйшихъ доказательствъ, сталъ сомнѣваться въ родствѣ упомянутыхъ трехъ народовъ, то, во всякомъ случаѣ, неоспоримое сходство ихъ языка, обычаевъ и образа жизни даетъ право принять, что они по крайней мѣрѣ въ древнѣйшія времена жили въ ближайшей связи другъ съ другомъ и что они должны были имѣть нѣкогда одно общее жилище на земной поверхности. Исторія не оставила намъ извѣстій о древней родинѣ Финновъ и если намъ удастся получить о ней какое либо достовѣрное свѣдѣніе, то мы достигнемъ этаго только при знакомствѣ съ древнѣйшимъ мѣстопребываніемъ Турецкихъ и Самоѣдскихъ народовъ.

Въ продолженіи многихъ лѣтъ трудился я надъ языкомъ, исторіей и остальными чертами Самоѣдовъ и пришелъ къ тому достовѣрному результату, что Самоѣды вышли изъ верхней Азіи и населяли прежде земли около Саянскихъ горъ или верхней части рѣчной системы Енисея. Здѣсь нашелъ я много Самоѣдскихъ народцевъ, окруженныхъ Турецкимъ и Монгольскимъ населеніемъ. Изъ всѣхъ оставшихся тамъ Самоѣдовъ,— только одинъ малый народецъ или такъ называемый улусъ сохранилъ свою національность, остальные народцы почти всѣ приняли языкъ, обычаи, образъ жизни Монголовъ и Турокъ. Они не помнятъ своего Самоѣдскаго происхожденія, но оно ясно видно изъ языка и другихъ обстоятельствъ. Такъ напримѣръ: я открылъ у Сайотовъ, живущихъ внутри китайскихъ границъ, нѣсколько названій, встрѣчающихся у Самоѣдовъ, странствующихъ по берегамъ Ледовитаго океана. И такъ не можетъ быть никакого сомнѣнія въ общемъ происхожденіи сѣверныхъ и южныхъ Самоѣдовъ. Можетъ быть, кто нибудь изъ ученыхъ, принимающихъ полярное племя, возразитъ, что южные Самоѣды могли переселиться съ береговъ Ледовитаго океана въ настоящее ихъ жилище, внутри Саянскихъ горъ; но такое предположеніе противно свидѣтельству исторіи: какъ бы ни

были отдаленны воспоминанія о человѣчествѣ, однако достовѣрно то, что народныя движенія шли всѣ съ юга на сѣверъ, а не обратно. Принятіе полярной расы, которая имѣла будтобы колыбель свою у покрытыхъ льдинами береговъ Сѣвернаго океана, лишено вѣроятности. Что касается особенно Самоѣдовъ, то и родство ихъ съ Турками говоритъ также о выходѣ съ юга. Тоже подтверждаютъ и собственныя ихъ преданія, которыя ясно указываютъ на Саянскія горы, какъ на то мѣсто земной поверхности откуда Самоѣдское племя распространилось по сѣверной Азіи и Европѣ.

У многихъ Азіятскихъ народовъ въ большомъ ходу преданіе, что въ древнѣйшія времена они жили всѣ совокупно у большой горной цѣпи и потомъ разошлись по равнинамъ. Это преданіе безъ сомнѣнія имѣетъ истинную основу и заключаетъ въ себѣ извѣстіе о большомъ наводненіи, затопившемъ по свидѣтельству родственныхъ народовъ землю, и принудившемъ жителей искать спасенія на высочайшихъ горныхъ вершинахъ Греки, Евреи, Китайцы, Тибетцы, Индусы, даже Американцы имѣютъ преданія объ этомъ потопѣ. На разныхъ мѣстахъ земной поверхности по имени извѣстны тѣ горы, которыя во время потопа спасли человѣчество отъ совершенной погибели. Я считаю вѣроятнымъ, что подымающіяся къ небу вершины Саянскихъ горъ, послужили Самоѣдамъ мѣстомъ высадки во время всемірнаго потопа. По крайней мѣрѣ слѣдуетъ принять въ удостовѣреніе то, что Самоѣдское племя уже съ ранняго времени жило близъ этой горной цѣпи и здѣсь исчезаютъ слѣды его. Какъ непрерывное продолженіе Саянскихъ горъ подымается группа горъ Западныхъ Алтайскихъ, узломъ которыхъ служитъ Большой Алтай, распространяющійся между источниками Оби и Иртыша. Другой могучій узелъ Алтайскихъ горъ, носящій имя Тангну-Ола лежитъ къ Югу отъ Енисея, не далеко отъ Саянскихъ горъ. По указанію Китайскихъ источниковъ Великій Алтай и Тангну-Ола были первоначальнымъ мѣстопребываніемъ Турецкихъ племенъ. Два знаменитѣйшихъ изслѣдователя новѣйшихъ временъ Клапротъ и Риттеръ полагаютъ, что эти горы были убѣжищемъ Турокъ во время потопа. Во всякомъ случаѣ горы эти уже съ древнѣйшихъ поръ служили родиной упомянутаго племени. Это подтверждаютъ Китайскіе лѣтописцы и туземный историкъ Абулгази-Багадуръ-Ханъ, который говоритъ, что родоначальникъ Турокъ поселился въ окрестностяхъ Алтайскихъ горъ, близъ озера Иссиколь. У Абулгази этотъ родоначальникъ носитъ имя Турка и положительно говорится, что онъ былъ сынъ Іафета. По указанію Магометанскихъ писателей переселеніе Турокъ къ Алтаю со-

вершилось въ очень раннее время, но Абулгази, какъ истинный Мусульманинъ, не могъ смотрѣть на Турокъ какъ на первоначальныхъ обитателей страны и руководясь Еврейскими преданіями, которыя признаются также Магометанскими Турками, онъ выводитъ ихъ изъ рая и земли обѣтованной.

Дѣйствительно, въ высшей степени поражающимъ явленіемъ служитъ то, что историческое изслѣдованіе указываетъ также на общую родину, родственныхъ между собою Турецкихъ и и Самоѣдскихъ племенъ. Родина эта, какъ я уже выше замѣтилъ, находится въ западной части верхней Азіи, около Саянскихъ и Западной цѣпи горъ Алтайскихъ, внутри рѣчныхъ областей Енисея, Иртыша и Оби. Въ тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ слѣдуетъ также искать колыбель Финскаго племени, по причинѣ родства его съ Турками и Самоѣдами. Ученый Венгерецъ Ксома-фонъ-Кересъ предполагалъ найти первоначальную родину Венгровъ и всего Финскаго племени въ другой части верхней Азіи, въ Тибетѣ; но при всѣхъ усиліяхъ, съ которыми преслѣдовалъ поставленную имъ себѣ цѣль, онъ не открылъ отечества Финскаго племени и не могъ открытъ его при тѣхъ воззрѣніяхъ, которыя имѣлъ. Я слѣдилъ съ глубочайшимъ вниманіемъ за движеніями Финскаго племени и если не ошибаюсь, то послѣдніе слѣды его теряются, какъ я уже сказалъ, внутри Саянскихъ и Алтайскихъ горъ. Здѣсь еще до сихъ поръ слышатся разсказы Татаръ о какомъ то свѣтлоглазомъ племени Аккаракъ, которое съ давнихъ временъ занимало эти мѣстности и вѣроятно насыпало тѣ древніе могильные холмы, которые мы повсюду встрѣчаемъ въ степи. Согласно съ этимъ преданіемъ Китайская исторія говоритъ, что какой то народъ бѣлой расы обиталъ прежде къ сѣверу отъ упомянутой горы Тангну-Ола, тогда какъ Турки жили южнѣе ихъ. Чрезвычайно правдоподобно, что подъ упомянутымъ народомъ бѣлой расы разумѣются Финскія племена, ибо во всѣ времена бѣлый цвѣтъ служилъ обыкновенно характеристическимъ признакомъ этаго племени. Достойно замѣчанія, что внутри рѣчной области Иртыша есть одно названіе мѣстности Суми (Sumi), которое почти буквально соотвѣтствуетъ туземному названію Финляндіи Суоми (Souomi). Кромѣ того въ вышеупомянутыхъ мѣстностяхъ встрѣчаются еще много другихъ названій, которыя также существуютъ въ Финляндіи и находятъ себѣ объясненіе въ Финскомъ языкѣ. Для примѣра приведу важнѣйшія. Рѣка Енисей называется у Татаръ Кемъ, такое же названіе носятъ многія рѣки какъ въ Финляндіи такъ и у русскихъ Кареловъ. Слово это произносится на Финскихъ діалектахъ: Кемъ (Kem), Кеми (Kemi), Кими (Kymi) и означаетъ по Фински большую рѣ-

ку или мать-рѣку. Къ Енисейской системѣ принадлежатъ притоки: Симъ (Sym), Ійя (Ija), Ійусъ (Ijus), имѣющіе чрезвычайное сходство съ Финскими названіями рѣкъ: Симо (Simo) и Ійоки (Ijoki), которыя принадлежатъ тоже къ области Кеми, въ сѣверной Эстроботніи. Изъ остальныхъ притоковъ Енисея заслуживаютъ упоминанія: Ойя, что по Фински означаетъ ручей; Яга (Iaga), родственное съ Финскимъ Іоки (joki) и съ Лапландскимъ Іога (joga); Колва, названіе, встрѣчающееся въ Финляндіи, въ Перми, въ Архангельской губерніи, имѣющее на Финскомъ языкѣ значеніе воды обильной рыбою. У источниковъ Енисея видны двѣ горныя вершины или Таскили, изъ которыхъ одна значительно возвышается надъ другой. Болѣе высокая вершина называется у Татаръ Киркп—Таскиль, а нижайшая Ала-Таскиль. Названія эти очевидно напоминаютъ Финскія слова Коркіа (korkia) высокій и Ала (ala) низкій. Если бы оба эти названія считать взятыми изъ Татарскаго языка, то во всякомъ случаѣ существованіе однозвучныхъ словъ въ Финляндіи и близь Алтая показываетъ, что языки Финскій и Алтайскій родственны между собою и что дѣйствительно Финны пришли въ настоящее свое жилище съ Алтайскихъ горъ. Оставляя въ сторонѣ прочія доказательства, на которыхъ я могъ бы основывать свое мнѣніе о переселеніи Финновъ съ Алтайскихъ горъ, я приведу какъ наиболѣе важное обстоятельство то, что нѣкоторыя отрасли Финскаго племени и теперь еще можно встрѣтить близь ихъ древнѣйшихъ жилищъ; они обыкновенно извѣстны подъ именемъ Остяковъ и Вогуловъ, но иногда зовутся общимъ именемъ Угровъ или Югровъ. Въ настоящее время эти племена живутъ по всему нижнему теченію Оби и Иртыша, но явственные слѣды ихъ замѣтны еще и внутри рѣчной области верхняго Иртыша. Самое имя Угровъ или Югровъ получили они вѣроятно во время своего пребыванія у верхняго Иртыша. Здѣсь жило прежде Тюркское племя Огуръ (Ogur) или Іогуръ (Iogur) и Финскія племена были безъ сомнѣнія смѣшиваемы съ Тюркскими Уграми въ слѣдствіе близкаго ихъ сосѣдства. Впрочемъ не одни только Остяки и Вогулы получили это названіе, но и названіе Маджаровъ Угры (Венгры) вышло изъ тѣхъ же мѣстностей и потому народъ Венгерскій признаетъ Остяковъ и Вогуловъ близко родственными себѣ племенами. Венгры, какъ извѣстно, по своей національной гордости не хотѣли было признавать Остяковъ родственнымъ себѣ племенемъ; можетъ быть это было отчасти причиною, по которой Ксома Кересъ хотѣлъ найти колыбель Венгровъ въ Тибетѣ, гдѣ по свидѣтельству Китайскихъ литописцевъ, проживала нѣкогда

отрасль далеко распространившагося Турецкаго племени Уйгуровъ. Кромѣ Ксомы нашлось много другихъ ученыхъ-Французскихъ, Нѣмецкихъ и Венгерскихъ, которые пріискивали всевозможныя, кажущіяся доказательства для того, чтобы вопреки всякой истинѣ отдѣлить Венгровъ отъ Финскаго племени. Насъ не можетъ удивлять это, ибо наше собственное чувство возмущается при мысли, что Лапландцы и Самоѣды намъ кровно родственны. Это то чувство, чувство уваженія къ высокимъ и славнымъ предкамъ побудило многихъ Финскихъ ученыхъ искать колыбель Финскаго народа въ Греціи и въ Обѣтованной землѣ. Мы однако-жъ не должны совершенно отказываться отъ всякаго родства съ Эллинами, съ 10 ко лѣнами Израильскими, вообще съ великими и славными народами при этомъ намъ должно служить утѣшеніемъ, что каждый «есть сынъ своихъ собственныхъ дѣяній» и что истинное благородство должно достигаться каждымъ отдѣльно. Еще неизвѣстно, можетъ ли Финскій народъ пріобрѣсть почетное имя въ исторіи, но достовѣрно то, что отзывъ потомства будетъ основываться не на поступкахъ предковъ нашихъ, но на сущности и достоинствѣ собственныхъ нашихъ дѣяній.

Кастренъ 1).

17. Очеркъ языческой религіи Финновъ.

1851 г.

Языческая религія Финновъ—обожаніе природы— составляетъ переходъ отъ почитанія самихъ предметовъ въ ихъ внѣшнемъ проявленіи къ такому роду естественной религіи, которая въ предметахъ природы видитъ обиталище божествъ. Языческіе Финны имѣютъ понятіе, что вся природа наполнена божествами и всякій предметъ ея отъ самаго большого до малаго управляется однимъ или нѣсколькими, живущими въ немъ богами. Эти принадлежащіе внѣшнимъ предметамъ боги, суть ничто иное, какъ скрытыя силы природы. Грубый человѣкъ не можетъ иначе представить силъ природы, какъ въ видѣ божествъ. Отдѣливъ эти силы отъ скрывающихъ ихъ внѣшнихъ предметовъ, Финны сообщаютъ имъ отдѣльное существованіе, надѣляютъ тѣломъ, душею, даютъ человѣческій образъ, человѣческія чувствованія, потребности. Финны представляютъ боговъ своихъ, какъ богатыхъ отцевъ семействъ; думаютъ, что они владѣютъ дворами, множествомъ слугъ, обширными землями и разнаго рода богатствами. Въ одной Финской пѣснѣ говорится о лѣсной богинѣ,

---

1) См. ниже

что она худая хозяйка, если не содержитъ 100 служанокъ и 100 слугъ, чтобы пасти стада лѣсныхъ звѣрей. Отъ пространства области подчиненной каждому божеству зависитъ и его могущество. Хотя многія изъ финскихъ божествъ являются потому весьма не значительными и маловажными существами, но они суть каждое отдѣльно власти самостоятельныя. Вообще отдѣльныя божества у Финновъ не находятся, какъ у Грековъ или Римлянъ, въ какой либо зависимости одно отъ другаго, но каждый богъ, какъ бы онъ не былъ незначителенъ дѣйствуетъ въ своемъ кругу, какъ сила самостоятельная, независимая или говоря словами финскихъ пѣсенъ, какъ самостоятельно разпоряжающійся домовладѣлецъ. Богъ звѣзды господствуетъ надъ самой незначительной точкой на небесномъ сводѣ, но на этой точкѣ онъ независимый господинъ и хозяинъ.

Боги Финновъ не были чужды людскихъ интересовъ и заботъ, имѣли женъ, дѣтей, хлопотали объ устройствѣ послѣднихъ. Въ одной финской пѣснѣ говорится о поѣздкѣ, которую предприняли боги солнца, мѣсяца и звѣзды для пріисканія себѣ супруги. По другой пѣснѣ они искали руки одной красавицы Суометаръ, но не для себя, а для своихъ сыновей. Какъ женихъ солнца, такъ и мѣсяца получили отказъ, дѣвушка предпочла жениха звѣзды, выразивъ отказъ свой такимъ образомъ: «Не хочу идти къ мѣсяцу, онъ имѣетъ странный, измѣнчивый видъ: лице его, то узко, то широко; ночью онъ въ постоянномъ движеніи, днемъ отдыхаетъ, потому домъ его никогда не будетъ процвѣтать.» «Не хочу идти къ солнцу,—оно очень сердито: лѣтомъ мучитъ жаромъ, зимою холодомъ; во время сѣнокоса посылаетъ безконечный дождь, при зарожденіи овса чрезвычайную засуху. Охотно иду я къ звѣздѣ, имѣя красивый видъ, она всегда неизмѣнна, всегда на своемъ мѣстѣ.»

Самымъ могущественнымъ богомъ Финновъ, богомъ неба, вѣтровъ, облаковъ, грома, молніи былъ Укко (Ukko). По мнѣнію ученыхъ это позднѣйшее названіе, въ болѣе древнее время его называли Юмала (Iumala). Представляя Укко владыкою неба, воздушнаго пространства, Финны давали ему эпитеты: небеснаго бога, небеснаго отца, небеснаго Укко, вышняго бога, бога воздуха, царя воздуха, небеснаго мужа и т. д. Мѣстопребываніемъ его на небѣ считали самую средину неба и потому называли его пупомъ неба. Кажется, воображали, что онъ держитъ на себѣ небесную твердь, потому что въ пѣсняхъ его часто называютъ держаталемъ всего воздуха. Его обыкновенно представляли наряженнымъ и вооруженнымъ мужчиною. Рубашка на немъ огненная. Радуга составляетъ его лукъ. Укко мечетъ изъ него стрѣлы, сдѣланныя изъ мѣди и называемыя,

какъ и самый лукъ, огненными. Молнія представляется мечемъ Укко и называется въ пѣсняхъ огненнымъ мечемъ, мечемъ съ огненнымъ лезвіемъ и т. п. Къ числу его оружія принадлежитъ также молотъ. Старинныя финскія пѣсни не даютъ Укко, какъ многимъ другимъ богамъ особеннаго жилища и не говорятъ опредѣленно о его семействѣ. Есть извѣстія, что у него была жена, называемая «Акка». Въ пѣсняхъ встрѣчаются часто выраженія: «сынъ Укко.» Впрочемъ Укко не былъ особенно занятъ домашними обстоятельствами, у него были дѣла поважнѣе. Могущественнаго бога неба Финны представляли выше обыкновенныхъ занятій; все что онъ производитъ, должно было быть по ихъ понятію, великимъ и необычайнымъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ его дѣлъ было управлять теченіемъ облаковъ. Господство надъ воздушными облаками, оказывающими такое вліяніе на предпріятія мореплавателей, охотниковъ и земледѣльцевъ, было, въ глазахъ Финновъ, великимъ дѣломъ. Они обращались къ Укко съ такого рода молитвами:

Боже вышній, Укко,
Ты, отецъ небесный,
Тучамъ повелитель,
Царь надъ облаками!
Разсуди ты въ тучахъ,
Порѣши ты въ небѣ,
И пошли съ востока
Тучу дождевую,
Подними другую
Съ сѣверо-востока,
Съ запада иную
И иную съ юга,
Окропи съ нихъ медомъ,
Поднявшійся колосъ,
Шумящія нивы.

Какъ владыка неба и воздуха, Укко, естественно, долженъ повелѣвать громомъ и молніею, и въ этихъ-то именно явленіяхъ онъ являетъ всю свою силу. Эстонцы говорятъ о громѣ: «дѣдъ кличетъ, ворчитъ,» это показываетъ, что громъ исходитъ, какъ бы изъ могучихъ устъ Укко. Что же касается до молніи, то она, по представленію Финновъ, происходитъ отъ того, что Укко машетъ своимъ огненнымъ мечемъ, или же отъ того, что онъ высѣкаетъ огонь, когда въ его небесномъ жилищѣ становится темно. Замѣчательно, что Финны никогда не умоляютъ Укко поднять громъ. Причиною тому страхъ, внушаемый этимъ явленіемъ, страхъ господствующій до нынѣ въ разныхъ мѣстахъ Финляндіи, до того, что Финнъ во время

грозы не смѣетъ произнесть самое имя Укко, боится выговорить брань, или какое бы то ни было непристойное слово, особенно прогнѣвить Укко какимъ нибудь непристойнымъ поступкомъ. Какъ владыка молніи Укко имѣетъ власть и надъ огнемъ. Имѣя въ своемъ распоряженіи погоду, вѣтеръ, дождь, снѣгъ, градъ и т. д., Укко естественно долженъ былъ оказывать сильное вліяніе на землю. «Урожай въ рукахъ Укко,» говорятъ Финны въ своихъ пѣсняхъ. По этой причинѣ они весною отправляли нѣкогда въ честь Укко праздникъ, на которомъ пили за его здоровье. Память объ этомъ праздникѣ до нынѣ сохранилась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Въ этотъ праздникъ Финны выставляли кушанья и другіе дары на высокія горы и холмы, которые были посвящены Укко. Такъ какъ Финны считали Укко самымъ могущественнымъ изъ своихъ боговъ, то они обращались къ нему за помощью во всѣхъ возможныхъ случаяхъ, не исключая и тѣхъ, когда онъ, исполняя просьбу, долженъ былъ входить въ кругъ дѣятельности другихъ боговъ.

Хотя Укко почитался Финнами, какъ богъ неба, но кругъ его дѣятельности распространялся съ одной стороны далѣе небесныхъ пространствъ, съ другой стороны, внутри этихъ же пространствъ были предметы, которые не подлежали его власти. Какъ богъ неба, Укко, по мнѣнію Финновъ, владѣлъ облаками, вѣтрами, господствовалъ надъ грозою, громомъ, дождемъ, снѣгомъ, градомъ и т. д., но солнце, мѣсяцъ, звѣзды и многія другія явленія не находились въ его зависимости, а были подъ управленіемъ особыхъ божествъ. Богомъ солнца почитался Пэйвэ (Päivä), мѣсяца Куу (Kuu), большой Медвѣдицы Отава (Otava), звѣзды Тэхти (Tähti). Божествъ этихъ считали существами мужескаго пола, они также имѣли свои дома, семейства. Жилища ихъ представлялись великолѣпными, сдѣланными изъ золота и серебра. Мы приводили выше разсказъ, какъ сватали божества солнца, мѣсяца, звѣзды красавицу Суометаръ за сыновей своихъ. Она предпочла звѣзду. Здѣсь вѣроятно разумѣется Полярная звѣзда, которая особенно почиталась. Упомянутыя божества небесныхъ свѣтилъ считались у Финновъ существами кроткими, благодѣтельными, готовыми оказывать смертнымъ свое содѣйствіе. Они освѣщали весь міръ своимъ свѣтомъ и потому служили предметомъ религіознаго почитанія и молитвъ.

Вода у Финновъ была также предметомъ почитанія, они населяли ее множествомъ разныхъ божествъ. Богомъ владыкою водъ считался Ахти (Ahti или Ahto). Онъ представлялся въ видѣ стараго, почтеннаго человѣка съ травянистой бородой, въ одеждѣ изъ пѣны. Ему принадлежала высшая власть надъ

водными пространствами и потому его старыя пѣсни Финновъ называютъ воднымъ владыкою, королемъ волнъ и т. д. Ахти господство надъ водами раздѣлялъ съ своей супругой Велламо (Wellamo). Жилище ихъ называлось Ахтола. Главное богатство ихъ состояло въ рыбахъ. Въ молитвахъ, которыя обращали къ нимъ Финны, они просили объ усмиреніи волнъ, объ изобиліи въ рыбахъ. Прочія водныя божества считались родственниками или слугами Ахти.

Финны почитали и землю, представляя ее божествамъ женскаго пола, обращались къ ней съ молитвами о плодородіи. Впрочемъ почитаніе собственно земныхъ божествъ не было развито у Финновъ. Въ земляхъ съ прекраснымъ климатомъ, съ роскошной природой, питающимъ, плодотворнымъ божествамъ земли строятъ храмы, приносятъ жертвы. Но на холодномъ сѣверѣ, гдѣ слаба производительная сила земли, тамъ эти божества занимаютъ второстепенное мѣсто. Тѣмъ болѣе, что Финны во время язычества и не обращали особеннаго вниманія на землю; ихъ занятія, доставлявшія имъ главныя средства къ жизни были: охота, рыбная ловля, скотоводство. Охота была любимымъ занятіемъ и такимъ, которое доставляло наиболѣе выгодъ. Это было причиною особеннаго почитанія божествъ лѣса. Въ главѣ лѣсныхъ божествъ стоялъ Тапіо (Тарio). Его представляли старцемъ съ темно-русой бородой, съ высокой шляпой изъ сосновыхъ иглъ и въ шубѣ изъ древеснаго моха. Ему давали названія лѣснаго старца, владыки лѣса, царя лѣсныхъ пространствъ, раздаятеля даровъ и т. д. Всѣ эти эпитеты говорятъ о чрезвычайномъ почитаніи лѣснаго владыки. Онъ раздѣлялъ это почитаніе съ своей супругой, которая обыкновенно называется Міелликки (Miellikki). Ея эпитеты: лѣсная хозяйка, богатая медемъ мать лѣса и т. д. Впрочемъ образъ Міелликки измѣнялся сообразно съ удачей охоты. Была охота удачна и Міелликки являлась существомъ благодѣтельнымъ, разукрашенная золотомъ и каменьями. Въ случаѣ неудачи—существомъ ненавистнымъ, отвращающимъ, въ самой убогой одеждѣ. Въ томъ же родѣ измѣнялось и обиталище лѣснаго бога, такъ называемая Тапіола или Метсола (Metsola), то великолѣпные чертоги, то худое жилище. Въ Тапіолѣ были многочисленныя сокровища; золотой ключь отъ комнаты, гдѣ они хранились, лѣсная хозяйка носила всегда съ собой на кольцѣ. Между разными предметами, ввѣреннымъ ея храненію, былъ также и медъ, лѣсное пиво; имъ изобиловала Тапіола. Лѣсная хозяйка, какъ хранительница меда, имѣла и названіе Симантеръ (Simanter отъ Sima—медъ). Она хранила медъ въ запертой бочькѣ. Главное же богатство Тапіолы состояло въ

многочисленныхъ стадахъ звѣрей, наполнявшихъ лѣса и поля. Они всѣ составляли стада, принадлежащія къ двору Таніолы и находились въ вѣдѣніи самого Таніо и особенно его заботливой супруги. Безъ ихъ разрѣшенія нельзя было имѣть добычу въ лѣсныхъ стадахъ и охотникъ постоянными молитвами, обѣщаніями богатыхъ жертвъ хлопоталъ, чтобы лѣсные боги послали ему добычу. Подъ защитой лѣснаго бога были не только дикіе звѣри, но и стада домашнихъ животныхъ. Естественно, что самъ лѣсной богъ и его супруга не могли одни усмотрѣть за такимъ множествомъ, блуждавшихъ въ лѣсахъ звѣрей—дикихъ и домашнихъ, но какъ достаточные хозяева они управляли своею собственностью при помощи сыновей и дочерей, слугъ и служанокъ.

Въ древнѣйшее время Финны почитали также священныя рощи,—деревья. Въ этой формѣ почитаніе лѣса сохраняется у многихъ Финскихъ племенъ и въ настоящее время. Самоѣды, Остяки и другіе Сибирскіе народцы не имѣютъ понятія о божескомъ существѣ, которое господствуетъ надъ лѣсомъ, но когда они въ своихъ пустыхъ тундрахъ встрѣчаютъ небольшую лиственницу или сосновую рощицу, то воздаютъ имъ божескія почести и ставятъ тамъ изображенія своихъ боговъ. Такія священныя мѣста встрѣчаются часто у Черемисъ, Чувашъ, Мордвы и называются ими: «Кереметь». Финны считали также лѣсъ обиталищемъ злыхъ существъ. Къ такимъ, напримѣръ, принадлежалъ Гійзи (Hiisi). Онъ посылалъ тягчайшія скорби, болѣзни. Всякаго рода зло считалось даромъ Гійзи. Въ древнее время Финны почитали также высокія горы, большія скалы, рѣдкіе камни, слѣды этаго почитанія встрѣчаются и теперь. Впрочемъ эти божества не принимали большаго участія въ жизни людей и потому ихъ почитаніе не было очень развито.

Кромѣ божествъ, относящихся къ природѣ внѣшней, у Финновъ были и такія, которыхъ дѣятельность обращалась къ самому человѣку. Но божества эти касались только физической стороны человѣка и не входили въ его духовную жизнь. Мудрость и законъ, добродѣтель и справедливость не имѣли въ финской миѳологіи представителей среди божествъ.

Большая часть Финскихъ и другихъ съ ними родственныхъ народовъ вѣруютъ, что смерть это темное и непонятное для нихъ дѣйствіе, на которое они смотрятъ съ безграничнымъ страхомъ и боязнію не уничтожаетъ совершенно жизни человѣка, но что она продолжается еще и за гробомъ. Такое мнѣніе существуетъ по крайней мѣрѣ у мудрецовъ народа. Подтверждаютъ его также и церемоніи, которыя совершаются при погребеніи. Какъ

въ самый гробъ, такъ и на него кладутъ пищу, платье, ножи, котлы, сани, копья и вообще такіе предметы, которые умершій употреблялъ при жизни. Этотъ обычай происходитъ отъ представленія, что мертвецы имѣютъ тѣ же потребности какъ и живые. Для ихъ удовлетворенія они охотятся, ловятъ рыбу,—имѣютъ такія же занятія какъ и при жизни. Нѣкоторыя племена полагаютъ, что души умершихъ облекаются въ новое тѣло, напротивъ, другія считаютъ ихъ духами, которые пребываютъ въ гробахъ или въ царствѣ мертвыхъ, или блуждаютъ по землѣ, преимущественно во время ночи, при бурѣ и непогодѣ. Ихъ можно узнать по реву вѣтра, по шелесту листьевъ, по треску огня и по множеству другихъ явленій природы. Шаманы, мудрѣйшіе изъ народа, [1]) одни способны ихъ видѣть и узнать намѣренія, для глазъ простыхъ людей они невидимы. Послѣднимъ они являются въ мученіяхъ совѣсти, въ ночныхъ видѣніяхъ, въ болѣзняхъ, вообще во всякаго рода злѣ. Думаютъ, что души умершихъ любятъ посѣщать живыхъ и вредить имъ; потому этихъ посѣщеній всѣ боятся и всякими средствами стараются устранить ихъ. У Чувашъ, когда умирующій испускаетъ духъ, рубятъ голову курицѣ, думая этимъ дать возможность душѣ улетѣть (вѣротно въ образѣ курицы) и не возвращаться. При выносѣ покойника изъ комнаты бросаютъ за гробомъ горячій камень, который тоже предохраняетъ отъ возврата покойника. У Чувашъ существуетъ еще обычай укрѣплять поперегъ гроба двѣ палки, чтобы покойникъ не приподнялъ гробовой крышки. При погребеніи, равно какъ и при другихъ торжествахъ, совершающихся въ честь умершаго, оставляютъ при гробѣ разнаго рода съѣстные припасы, чтобы покойному не было нужды искать пищи у живыхъ. Когда забываютъ приносить умершимъ жертвы, учреждать для нихъ праздники, они насылаютъ тогда болѣзни. Подобные обычаи существуютъ и у Черемисъ, которые кромѣ того имѣютъ кажется обычай окружать свои могилы заборомъ, чрезъ который покойники не могутъ перешагнуть. У Самоѣдовъ, Остя-

---

1) Шаманы—Финскіе чародѣи, посредники между людьми и божествами, обладающіе искусствомъ призывать помощь боговъ. Искусство это переходитъ къ нимъ часто наслѣдственно, вообще требуетъ нѣкотораго изученія. Шаманы носятъ особенную одежду, разукрашенную фантастическимъ образомъ: въ рукахъ они обыкновенно держатъ волшебный барабанъ, которымъ вызываютъ боговъ. Къ шаману обращаются при всѣхъ важныхъ случаяхъ:— узнать, что либо сокрытое отъ взоровъ людей (отыскать пропажу), получить исцѣленіе отъ болѣзни и т. п. Шаманъ приходитъ въ эксцентричное состояніе, во время котораго будто бы бесѣдуетъ съ богами и даетъ потомъ отвѣты.

ковъ и многихъ другихъ полярныхъ народовъ шаманы стараются своими заклинаніями успокоить души умершихъ въ гробахъ, стараются примириться съ ними посредствомъ жертвъ, которыя приносятъ во врямя погребенія и потомъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сряду. Вообще почитаніе душъ умершихъ основано у Финновъ на страхѣ предъ ними,—на немъ основаны всѣ совершаемыя въ честь умершихъ праздники и жертвы. Чуваши сопровождаютъ эти жертвы обыкновенно такими словами: «Мы устроиваемъ въ честь тебя праздникъ, предъ тобою хлѣбъ и различныя яства; все предъ тобою, смотри же не безпокой насъ и не приходи къ намъ.» Такъ говоритъ сынъ умершему отцу, это доказываетъ, какъ мало можно было ожидать добра отъ покойника, хотя бы онъ былъ самый близкій родственникъ. Какъ, слѣдовательно, должны были страшиться человѣка чужого? Особенно боялись умершихъ Шамановъ; оставаясь и по смерти могущественными, они могли причинять всякій вредъ людямъ. Хотя мертвецы бывали часто на землѣ, приносили вредъ людямъ, но ихъ настоящее жилище было подъ землею или въ гробахъ, также помѣщенныхъ въ землѣ. Если случайно покойникъ не получалъ пріюта въ землѣ и лежалъ на земной поверхности, то тамъ же жилъ и духъ его. Самоѣды и другія сѣверныя племена, хороня своихъ покойниковъ зимою, ставятъ ихъ въ ящикихъ на землю и думаютъ, что тамъ же находятся и души ихъ. Нѣкоторые народы вѣшаютъ своихъ мертвыхъ дѣтей на тѣнистыхъ деревьяхъ и полагаютъ, что души ихъ живутъ между вѣтвями и съ радостью слушаютъ щебетанье птицъ и шумъ вѣтра. Души преступниковъ неудостоенныхъ погребенія жили тоже на землѣ и назывались «Кеепелитъ (Kööpelit).» Но все это только отдѣльные случаи, а вообще у Финновъ души усопшихъ считались какъ существа подземныя, что показываетъ и общее ихъ названіе «Маналаізетъ (Manalaiset)» Въ древнихъ Финскихъ пѣсняхъ и сагахъ два воззрѣнія на мѣстопребываніе душъ по смерти: по одному, онѣ проводятъ жизнь во мракѣ своихъ могилъ, по другому, всѣ собираются въ опредѣленномъ мѣстѣ подъ землею, мѣсто это, соотвѣтствующее Римскому Оркусу, называется Туонела или Манала (Tuonela, Manala). Первое мнѣніе древнѣйшее и вмѣстѣ самое грубое, оно встрѣчается теперь у многихъ Финскихъ народовъ, находящихся въ самомъ первобытномъ состояніи; второе встрѣчается только у собственныхъ Финновъ и Лапландцевъ. Въ Туонелѣ свѣтитъ солнце какъ и на землѣ, есть земля, вода, лѣсъ, пашни, луга; имѣются волки, медвѣди, змѣи, щуки и т. д. Но все, что заключалъ въ себѣ подземный міръ, носило вредный и мрачный характеръ. Лѣса были темны, наполнены

дикими звѣрями, вода черна, поля производили хлѣбъ, изъ котораго образовались зубы змѣи. Часто упоминается въ пѣсняхъ рѣка Туонелы, чрезвычайно быстрая, съ кипучими водоворотами и съ опаснымъ водопадомъ. Души усопшихъ въ могилахъ или въ Туонелѣ зависѣли отъ разныхъ, могущественныхъ божествъ. Надъ могилами и ихъ обитателями господствовало божество Калма (Kalma), въ Туонелѣ владычествовалъ Туони или Мана (Tuoni—Mana). Туони представляется божествомъ строгимъ, непреодолимымъ. Отъ него нельзя ожидать пощады и просьбы недоступны его сердцу. Самый видъ его соотвѣтствуетъ характеру: онъ старикъ съ тремя пальцами и съ шляпой до плечъ. Онъ является какъ стражъ и владыка мертвыхъ. Съ нимъ вмѣстѣ участвуетъ въ управленіи и жена его Туонетаръ или Маналатаръ. Къ ихъ семьѣ принадлежатъ еще и другія божества, которыхъ обыкновенно считаютъ дочерьми Туони. Прочее населеніе Туонелы носитъ названіе «Туонеланъ Вэки» (Tuonelan vöki—населеніе Туонелы) и представляется многочисленнымъ. Подъ нимъ слѣдуетъ вѣроятно разумѣть умершихъ, хотя это не ясно говорится въ Финскихъ пѣсняхъ. Это населеніе играетъ служебную роль при Туони, исполняетъ всѣ его приказанія. Оно состоитъ изъ людей старыхъ, среднихъ лѣтъ и молодыхъ; первые съ палками, вторые съ копьями, а третьи съ мечами. Бдительность и неумолимая строгость составляютъ ихъ главныя качества. Потому, люди чрезвычайно страшаться ихъ. Тѣмъ не менѣе въ Финскихъ пѣснихъ встрѣчаются часто разсказы о путешествіи въ Туонелу; такой, напримѣръ, разсказъ о путешествіи въ Туонелу Финскаго героя Вейнемейнена; онъ уясняетъ отношенія людей къ подземному міру: «Послѣ трехдневнаго путешествія Вейнемейненъ достигъ берега рѣки Туонелы, преграждавшей дорогу къ Туони. Раздумывая о переправѣ, Вейнемейненъ замѣчаетъ на противуположномъ берегу дочь Туони, занятую мытьемъ бѣлья, къ ней онъ обращается съ просьбою перевезть его черезъ рѣку. Дѣвушка обѣщаетъ исполнить его желаніе съ условіемъ, чтобы онъ объяснилъ причину своей поѣздки въ Туонелу. Вейнемейненъ пробуетъ въ началѣ обмануть ее, когда это не удается, принужденъ сказать истину. Дочь Туони въ началѣ старается отклонить его отъ намѣренія, наконецъ послѣ настоятельныхъ просьбъ перевозитъ. Когда Вейнемейненъ прибылъ въ жилище Туони, то здѣсь хозяйка угощаетъ героя пивомъ, въ немъ плавали лягушки, на краяхъ чаши ползали змѣи. Вейнемейненъ уклоняется отъ угощенія, говоря, что онъ прибылъ въ Туонелу не для пиршествъ. Затѣмъ объясняетъ безъ обиняковъ причину своего пріѣзда и

получаетъ въ томъ отказъ. Между тѣмъ наступаетъ ночь и хозяйка приготовляетъ постель изъ шкуръ. Предчувствуя что-то худое, Вейнемейненъ притворяется спящимъ, но не спускаетъ глазъ съ того, что происходитъ въ Туонелѣ. Онъ видитъ саму старуху Туонелы, сидящую на скалѣ среди водъ, прядущую нитки изъ желѣза и мѣди. Тамъ же сидитъ и самъ старый Туони, онъ изъ приготовленныхъ нитокъ дѣлаетъ большую сѣть, когда она окончена, сынъ Туони бросаетъ ее на рѣку, вдоль оной и поперегъ: это должно было мѣшать Вейнемейнену на возвратномъ пути, но онъ какъ чародѣй обратился въ змѣю и въ этомъ видѣ проскользнулъ сквозь сѣть. Возвратясь изъ Туонелы, Вейнемейненъ даетъ совѣтъ будущимъ поколѣніямъ не ходить въ Туонелу, ибо многіе ходили туда и не многіе возвратились.»

Однако не всѣ божества у Финновъ были олицетворяемы, имѣли человѣческія формы,—существовалъ еще особый міръ духовъ, божествъ безтѣлесныхъ. Вся природа была населена ими: главное божество господствовало надъ всею стихіей, отдѣльные предметы ея управлялись духами; ихъ называли «Халтіа». Богу Ахти принадлежало главное господство надъ водой, но кромѣ того каждое озеро, рѣка, источникъ, колодязь имѣли еще своего особеннаго духа, своего Халтіа. Помимо главнаго владыки лѣса, Тапіо, каждая рощица имѣла своего Халтіа (Haltia). Люди зависѣли отъ всѣхъ божествъ вмѣстѣ, но кромѣ того, каждый человѣкъ отдѣльно имѣлъ еще своего особаго Халтіа, который помогалъ человѣку во всѣхъ его предпріятіяхъ. Для большей части дикихъ народовъ совершенно непонятно, что боги могутъ услышать молитвы человѣка, когда онъ не находится въ прямомъ общеніи съ нимп. Потому Самоѣды и другіе Финскіе народы считаютъ лишнимъ прямо обращаться съ молитвами къ небеснымъ или какимъ другимъ наиболѣе могущественнымъ богамъ. Эти боги слишкомъ удалены отъ смертныхъ,—какъ же они могутъ услышать слабый голосъ человѣка? Это говорятъ постоянно дикари Сѣверной Сибири. Они не имѣютъ понятія о духовной связи человѣка съ богами. Религіозныя понятія собственныхъ Финновъ стоятъ въ этомъ отношеніи гораздо выше. Они не считаютъ напраснымъ, чтобы человѣкъ обращался съ молитвами къ богамъ, если они находятся въ облакахъ, на днѣ морскомъ, или въ нѣдрахъ земли,—напротивъ, имѣютъ радостную надежду, что ихъ слово найдетъ дорогу къ богамъ, хотя и скрытымъ отъ взора, что среди божествъ есть существа добрыя, принимающія живое участіе въ несчастіяхъ смертныхъ и готовыя исполнить ихъ желанія. Что касается до болѣе дикихъ народовъ Финскаго племени, то по

ихъ мнѣнію, какъ не свойственно просить помощи и содѣйствія далеко живущаго пріятеля, такъ же странно обращаться затѣмъ къ божествамъ отдаленнымъ и скрытымъ. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ необходимо или личное присутствіе просящаго и того, кого просятъ, или по крайней мѣрѣ, необходимъ посредникъ. Всѣ предметы природы у Финновъ обиталища разнаго рода божествъ и Финны обращаются къ предметамъ ближайшимъ: деревьямъ, камнямъ, животнымъ и у божествъ этихъ предметовъ ищутъ ходатайства предъ божествами высшими. Но и эти божества, ближайшія, не доступны для обыкновенныхъ людей, только мудрѣйшіе изъ народа, шаманы, только они одни могутъ входить въ сношенія съ богами, искать ихъ содѣйствія въ исполненіи своихъ желаній. Для обыкновеннаго человѣка область боговъ совершенно замкнута. Шаманъ находится въ тѣсномъ общеніи съ богами, особенно въ то время, когда онъ приходитъ въ восторженное состояніе. Въ томъ случаѣ, когда Шаманъ не получилъ ожидаемой помощи отъ служащихъ ему низшихъ божествъ, онъ можетъ обращаться къ самому высшему, небесному богу, но въ этомъ случаѣ боги посредники ходатайствуютъ предъ небеснымъ богомъ о ниспосланіи желанной помощи. Въ одной Самоѣдской пѣснѣ убѣждаютъ божество Тадебціо (Tadebcjo) отправиться на высоту къ Нуму [1]) испросить у него исцѣленіе для больного. Боясь прогнѣвить Нума, Тадебціо хлопочетъ всѣми силами избавиться отъ порученія и совѣтуетъ Шаману самому непосредственно обратиться къ Нуму. Шаманъ отвѣчаетъ на это: «Я не имѣю доступа къ Нуму, онъ далеко. Если бы я могъ его достигнуть, я не просилъ бы тебя, самъ пошелъ бы къ нему, но я не могу идти къ нему, потому иди ты.» И такъ при посредствѣ Шамановъ люди сообщали божествамъ свои просьбы; Шаманы при посредствѣ, споспѣшествующихъ имъ божествъ, доносили эти просьбы до боговъ высочайшихъ. Но бывали случаи, когда нельзя было прибѣгнуть къ посредству Шамановъ и чрезъ нихъ передать просьбу богамъ; случалось, что Шаманъ далеко, а его помощь необходима. Въ такихъ случаяхъ можно было прибѣгнуть къ священнымъ деревьямъ и камнямъ; но такъ какъ и эти предметы не всегда могутъ встрѣтить кочующія племена, то, желая не оставить бѣднаго человѣка совершенно безъ поддержки, милосердыя божества допускаютъ, чтобы Шаманы привлекли ихъ къ какому нибудь изображенію, къ которому бы люди и могли обращаться. Есть и выгоды для божествъ въ этомъ добровольномъ плѣнѣ: имъ прино-

1) Нумъ (Num) у Самоѣдовъ соотвѣтствуетъ Укко у прочихъ Финновъ.

сятъ богатыя жертвы. Перестаютъ приносить жертвы и люди думаютъ, что божества могутъ освободиться изъ своего добровольнаго плѣна. Слѣдовательно у Финскихъ народовъ изображенія божествъ считаются не какъ символы, ихъ только напоминающія, но какъ жилища самыхъ божествъ, въ которыхъ они какъ бы воплотились и почитаются на равнѣ съ богами. Всѣ убѣждены, что эти изображенія могутъ даровать людямъ здоровье, благосостояніе и разныя блага жизни. Въ скандинавскихъ сагахъ говорится, что жители древней Біарміи воздвигли на берегахъ Сѣверной Двины изображеніе ихъ бога Юмалы; оно было обведено высокимъ заборомъ, внутри котораго былъ также жертвенникъ; на немъ въ безпорядкѣ лежало множество золота, серебра и каменьевъ. Въ оградѣ были запертыя ворота, охраняемыя по ночамъ двумя человѣками, которые три раза въ ночь смѣнялись. Идолъ Юмалы представлялъ человѣческую фигуру въ сидячемъ положеніи. На колѣняхъ лежала серебряная чаша, наполненная серебряными монетами, принесенными въ даръ. На шеѣ у него висѣло большое золотое ожерелье. Такъ представлено изображеніе Юмалы въ сагѣ Св. Олафа; въ позднѣйшихъ сагахъ оно является еще въ болѣе разукрашенномъ видѣ. Идолъ хранится въ большомъ храмѣ съ устроеннымъ тамъ алтаремъ, изображеніе Юмалы помѣщается на алтарѣ въ сидячемъ положеніи; на головѣ его корона, разукрашенная одиннадцатью драгоцѣнными камнями; ожерелье на шеѣ состоядо изъ нитки жемчуга, котораго цѣнность была въ 300 золотыхъ марокъ; жертвенная чаша на колѣняхъ Юмалы была изъ золота, равно какъ и деньги въ ней. Жертвенная чаша была такъ велика, что когда наполнялась виномъ, одинъ человѣкъ съ трудомъ могъ ее опорожнить. При храмѣ Юмалы находилась искусная чародѣйка Кальфроста (Kalfrosta), ее охраняли: рабъ, волъ и коршунъ; два послѣдніе были околдованы. Къ храму примыкалъ покой, запертый желѣзною дверью, тамъ находилась прекрасная Ледуръ, которую Кальфроста предназначала себѣ въ преемницы. Хотя эти сказанія не могутъ быть приняты въ томъ видѣ, какъ онѣ дошли, но однако онѣ могутъ служить несомнѣннымъ указаніемъ на существованіе божескаго изображенія Финновъ въ землѣ Біарміи. За достовѣрность этаго извѣстія говоритъ и то, что идолъ изображалъ божество, которое дѣйствительно почиталось у Финновъ. Этотъ идолъ Юмалы безъ сомнѣнія служилъ предметомъ почитанія не только многихъ людей, но вѣроятно многихъ родовъ и даже народовъ, такъ какъ нельзя предположить, чтобы одно лицо могло разукрасить своего бога—покровителя такимъ дорогимъ способомъ. У большей части

Финскихъ народовъ существовали, а у язычниковъ Финновъ и въ настоящее время существуютъ такія изображенія боговъ. У Лапландцевъ эти изображенія назывались: Сейда (Seida). Они были двоякаго рода: деревянныя и каменныя. Деревянныя приготовлялись изъ древесныхъ корней, обдѣланныхъ на подобіе человѣческой фигуры. Каменныя изъ обыкновенныхъ камней не имѣвшихъ никакой формы. Иногда впрочемъ и при устройствѣ этихъ Сейдъ складывались камни такимъ образомъ, что самый верхній былъ подобіе человѣческой головы, а другіе камни изображали прочіе члены человѣка. Такія Сейды сохранились еще и теперь на нѣкоторыхъ островахъ Энарскаго озера. Лапландцы ставили Сейды близъ своихъ жилищъ, чаще же всего на высокихъ горахъ близъ водопадовъ, тамъ, гдѣ природа являлась въ полномъ величіи. Многія мѣстности въ Лапландіи и теперь еще носятъ названіе: святая гора, святое озеро, рѣка и т. п. Мѣстность вокругъ Сейды считалась священною и называлась: пассе (passe). Генрихъ Латышъ, писатель XIII ст., говоритъ объ Естахъ, что они воздавая особенное почитаніе могущественному Богу, называемому Тараппилла (Tharapilla), имѣли также изображенія его, которыя были низвержены при распространеніи у нихъ христіанства. У Естовъ были и другія изображенія боговъ. По словамъ Генриха, они были сдѣланы изъ дерева, имѣли человѣческую форму. «Священникъ Дитрихъ разрубилъ одно изъ нихъ,» говоритъ Генрихъ, «и Есты очень удивлялись, что не вытекло изъ него крови.» Генрихъ Латышъ говоритъ и о Лпвахъ, что у нихъ были также изображенія своихъ боговъ въ лѣсахъ или рощахъ, вѣроятно такихъ, которыя лежали близъ рѣкъ или озеръ. По словамъ Георги, [1]) Черемисы страшатся особенно бога грома (Кудорча), отъ котораго считаютъ зависящемъ плодородіе, имѣютъ изображеніе его въ видѣ одѣтой по мужски куклы; помѣстивъ его въ ящикъ, сдѣланный изъ бересты, ставятъ въ одномъ изъ угловъ своего жилища, впрочемъ не воздаютъ ему особеннаго почитанія, только кладутъ ему туда чрезъ нѣкоторое время блины. Черемисы не имѣютъ храмовъ, но совершаютъ поклоненіе своимъ богамъ на открытыхъ священныхъ мѣстахъ, называемыхъ у нихъ: *Кереметь*. Онѣ бываютъ или общія или принадлежатъ только нѣкоторымъ фамиліямъ. Какъ тѣ такъ и другія находятся преимущественно въ лѣсахъ и рощахъ, если ихъ нѣтъ близко, то у деревьевъ. Кереметь должна имѣть отъ 10—12 саженей въ поперечникѣ и если нѣтъ

[1]) Георги: Описаніе всѣхъ народовъ, обитающихъ въ Россійскомъ государствѣ.

природной защиты, то окружается заборомъ. Въ Кереметь ведутъ три входа: одинъ Западный, для входа и выхода, другой Восточный, для принесенія жертвъ, третій Южный, для принесенія воды. Подъ избраннымъ деревомъ стоитъ вмѣсто алтаря столъ, а близъ Кереметн навѣсъ, подъ которымъ готовится жертвенное мясо. Женщины не смѣютъ приближаться къ Кереметн, а мужчины должны предварительно умыться, надѣть чистое платье и по возможности не являться съ пустыми руками. Кереметн существуетъ также у Чувашей и Мордвы. У Остяковъ существуютъ также изображенія боговъ; одни изъ нихъ принадлежатъ цѣлому роду или племени, другія только отдѣльнымъ фамиліямъ или лицамъ. Общія изображенія составляютъ наслѣдіе прежнихъ временъ и чѣмъ древнѣе, тѣмъ считаются значительнѣе. Одни изъ нихъ имѣютъ мужской видъ, другія женскій. Дѣлаются обыкновенно изъ дерева съ заостренной головой, но безъ ногъ и рукъ. Величина ихъ не болѣе, какъ въ полтора аршина. Большая часть этихъ изображеній съ теченіемъ времени разукрашиваются красными одеждами, шейными цѣпями, оловянными фигурами. Нѣкоторыя мужскія изображенія служатъ часто предметомъ почитанія однихъ мужчинъ, женскія—женщинъ. Остяки ставятъ изображенія своихъ боговъ подъ открытымъ небомъ, у деревьевъ, обыкновенно въ рощахъ и выбираютъ такое мѣсто, которое было бы укрыто отъ взоровъ Русскихъ и Зырянъ: богатыя украшенія идоловъ привлекаютъ послѣднихъ. Мѣстность, на которой стоятъ изображенія боговъ, считается у Остяковъ тоже священною. Въ предѣлахъ ея нельзя косить траву, рубить деревья, ловить рыбу, охотиться, брать хоть одинъ глотокъ воды. Изображенія боговъ, принадлежащія отдѣльнымъ лицамъ, дѣлаются также изъ дерева незначительной величины, вообще имѣютъ большое сходство съ дѣтскими куклами. Они украшены красными лентами, суконными лоскутьями. Ихъ ставятъ въ углу жилища, приносятъ имъ пищу и разные подарки. У Самоѣдовъ изображенія боговъ бываютъ тоже изъ дерева или изъ камня, иногда поклоненіе совершаютъ простымъ, отдѣльно стоящимъ камнямъ или утесамъ. Островъ Вайгачь долгое время былъ средоточіемъ самоѣдскихъ идоловъ и потому назывался у нихъ священною землею. Тамъ въ 1827 году христіянскіе миссіонеры сожгли около 420 деревянныхъ изображеній боговъ. Идолы Самоѣдовъ были также или общіе,—достояніе всей окрестности, или принадлежали только отдѣльнымъ фамиліямъ. Послѣдніе были или природные камни, чѣмъ нибудь отличные, особенно если въ какой либо части своей имѣли видъ человѣческой головы. Одни должны были представ-

лять мужчину, другіе женщину. Такіе естественные идолы назывались у Самоѣдовъ «Хахе» (Hahe). Другіе были искусственные, дѣлались изъ дерева, имѣли человѣческій видъ. Эти идолы называются «Сьядеи» (Sjadaei) [1]) и ихъ обыкновенно ставятъ подъ открытымъ небомъ, въ тундрахъ, лѣсахъ, на мѣстахъ охоты или рыбной ловли. Самоѣды вѣрятъ, что эти изображенія, если имъ приносятъ жертвы, могутъ доставить богатую добычу. Сьядеи обыкновенно безъ одежды, когда же держатъ ихъ въ домахъ, убираютъ драгоцѣнными поясами, пестрыми лентами. Какъ домашніе боги чаще употребляются «Хахе», Къ нимъ обращаются за помощью, совѣтомъ, просятъ о здоровьѣ. богатствѣ, удачѣ во всѣхъ предпріятіяхъ, и если получаютъ желаемое, приносятъ щедрыя жертвы. Та часть шатра, въ которой помѣщается Хахе, называется Синикуй (Sinikui). Иногда они помѣщаются въ саняхъ, которыя Самоѣдъ всюду возитъ съ собой. У нѣкоторыхъ самоѣдскихъ народцевъ приготовленіе идоловъ возлагается на Шамановъ, они получаютъ при этомъ наставленіе отъ самихъ духовъ, которые сообщаютъ имъ, изъ какого матеріала должно быть сдѣлано изображеніе: изъ дерева, мѣди, желѣза и въ какіе мѣха слѣдуетъ убрать его.

Дикіе народы обыкновенно представляютъ свое древнее время въ самомъ лучшемъ свѣтѣ; они полагаютъ, что въ тѣ времена было особенное благоволеніе боговъ къ людямъ. Тогда господствовало всеобщее благосостояніе и богатство, болѣзней не существовало, люди были чрезвычайно велики ростомъ, необыкновенной силы и удивительной мудрости. Въ тѣ времена жили и великіе герои, которые теперь исчезли съ лица земли. Подвиги этихъ героевъ служатъ любимымъ предметомъ пѣсенъ и сказокъ у всѣхъ финскихъ народовъ. Даже въ пустынныхъ степяхъ, лѣсахъ и тундрахъ Сибири поются пѣсни о великихъ мужахъ. Они пріобрѣли славу не только воинскими подвигами, но имѣли также всѣ качества, которыя составляютъ достоинство человѣка. Они были необыкновенно мудры, исключительно знали пѣніе и были чрезвычайно опытны въ кузнечномъ и другихъ искусствахъ. Самыя тайны чародѣйства имъ были знакомы болѣе, чѣмъ настоящимъ шаманамъ. Всевозможныя добродѣтели, качества соединялись въ нихъ, но пѣніе было самымъ выдающимся. Одинъ имѣетъ прекрасный голосъ, другой выдается мудростью и остротой ума, третій обладаетъ умѣньемъ принимать видъ медвѣдя, змѣи, птицы и т. д. Всѣмъ же имъ вообще присущи геройская сила, сильный духъ, мужество храбрость; послѣднимъ качествомъ обладаютъ также и жен-

---

[1]) съя (sja)—человѣче ское лице.

щины, которыя принадлежатъ къ семьѣ героевъ. Такимъ образомъ герои у Финновъ составляютъ переходъ, отъ боговъ къ людямъ. Превышая послѣднихъ, они однако уступаютъ первымъ. Воинскіе подвиги героевъ составляютъ главный предметъ финскихъ эпическихъ пѣсенъ. Но подвиги, о которыхъ говорится въ пѣснях не имѣютъ общаго національнаго характера: могучій герой вступаетъ въ битву только для себя или для своего рода. Въ большѣй же части случаевъ онъ своими подвигами стремится достигнуть руки прекрасной дѣвицы.

Въ 1833 г. докторъ Леннротъ, собравъ значительное число финскихъ героическихъ пѣсенъ, касающихся трехъ великихъ финскихъ героевъ: Вейнемейнена, Ильмаринена и Лемминкейнена издалъ ихъ въ числѣ 32 пѣсней, 12000 стиховъ, давъ имъ общее названіе Калевалы. [1]) Это собраніе и составляетъ лучшій памятникъ финскаго героическаго эпоса. Мы приводимъ здѣсь вкратцѣ его содержаніе. «Въ мрачный Погіолѣ [2])», поютъ пѣсни Калевалы, «было лучезарное свѣтило, прекрасная дѣва, славимая всюду.» Къ этой дѣвѣ обращались мысли героевъ Калевалы, они не щадили трудовъ, чтобы пріобрѣсть ея любовь и расположеніе. Старый Вейнемейненъ (Wäinämöinen) обратилъ правда прежде свои взоры на молодую сестру Юкахайнена; но она при всѣхъ просьбахъ матери своей не хотѣла быть супругой старика, пожелала лучше уйдти въ глубину морскую и породниться съ рыбами. Вейнемейненъ пытался извлечь ее изъ воды и когда не успѣлъ въ этомъ, то получивъ совѣтъ отъ матери, говорившей изъ гроба, рѣшаетъ отправиться въ пожирающую людей Погіолу, чтобы тамъ посвататься за дѣвицей Пойя (Pohja). Молодой Юкахайненъ узналъ объ этомъ и рѣшился подстеречь старика, когда послѣдній ѣхалъ на своемъ конѣ вдоль морского залива; Юкахайненъ хотѣлъ убить Вейнемейнена, но стрѣла попала въ коня и всадникъ погрузился въ море. Поднялась ужасная буря, Юкахайненъ радовался уже о гибели Вейнемейнена, но она еще не настала. Орелъ, благодарный Вейнемейнену за

---

1) Въ 1849 г. появилось новое дополненное изданіе Калевалы, изъ 50 пѣсней, 22.793 стиховъ. Кастренъ сдѣлалъ прекрасный переводъ Калевалы съ финскаго на шведскій языкъ; Шифнеръ при содѣйствіи Кастрена перевелъ ее на нѣмецкій (Kalewala, das National Epos der Finnen, nach der zweiten Ausgabe ins Deutsche übertragen von Anton Schiefner. Helsingfors. 1852 г.).

2) Въ Калевалѣ упоминаются чаще всего двѣ мѣстности: одна родина героевъ, почтенная страна Калевала (Kalevala), другая Погіола (Pohjola), страна враждебная первой, съ непріязненнымъ для героевъ Калевалы населеніемъ. Нѣкоторые ученые видятъ въ первой Финляндію, въ другой Лапландію.

то, что онъ посадилъ дерево для отдыха птицамъ, поспѣшилъ на помощь къ старику и принесъ его на своихъ крыльяхъ въ Погіолу. Прибывъ туда, Вейнемейненъ скоро чувствуетъ желаніе воротиться домой, но Луги (Louhi), хозяйка Погіолы, требуетъ, чтобы за свое освобожденіе онъ сковалъ ей орудіе, называемое Сампо (Sampo) и въ этомъ случаѣ обѣщаетъ ему отдать свою дочь въ супруги. Вейнемейненъ говоритъ, что онъ не знаетъ ковать, но обѣщаетъ при возвращеніи на родину прислать въ Погіолу кузнеца Ильмаринена (Ilmarinen), извѣстнаго своимъ искусствомъ. Обѣщавъ это, Вейнемейненъ избавился отъ заключенія въ Погіолѣ и отправился на родину. При возвращеніи онъ видитъ дѣвицу Пойя, сидящую на воздушныхъ сводахъ и тканяхъ изъ золота и серебра, въ рукахъ ея золотое веретено такъ и ходитъ взадъ и впередъ. Вейнемейненъ дѣлаетъ ей тотчасъ предложеніе и приглашаетъ ее спуститься къ нему въ санп; она медлитъ и соглашается быть его женою только тогда, когда онъ расщепитъ конній волосъ ножикомъ безъ острія, раздавитъ яйцо петлей, чтобы ея не было замѣтно, облупитъ камень, выбьетъ изъ льда колъ, чтобы не упали осколки, сдѣлаетъ изъ веретена лодку и пихнетъ ее на воду не употребляя въ дѣло рукъ и ногъ. Вейнемейненъ смѣло начинаетъ исполнять задачи, онъ успѣлъ окончить первыя три, но при постройкѣ лодки топоръ упалъ ему въ ногу. Надежда получить руку дѣвы исчезла, слѣдовало хлопотать объ излеченіи раны, изъ которой сильно струилась кровь. Съ помощью стараго чародѣя Вейнемейненъ наконецъ унялъ кровь и перевязалъ рану. Потомъ, онъ продолжалъ свой путь и достигъ безъ дальнѣйшихъ приключеній рощи Вейнелы (Wäinöla) и полей Калевалы [1]); проѣзжая чрезъ нихъ, онъ произвелъ прекрасную сосну: она поднималась до облаковъ съ золотистыми вѣтвами, которыя широко распространялись въ воздухѣ; на вершинѣ сосны былъ мѣсяцъ, а на вѣтвяхъ большая медвѣдица (созвѣздіе). Воротившись на родину, Вейнемейненъ былъ печаленъ, помня обѣщаніе прислать хозяйкѣ Погіолы кузнеца Ильмаринена за свое освобожденіе. Но обѣщаніе должно было быть исполнено и Вейнемейненъ отправился въ кузницу Ильмаринена, надѣясь, что кузнецъ, привлеченный красотою прославленной дѣвы отправится самъ въ Погіолу. Но такъ какъ надежда его не сбылась, то онъ сталъ говорить о прекрасной сос-

1) Оба эти названія, кажется, обозначаютъ одну и ту же страну, родину героевъ: Калева есть богъ—исполинъ, родоначальникъ всѣхъ героевъ; сынъ Калевы—Вейне, который обыкновенно называется уменьшительнымъ—Вейнемейненъ. Отсюда и названія—Калевала, Вейнела.

нѣ и такъ повелъ свое дѣло, что Ильмариненъ не только пожелалъ видѣть сосну, но по совѣту Вейнемейнена влѣзъ на дерево, чтобы снять мѣсяцъ и медвѣдицу. Какъ только кузнецъ взобрался на верхъ, Вейнемейненъ наслалъ вѣтеръ, который по воздуху принесъ кузнеца въ Погіолу. Здѣсь хозяйка Погіолы предложила ему сковать Сампо изъ лебединаго пера, ячменнаго зерна, мягкой шерсти овцы и молока жирной коровы. Ильмаринень не медля начинаетъ работу и не останавливаясь приводитъ ее къ концу. Но руку дѣвицы въ этотъ разъ онъ еще не могъ получить и долженъ былъ возвратиться домой, куда онъ стремился. Пѣснь переходитъ потомъ къ третьему герою, который называется Лемминкейненъ или Каукомieли (Lemminkäinen—Kaukomieli). О немъ поется, что силою своей могучей руки онъ овладѣлъ прекрасной Киллики (Kyllikki) и заключилъ съ ней договоръ, укрѣпленный клятвою: онъ долженъ не вступать въ бой, а она не будетъ ходить по дворамъ, ища веселаго общества. Клятву Киллики не сдержала и однажды воспользовалась отсутствіемъ Лемминкейнена, чтобы удовлетворить своей любви къ танцамъ; когда Лемминкейненъ чрезъ свою сестру Айникки (Ainikki) узналъ объ этомъ, онъ очень разсердился и рѣшилъ отправиться въ Погіолу, чтобы жениться въ другой разъ на прекрасной дочери—Пойя. Мольбы и предостережнія нѣжной матери не могли остановить его отъ смѣлаго намѣренія. Когда она описывала многочисленныя опасности, которыя угрожаютъ ему какъ на пути такъ и въ самой Погіолѣ, предвѣщая неизбѣжныя бѣдствія, Лемминкейненъ бросаетъ въ стѣну щетку, которой онъ разчесывалъ свои кудри и поетъ: «Тогда наступитъ несчастіе для Лемминкейнена, вредъ храброму юношѣ, когда щетка будетъ испускать кровь.» Вооружившись доспѣхами, Лемминкейненъ отправляется и счастливо достигаетъ Погіолы. Здѣсь онъ своимъ чародѣйскимъ пѣніемъ побѣждалъ всѣхъ, какъ старыхъ, такъ и молодыхъ. Онъ не тронулъ только стараго слѣпого пастуха, считая его недостойнымъ своего гнѣва; это презрѣніе оскорбило пастуха онъ поспѣшилъ къ рѣкѣ Туонелы желая, подстеречь тамъ гордаго сына Лемпи, когда послѣдній будетъ возвращаться изъ Погіолы. Лемминкейненъ обращается къ хозяйкѣ Погіолы и требуетъ дочь ея себѣ въ жены. Хозяйка ставитъ ему первымъ условіемъ поймать быстраго лося Гійзи. Послѣ нѣкоторыхъ затрудненій Лемминкейненъ исполняетъ порученіе. Но послѣ возвращенія онъ получаетъ новое: укротить огненнаго коня Гійзи. Когда и это порученіе было счастливо окончено, Лемминкейненъ долженъ былъ исполнить и третье: убить лебедя въ рѣкѣ Туонелы. Прибывъ туда, онъ погибаетъ отъ руки слѣпого пастуха, бывшаго въ засадѣ и тотъ

бросаетъ его въ рѣку Туонелы. Является сынъ Туони и разсѣкаетъ героя на части. Между тѣмъ Лемминкейнена на родинѣ ждутъ съ большимъ нетерпѣніемъ и однажды Килликки замѣчаетъ, что изъ щетки мужа идетъ кровь. По этому заключаютъ о смерти Лемминкейнена; мать его отправляется въ Погіолу собрать болѣе подробныя свѣденія о кончинѣ сына. Спрашиваемая объ этомъ Луги не хочетъ въ началѣ сказать правду, но потомъ говоритъ задачи, которыя были поручены Лемминкейну, утверждая, что не знаетъ о его участи. Мать Лемминкейнена обращается съ вопросами къ дереву, дорогѣ, мѣсяцу и наконецъ къ солнцу, послѣднее разсказываетъ ей о погибели сына. Тогда она велитъ Ильмаринену сковать ей желѣзныя грабли, летитъ съ ними къ рѣкѣ Туонелы и сгребаетъ изъ дна ея каждый кусочикъ разрубленнаго сына, соединяетъ вмѣстѣ всѣ отдѣльныя части и вливаетъ въ своего любимца новую жизнь,—они вдовоемъ возвращаются домой. Пѣснь опять обращается къ Вейнемейнену и заставляетъ его рубить лодку для новаго путешествія въ Погіолу. При этомъ недостаетъ трехъ словъ и за ними онъ отправляется въ Туонелу, но возвращается оттуда безъ успѣха, испытавъ большія опасности. Потомъ, отъ одного пастуха получаетъ совѣтъ отправиться къ гробу стараго Випуна, во внутренности котораго покоятся множество словъ и пѣсенъ. Вейнемейненъ слѣдуетъ совѣту пастуха, пролагаетъ себѣ дорогу чрезъ многія опасности къ усопшему Випуну, проглачивается имъ, но не достигаетъ цѣли своего путешествія и возвращается оканчивать лодку. На ней онъ отправляется въ Погіолу, дорогой останавливается близъ берега Ильмаринена. Айникки (Ainikki), сестра кузнеца, полоскала на берегу бѣлье и вступивъ въ разговоръ съ Вейнемейненомъ, узнала, что онъ ѣдетъ за невѣстой въ Погіолу. Она поспѣшила къ брату и объявила намѣреніе Вейнемейнена, послѣ чего Ильмаринень отправился также въ путь. Оба героя въ одно время достигли цѣли своего путешествія; ихъ намѣренія были извѣстны и хозяйка Погіолы совѣтывала дочери отдать руку Вейнемейнену, но дѣва предпочла кузнеца Ильмаринена. Послѣдній получаетъ отъ матери задачи: вспахать обильное змѣями поле, укротить медвѣдя Туони и волка Маналы, поймать щуку изъ рѣки Туонелы. Исполнивъ всѣ задачи, Ильмаринень получаетъ отъ матери согласіе на бракъ. Тогда наступили приготовленія къ большой свадьбѣ. Зарѣзаютъ огромнаго быка, котораго хвостъ въ Тавастландѣ, а голова въ Кеми; одна нога въ Олонцѣ, другая на холмахъ Туріи, третья на рѣкѣ Вуоксѣ, четвертая въ Лапландіи. Цѣлый день летѣла бы ласточка отъ одного рога до другого; цѣлый мѣсяцъ бѣжала бы бѣлка съ конца хвоста до другого и на половинѣ

пути должна была бы остановиться для отдыха на ночь. Долго не могли найти, кто бы могъ зарѣзать вола-великана; наконецъ, выходитъ изъ моря мужичекъ, вышиной пальца въ три, а весь съ большой палецъ, борода до пятъ. На головѣ каменная шапка, въ рукахъ золотой ножъ. Однимъ ударомъ убиваетъ онъ быка и сто карзинъ, во сто сажень каждая, наполняютъ мясомъ, а кровью семь лодокъ. За тѣмъ говоритъ Луги: надо варить пиво, а я не знаю, какъ оно дѣлается, и вотъ хмѣль шумитъ съ дерева, вода изъ рѣки, ячмень съ поля: «когда же,» говоритъ, — «сойдемся мы вмѣстѣ и станемъ киспуть?» Пивоварка Осмотаръ тотчасъ кладетъ все вмѣстѣ, но пиво не киснетъ. Чтобы пособить горю, въ минуту, однимъ трепемъ рукъ, создаютъ бѣлку и куницу, и посылаютъ ихъ въ лѣсъ искать закваску. Но и то напрасно. Наконецъ, создаютъ пчелу Мегилайнена и посылаютъ за девять морей къ спящей дѣвицѣ, вокругъ которой растетъ золотая трава и цвѣтутъ серебряныя цвѣты. Мегилайненъ обмакиваетъ свои крылышки въ медовой росѣ и летитъ домой; только лишь капельку этаго меда положила Осмотаръ въ пиво, какъ оно зашумѣло и густою пѣной пошло чрезъ края чановъ въ погребныя бочки; но — говоритъ пиво: «если меня хотятъ пить, пусть заговорятъ, иначе меня не удержать въ бочкѣ.» Призываются гости изъ Погіолы и изъ Калевалы: бѣдные и богатые, калѣки и слѣпые, одинъ Лемминкейненъ остается не позваннымъ. Послѣ свадьбы слѣдуетъ разлука съ родиной. Луги упрекаетъ дочь за то, что она легкомысленно оставляетъ жилище отцевъ, и въ ея словахъ, равно какъ и въ отвѣтахъ дочери дышетъ горячая любовь къ родинѣ. Чѣмъ могу я отплатить за молоко матери, за доброту отца? говоритъ дочь. Потомъ прощается съ людьми и съ вещами «золотой родины,» обращаетъ рѣчь ко всему: къ отеческому дому, къ своей горницѣ, къ двери, къ порогу, ко двору. Потомъ изъ саней, въ которыхъ ѣдетъ съ Ильмариненомъ, она говоритъ прощальныя рѣчи къ деревьямъ, кустарникамъ, вѣтвямъ, къ ягодамъ и корнямъ. Отъѣхавъ не много съ своимъ женихомъ, она спрашиваетъ, смотря на нивы: кто это промелькнулъ тамъ? Это прыгнулъ заяцъ, отвѣчаетъ Ильмаринепъ, — сынъ зайца оставилъ слѣдъ свой. «Ахъ, лучше бы и мнѣ,» говоритъ она, «встать изъ саней и бѣжать по слѣдамъ зайца.» Такіе же вопросы повторяются при встрѣчѣ съ медвѣдями и волками. Между тѣмъ, разгнѣванный Лемминкейненъ рѣшился отправиться въ Погіолу незваннымъ, не смотря на предостереженія матери. Когда онъ прибылъ туда, свадьба уже была кончена; незваннаго гостя приняли съ насмѣшками. Лемминкейненъ не былъ таковъ, чтобы сносить поношенія, онъ вызвалъ хозяина Погіолы на поединокъ, отру-

билъ ему голову и воткнулъ ее на колъ забора. Затѣмъ онъ долженъ былъ спасаться бѣгствомъ, ибо хозяйка Погіолы созвала весь свой народъ, желая отмстить за смерть мужа; Леммикейненъ съ трудомъ достигъ родины, но такъ какъ и здѣсь онъ былъ не безопасенъ отъ преслѣдованія своихъ враговъ, то по совѣту матери отправился на отдаленный островъ, гдѣ прежде отецъ его находилъ вѣрное убѣжище въ военное время. Прибывъ на островъ, вѣтряный Леммикейненъ своимъ поведеніемъ относительно женъ и дѣвъ возбудилъ гнѣвъ мужей, они рѣшились погубить его. Извѣщенный объ этомъ во время, Леммикейненъ долженъ былъ вторично бѣжать и направилъ свой путь къ родинѣ. Во время пути настала сильная буря, которая разбила его корабль; онъ вплавь достигъ берега, досталъ тамъ новую лодку и счастливо возвратился на родину. Тамъ хижина его была сожжена войскомъ Погіолы. Матери также не было, Леммикейненъ нашелъ ее однако живою въ чащѣ лѣса, гдѣ она жила въ небольшой трущобѣ. Онъ обѣщалъ построить ей лучшую избу и отмстить народу Погіолы. Для этой цѣли соединяется съ своимъ старымъ товарищемъ по оружію Тіера или Куура (Tiera-Kuura) и вмѣстѣ съ нимъ отправляется въ Погіолу. Во время пути хозяйка Погіолы наслала имъ сильный морозъ; корабль ихъ замерзъ на морѣ и они съ трудомъ достигли берега. Потомъ они долго блуждали въ дикой пустынѣ, наконецъ прибыли домой ничего не сдѣлавъ.

Теперь слѣдуетъ опять длинный эпизодъ, котораго отношеніе къ прочимъ стихамъ Калевалы состоитъ въ томъ, что дерзкій великанъ Куллерво, поступившій въ службу къ Ильмаринену губитъ его хозяйку. Огорченный смертью своей жены, Ильмаринень намѣренъ сковать себѣ другую жену изъ золота и серебра. Ему удалось сообщить золотому изображенію хорошій видъ. Но когда оно покоилось близъ него, онъ чувствовалъ, что изъ его безжизненной невѣсты выходитъ ледяной холодъ. Недовольный своей работой, онъ опять предпринимаетъ путешествіе въ Погіолу, чтобы сватать тамъ другую дочь. Хозяйка Погіолы встрѣчаетъ его сурово и рѣшительно отказываетъ ему. Тогда онъ прибѣгаетъ къ силѣ: схватываетъ дѣву, садитъ въ свои сани, и спѣшитъ съ нею на родину. На пути онъ замѣчаетъ невѣрность своей невѣсты и потому обращаетъ ее въ чайку, чтобы она кричала на морской скалѣ. На возвратномъ пути встрѣчаетъ Ильмаринень стараго Вейнемейнена, который освѣдомляется объ его путешествіи и спрашиваетъ о томъ, какъ живется въ Піоголѣ. Ильмаринень отвѣчаетъ, что легко живется въ Піоголѣ, потому что тамъ Сампо изливаетъ на все свои

благодѣянія. 1) Вейнемейненъ предлагаетъ Ильмаринену отправиться въ Піоголу и похитить Сампо. Ильмаринень отвѣчаетъ, что похищеніе Сампо невозможно. Вейнемейненъ однако остается твердъ въ своемъ намѣреніи и герои рѣшаютъ совершить свое путешествіе въ Погіолу водою, хотя Ильмаринень съ своей стороны былъ болѣе склоненъ ѣхать сухимъ путемъ. Когда они плывутъ по морю, ихъ замѣчаетъ Лемминкейненъ и проситъ взять его въ товарищи, тѣ соглашаются. Три героя достигаютъ водопада, гдѣ лодка держится на спинѣ большой щуки. Рыбу убиваютъ и изъ челюсти ея Вейнемейненъ дѣлаетъ арфу. Когда она была готова, всѣ пробуютъ играть на ней; но никому не удается извлечь изъ нея настоящихъ звуковъ. Тогда берется за струны самъ Вейнемейненъ и поетъ всемогущія пѣсни. Цѣлыми стаями бѣгутъ къ нему звѣри и птицы и рыбы; тысячи зяблицъ и чижиковъ садятся ему на плечи; герои заливаются слезами; у самаго Вейнемейнена онѣ текутъ по лицу рѣкою, падаютъ въ море и превращаются въ драгоцѣнные камни. Кто соберетъ мои слезы въ свѣтлыхъ волнахъ? говоритъ Вейнемейненъ. Сизая утка погружаетъ свой клювъ въ холодную бездну моря и собираетъ Вейнемейненовы слезы. Они продолжаютъ свое путешествіе и счастливо достигаютъ Погіолы. Вейнемейненъ предлагаетъ хозяйкѣ Погіолы раздѣлить Сампо, и когда она не соглашается, грозитъ ей потерею всего. Хозяйка созываетъ всѣхъ мужей Погіолы, они собираются, готовые къ бою. Звуками своей арфы Вейнемейненъ усыпляетъ все ополченіе и во время общаго сна герои Калевалы похищаютъ Сампо. На третій день просыпается хозяйка Погіолы, видитъ, что Сампо похищенъ и посылаетъ туманъ, бурю и т. п., чтобы помѣшать возвращенію героевъ Калевалы, даже, если можно, настигнуть ихъ. При этой погодѣ Вейнемейненъ теряетъ свою арфу изъ костей щуки, буря сноситъ ее въ море и она дѣлается добычею бога волнъ Ахти. Между тѣмъ хозяйка Погіолы вооружаетъ корабль, на которомъ она въ главѣ своего народа гонится за героями Калевалы. Она догоняетъ ихъ и начинается сильный бой, герои Калевалы побѣждаютъ. Хозяйка Погіолы однако успѣваетъ поднять Сампо изъ лодки; онъ при этомъ разрывается на куски, изъ которыхъ большая часть погружаются на дно морское, остальные плывутъ по водѣ и пригоняются волнами къ берегу. Вейнемейненъ объявляетъ, что эти куски принесутъ благодать Финляндіи, а хозяйка Погіолы

---

1 Тамъ пашутъ и сѣютъ,
Тамъ всяческое произрастаніе,
Тамъ неизмѣнное благоденствіе,» поетъ Ильмаринень.

грозитъ уничтожить растительность, посѣвы и скотъ, посредствомъ холода, мороза, дикихъ звѣрей и т. п. Вейнемейненъ выражаетъ пренебреженіе къ ея угрозамъ и хозяйка Погіолы принуждена сознаться, что ея сила ослабѣла, ибо она потеряла Сампо. Огорченная, возвращается домой, сохранивъ отъ Сампо одну покрышку. «Вотъ почему горе въ Погіолѣ, почему нѣтъ хлѣба въ Лапландіи.» Вейнемейненъ собралъ всѣ остатки Сампо, приплывшіе къ берегу и привезъ ихъ домой, чтобы они принесли тамъ изобиліе, родили бы пиво и хлѣбъ. Послѣ счастливаго исхода своей поѣздки въ Погіолу Вейнемейненъ чувствовалъ потребность выразить свою радость въ звукахъ, но его арфа исчезла въ глубинѣ морской. Хотя онъ и пробовалъ достать ее, но такъ какъ всѣ старанія его были тщетны, то Вейнемейненъ сдѣлалъ себѣ новую арфу изъ березы и восхищалъ ею всѣхъ существъ [1]). Хозяйка Погіолы между тѣмъ осуществила свои угрозы. Прежде всего она послала на Калевалу неслыханныя болѣзни и когда Вейнемейненъ своимъ пѣніемъ и цѣлительными средствами изгналъ ихъ, она послала медвѣдя, чтобы уничтожить стада. Вейнемейненъ убилъ и его. По этому случаю, чтобы схоронить останки убитаго, было устроено большое празднество. Вейнемейненъ струнами арфы производилъ такіе нѣжные звуки, что солнце и мѣсяцъ спустились съ небесъ насладиться ихъ прелестью. Хозяйка Погіолы тотчасъ же поспѣшила овладѣть небесными тѣлами и и спрятала ихъ въ одной скалѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ она украла огонь изъ Калевалы. Тагда богъ неба Укко рѣшилъ создать новые солнце и мѣсяцъ; онъ выбилъ огонь, спряталъ одну искру въ кошелекъ, убранный золотомъ, хранившійся въ серебряномъ ящикѣ и далъ эту искру дочери воздуха, чтобы она раздула изъ нея пламя, которое бы могло служить также для новыхъ небесныхъ тѣлъ. Дѣвушка такъ неосторожно обращалась съ искрою, что она упала на землю. Вейнемейненъ замѣтилъ это паденіе и соединился съ Ильмариненомъ отыскивать искру. Имъ посчастливилось найти ее во внутренности одной щуки, но когда Ильмаринень хотѣлъ взять искру, она обожгла ему лице и руки, потомъ исчезла въ лѣсу и произвела тамъ большое опустошеніе. Наконецъ Вейнемейненъ овладѣлъ искрою и Калевала опять пріобрѣла огонь; но солнца и мѣсяца еще не доставало. Ильмаринень, излѣчившись отъ болѣзни, затѣялъ сковать изъ золота и серебра новое солнце и мѣсяцъ, но они не достигли цѣли. При помощи своего чародѣйскаго искусства Вей-

---

*) «Орелъ оставляетъ въ гнѣздѣ своихъ малютокъ и летитъ слушать его,» говоритъ пѣснь, желая выразить всю силу игры Вейнемейнена.

немейненъ узналъ, что настоящіе солнце и мѣсяцъ скрываются въ каменной горѣ Погіолы. Желая освободить ихъ, онъ отправляется опять въ Погіолу, борется крѣпко съ мужами ея, побѣждаетъ ихъ, но не имѣетъ орудій, чтобы проникнуть въ скалу, гдѣ скрывались солнце и мѣсяцъ. Онъ возвращается за орудіями въ Калевалу,—Ильмаринёнъ начинаетъ ковать ихъ. Хозяйка Погіолы прилетаетъ къ нему въ видѣ жаворонка: «что за хитрость куешь ты Ильмаринёнъ?» спрашиваетъ она. «Петлю на шею злой женщинѣ въ Погіолѣ,» отвѣчалъ Ильмаринёнъ. Луги приведена въ такой страхъ, что принуждена освободить солнце и мѣсяцъ изъ заключенія. За тѣмъ пѣсни Калевалы ничего больше не говорятъ о ней. О Вейнемейненѣ существуетъ еще одна пѣснь, которая описываетъ послѣднюю судьбу его и уже примыкаетъ къ христіянству. Младенецъ—Христосъ явился на свѣтъ и одинъ старецъ былъ позванъ крестить его. Такъ какъ новорожденный не имѣлъ отца, то онъ не могъ быть крещенъ до избранія судьи, который долженъ былъ рѣшить: слѣдуетъ ли оставить жизнь дитяти. Рѣшеніе этаго вопроса было предоставлено мудрому Вейнемейнену, онъ рѣшилъ, что дитя должно быть убито. Дитя возвысило голосъ и упрекнуло Вейнемейнена въ несправедливомъ рѣшеніи. Послѣ чего старецъ креститъ дитя въ царя Кареліи; но Вейнемейненъ недоволенъ, онъ отправляется на мѣдной лодкѣ къ мѣсту, которое находится между небомъ и землей. Арфу же свою онъ оставилъ на вѣчную радость Финскому народу.

Кастренъ [1])

---

[1]) Кастренъ (Александръ, Матіасъ), профессоръ Финскаго языка и литературы въ Гельзингфорскомъ университетѣ, принадлежитъ къ числу тѣхъ великихъ людей, которые приносятъ жизнь свою на пользу науки. Онъ родился 20 Ноября 1813 года, въ Остроботніи, гдѣ отецъ его Христіанъ былъ сперва Капелланомъ въ Терволѣ, а потомъ пасторомъ въ Рованьеми. Поступивъ въ Гельзингфорскій университетъ, Кастренъ думалъ посвятить себя духовному званію, и потому занимался въ началѣ языками классическими и восточными; мало по малу любовь къ родинѣ взяла однакожъ перевѣсъ и онъ перешелъ къ изученію не только Финскаго языка, но и всѣхъ языковъ ему родственныхъ. Для подробнаго изслѣдованія ихъ, ему было необходимо познакомиться съ ними на мѣстѣ, чрезъ живую рѣчь самаго народа. Съ этою цѣлью Кастренъ предпринялъ еще въ 1838 году свое первое путешествіе въ Лапландію, и затѣмъ въ 1839 г. въ Русскую Карелію. Въ 1841 г. вмѣстѣ съ знаменитымъ собирателемъ и издателемъ финскихъ эпическихъ пѣсенъ докторомъ Эліасомъ Леннротомъ отправился онъ снова въ пограничную Лапландію, и черезъ Колу пробрался въ Архангельскъ. Отсюда онъ совершилъ многотрудное путешествіе чрезъ Уралъ до Обдорска, подвергая себя постоянной опасности погибнуть въ снѣжныхъ пустыняхъ. Разстроенное путешествіемъ здоровье принудило его возвратиться на родину (1844 г.). Чуть опра-

вившись, онъ уже весною 1845 г. предпринялъ большое ученое путешествіе въ Сибирь по порученію С.-Петербургской Академіи наукъ. Съ 1845 до 1848 года, не смотря на чрезвычайныя трудности пути,—на частые возвраты болѣзни, Кастренъ неутомимо занимался изученіемъ языка и обычаевъ различныхъ племенъ Сибирскихъ: Самоѣдовъ, Остяковъ, Татаръ, Тунгусовъ и Бурятъ. Въ теченіи этаго времени онъ переслалъ цѣлый рядъ любопытнѣйшихъ отчетовъ въ Академію и множество писемъ къ друзьямъ и къ горячему заступнику его научной дѣятельности въ Академіи (Шегрену),—писемъ полныхъ зачастую веселаго юмора и въ самыя тяжелыя мгновенія. По возвращеніи Кастренъ занимался обработкою собранныхъ имъ во время путешествія матеріаловъ и въ 1850 г. былъ опредѣленъ профессоромъ на вновь открытую каѳедру финскаго языка и литературы въ Гельзингфорскомъ университетѣ. Въ 1852 году его уже не стало. Изнурительные труды, разстроивъ и безъ того хилое его здоровье преждевременно свели его въ могилу. Жизнь Кастрена была буквально посвящена наукѣ. На совѣты друзей беречь свое здоровье, поддерживать дорогую для родины жизнь онъ говорилъ: «моя жизнь слишкомъ ничтожна и малозначуща. Я увѣренъ, что міръ можетъ, какъ нельзя лучше обойтись и безъ моихъ грамматикъ; при томъ же жизнь хвораго человѣка представляетъ такъ мало привлекательнаго, что право не призадумаешься пожертвовать ею чести—пасть на полѣ сраженія.»

Письма и путевыя записки Кастрена, изданныя его друзьями въ 1853 и 1856 г., переведены на русскій языкъ въ магазинѣ землевѣденія и путешествій, географическомъ сборникѣ изд. Фроловымъ: т. VI. Нѣкоторыя отдѣльныя изслѣдованія Кастрена и лекціи его о финской миѳологіи въ переводѣ на нѣмецкій языкъ изданы Шифнеромъ. (Kleinere Schriften. S.-Petersb. 1862. Vorlesungen über die Finnische Mythologie. St. Petersb. 1853.

ТЮРКСКІЕ НАРОДЫ [1])

А.

БУЛГАРЫ [2]).

18. Обзоръ политической исторіи Волжскихъ Булгаръ до 10-го вѣка.

1836 г.

Народъ, обитавшій нѣкогда на землѣ нашего отечества подъ именемъ Булгаровъ или Болгаровъ, дѣлился на двѣ отрасли: одна жила на Волгѣ, другая на Дунаѣ Первая исчезла совершенно, такъ что объ ея существованіи мы знаемъ только изъ современныхъ ей чужеземныхъ писателей; другая составляетъ доселѣ главную часть народонаселенія нынѣшнихъ турецкихъ областей—Булгаріи, Румиліи, Македоніи и Албаніи. Откуда про-

---

1) Средняя Азія отъ Восточнаго Океана до Каспійскаго моря служила съ незапамятныхъ временъ мѣстомъ жительства трехъ племенъ различныхъ по наружности, но родственныхъ между собою по языку и образу жизни: тунгусскаго на востокѣ, у Восточнаго океана,—монгольскаго въ самомъ центрѣ и тюркскаго на западѣ, близъ Аральскаго, Каспійскаго морей, даже близъ горъ Алтайскихъ. Каждое изъ этихъ племенъ раздѣлялось на множество отдѣльныхъ вѣтвей. Главнѣйшіе народы тюркскаго племени, распространившіеся въ предѣлахъ Южной Россіи и упоминающіеся въ исторіи, были: Булгары, Авары, Хазары, Печенѣги, Половцы. У нашего лѣтописца они имѣютъ общее названіе: Торки. О тюркскихъ народахъ южной Россіи см. у Неймана (K. F. Neimann: Die Volker des südlichen Russlands in ihrer geschichtlichen Entwickelung. Leipzig, 1847); у Куника (о торкскихъ Печенѣгахъ и Половцахъ по мадьярскимъ источничамъ, съ указаніемъ на новѣйшія изслѣдованія о черноморско-тюркскихъ народахъ отъ Аттилы до Чингисхана—въ Ученыхъ Запискахъ Академіи наукъ по 1-му и 3-му отд. т. 3, вып. 5).

2) Сочиненія о Булгарахъ: Сергѣя Уварова—De Bulgarorum utrorumque origine et sedibus antiqussimis. Dorpati Livonornm, 1853; Григорьева—Волжскіе Булгары (Библіотеаа для Чтенія 1836 г. Ноябрь); Кеппена о томъ же; Вивьенъ-де-Сенъ Мартенъ—Les Bulgares (nouvelles Annales des Vojages, 1850, т. II); Френа—см. ниже; Березина—Булгаръ на Волгѣ, 1852.

исходятъ Булгары? Академикъ Френъ полагалъ, что они первоначально принадлежали къ финскому племени, но потомъ смѣшались съ народами славянскими и тюркскими; въ настоящее время ученые причисляютъ древнихъ Булгаръ къ тюркскимъ народамъ. Въ огромномъ войскѣ Гунновъ,» говоритъ академикъ, Куникъ, «состоявшемъ изъ разноплеменныхъ, народныхъ стихій, скрывались уже многіе изъ черноморскихъ тюркскихъ народовъ, которые потомъ одинъ за другимъ являлись на сценѣ исторіи, именно: не подлежитъ никакому сомнѣнію, что остатокъ войска Гунновъ въ собственномъ смыслѣ составляло племя, называвшееся съ тѣхъ поръ именемъ Болгаръ, и впослѣдствіи раздѣлившееся на двѣ части, изъ которыхъ одна поселилась на средней Волгѣ, другая по ту сторону Дуная.»

Византійскіе писатели Θеофанъ и Никифоръ Грегорасъ [1] говорятъ, что Булгары до своего раздѣленія на двѣ вѣтви жили въ сѣверныхъ странахъ, при рѣкѣ Волгѣ. Такимъ образомъ, сѣверовосточные берега Волги, около тѣхъ мѣстъ, гдѣ она принимаетъ въ себя Каму или нѣсколько южнѣе были настоящимъ гнѣздомъ Булгаровъ и тамъ возникла первая ихъ держава, вѣроятно, около пятаго столѣтія, если не ранѣе. Въ 501 г., Булгары сдѣлали въ первый разъ вторженіе во Θракію и Иллирію и только съ той поры они извѣстны Византійцамъ. Затѣмъ Булгары, которыхъ византійскіе лѣтописцы называютъ также Гуннами и еще другими именами, стали часто переходить Дунай и нападать на двѣ упомянутыя провинціи. Для пресеченія имъ пути, Императоръ Анастасій выстроилъ длинную стѣну, извѣстную подъ его именемъ; не смотря на то, въ царствованіе Юстиніана, въ 538 году, они снова вторглись въ Мизію; но въ слѣдующемъ году, префектъ Иллиріи Мундусъ наносъ имъ сильное пораженіе. Пятьсотъ пятьдесятъ девятый годъ ознаменованъ страшнымъ нашествіемъ Булгаровъ, подъ предводительствомъ Забергана, который, двинувшись отъ Волги, перевелъ по замерзшему Дунаю свою конницу и толпы Славянъ, шедшія подъ его знаменами. Булгары истребляли все огнемъ и мечемъ, оскверняли дѣвицъ, бросали младенцевъ собакамъ на съѣденіе. Забергань (вѣроятно Чевиргань) съ семью тысячами конницы расположился верстахъ въ тридцати отъ Константинополя, въ стѣнахъ котораго старый Юстиніанъ дрожалъ и пряталъ драгоцѣнную утварь и сокровища. Царьградъ

---

[1]) Θеофанъ (ок. 565 г.), написалъ 10 книгъ—Исторіи (Византійской) отъ 566—576. Никифоръ Грегорасъ († 1359) написалъ Римской или Византійской Исторіи 38 книгъ, отъ 1205 до 1851 г. Изданы въ Corpus scriptorum historiae Byzantinae Bonnae, 1839, 1841, 1855, томы: XXXVII, XL, XLVIII.

былъ спасенъ Велизаріемъ, и послѣдняя изъ его побѣдъ упала на голову хищныхъ Булгаровъ. Около того времени Авары, вторгшись въ Европу изъ за Волги, въ числѣ прочихъ народовъ покорили и Булгаровъ, которые остались ихъ подвластными до смерти знаменитаго Баяна, Хана Аварскаго, когда Кувратъ или Хорватъ, князь Булгарскій, освободилъ ихъ отъ ига. Это случилось въ первый половинѣ VII столѣтія: тогда большая часть этихъ Булгаровъ все еще обитала между Дономъ и Волгою. Умирая, Хорватъ совѣтовалъ сыновьямъ своимъ жить всѣмъ вмѣстѣ, но по смерти отца, они, вопреки завѣщанію его, раздѣлились. Старшій Батбай, съ приверженцами своими остался на родинѣ и скоро покоренъ былъ Хазарами; второй Котрагъ, перешелъ за Донъ и поселился на западномъ берегу этой рѣки; третій, Аспарухъ, съ большею частію народа переправился черезъ Днѣпръ и Днѣстръ, ведя съ собою безчисленныя стада, которыхъ молокомъ питались его подданные, покорилъ славянскій народъ Антовъ, и расположился въ нынѣшней Молдавіи. Другіе два брата двинулись еще далѣе: одинъ въ Паннонію, гдѣ соединился съ Аварами; другой, Алчикъ, въ Италію, гдѣ въ награду за услуги, оказанныя Ромуальду, герцогу Беневентскому, получилъ отъ него во владѣніе графство Молизское.

Переселеніе Аспаруха произошло во второй половинѣ VII столѣтія, въ царствованіе Византійскаго Императора Константина Погаината. Болгары Аспаруховы не утвердились въ занятыхъ ими мѣстахъ, а начали дѣлать оттуда набѣги на земли придунайскія. Константинъ выступилъ противъ нихъ съ сильною сухопутною и морскою ратью; но войска Византійскія обратились въ бѣгство. Булгары, преслѣдуя бѣглецовъ, перешли черезъ Дунай, вторглись въ Нижнюю Мизію, которую тоже занимали Славяне, наложили на нихъ дань и съ Императоромъ заключили миръ на условіи давать имъ ежегодный окупъ. Тогда (679) въ Мизіи основалось Булгарское государство, и эта провинція начала называться малою Булгаріею, для отличія отъ Великой, какъ Греки VII вѣка именовали первоначальное отечество Булгаровъ на Волгѣ.

Булгары, оставшіеся въ своихъ прежнихъжилищахъ у нижней Волги и Дона, были данниками Хазаръ еще въ началѣ IX столѣтія и быть можетъ для освобожденія себя отъ нихъ, они двинулись вверхъ по Волгѣ и поселились, какъ при этой рѣкѣ такъ и при Камѣ. Тутъ узнали ихъ Арабскіе писатели X вѣка, которымъ мы обязаны первыми и лучшими свѣденіями о Булгарахъ Волжскихъ. Принятіе Волжскими Булгарами мусульманской вѣры въ 922 году есть первое у нихъ событіе, о

которомъ мы имѣемъ достовѣрное извѣстіе. Арабскіе писатели разсказываютъ объ этомъ много чудеснаго. По одному изъ этихъ разсказовъ одинъ благочестивый мужъ пришелъ въ городъ Булгаръ въ такое время, когда царь и царица были больны и уже отчаявались въ выздоровленіи. «Примите ли вы вѣру мою, если вылечу васъ?» сказалъ онъ имъ.—«Примемъ,» отвѣчали больные. Благочестивый мужъ вылечилъ ихъ, и они приняли исламизмъ. Услышавъ объ этомъ, государь Хазарскій пошелъ на нихъ войною съ огромнымъ войскомъ, но благочестивый мужъ сказалъ Булгарамъ: «не бойтесь, и нападайте на непріятеля съ крикомъ: «Аллахъ анбаръ, Аллахъ анбаръ!» (Богъ великъ, Богъ великъ!) Булгары исполнили это, и обратили враговъ въ бѣгство. Скоро послѣ того государь Хазарскій предложилъ Булгарамъ миръ, говоря: «я видѣлъ въ вашемъ войскѣ, гигантовъ на сѣрыхъ коняхъ, которые побивали моихъ воиновъ.» «Это была рать Божія,» отвѣчалъ благочестивый мужъ. Мусульмане вѣрятъ, что рать ангеловъ всегда сражается невидимо вмѣстѣ съ ними противъ невѣрныхъ. Какъ бы то ни было, съ этаго времени начинаются постоянныя сношенія Волжскихъ Булгаръ съ Арабами. Въ 921 году отъ Р. Х. прибыло въ Багдадъ къ Калифу Муктедиру посольство отъ царя Булгарскаго Алмуса съ просьбою прислать ему людей, свѣдущихъ въ мусульманскомъ законѣ и художниковъ для сооруженія мечетей,—крѣпостей. Исполняя эту просьбу, Калифъ отправилъ въ Булгарію посланниками Соусена Эль-Расп и Ахмета Ибнъ-Фоцлана, которые поѣхали въ Булгаръ черезъ Хиву и землю Башкировъ. Ибнъ-Фоцланъ оставилъ намъ описаніе Булгаріи и земель, которыя ему удалось видить во время этаго путешествія.

Григорьевъ [1]).

19. Обычаи и нравы Волжскихъ Булгаръ.

X вѣка.

Булгаръ, столица Славянъ [2]), лежитъ на дальнемъ сѣверѣ. Холода тамъ весьма сильны, земля не только зимою, но даже и лѣтомъ покрыта снѣгомъ, и рѣдко можно встрѣтить сухое

---

[1]) Библіотека для чтенія, 1836 г.

[2]) Арабскіе писатели Якутъ и Ибнъ-Фоцланъ (о нихъ см. ниже) принимаютъ Булгаръ за Славянъ и употребляютъ оба эти названія какъ синонимы.

мѣсто. Булгары строятъ дома свои только изъ дерева. Они кладутъ одно бревно къ другому и скрѣпляютъ ихъ крѣпкими, также деревянными гвоздями. Плоды и другія лучшія произведенія почвы не поспѣваютъ въ этой землѣ. Булгаръ лежитъ на мѣсяцъ пути отъ Хазарской столицы Итиля, если ѣхать степью. Идя въ верхъ по рѣкѣ Итилю (Волгѣ), нужно почти два мѣсяца, по теченію же только двадцать дней. Отъ Булгара до Греческой столицы десять дней пути, до Кіева столицы Руссовъ около двадцати дней, до земли Башкировъ двадцать пять. Царь Булгарскій во время правленія Калифа Муктедиръ-Биллаха вмѣстѣ со своими подданными принялъ мусульманскую вѣру, и за тѣмъ послалъ посла въ Багдадъ, чтобъ увѣдомить объ этомъ Калифа и просить у него человѣка, который научилъ бы ихъ молитвамъ и религіознымъ обрядамъ. Что именно побудило ихъ принять Исламъ, я не могъ узнать. Между прочимъ, я читалъ небольшое сочиненіе, составитель котораго Ибнъ-Фоцланъ, кліентъ Мугамета Сулеймана, отправленъ былъ посломъ отъ Муктедира къ царю Славянъ [1]), въ немъ онъ изложилъ все, что съ нимъ случилось послѣ отъѣзда изъ Багдада до возвращенія. Изъ этаго сочиненія я привожу слѣдующія извѣстія [2]). «Отъ царя Славянъ, царя Балатварскаго Алмуши, сына Шелкіева, пришло письмо къ Эмиру правовѣрному Муктедиръ Биллаху, въ которомъ онъ его проситъ прислать ему людей, чтобъ его научить религіи и священнымъ обрядамъ Ислама, построить ему мечети, воздвигнуть каѳедры, съ которыхъ бы можно было призывать всѣ народы его государства къ почитанію Бога. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ свѣдущихъ людей для постройки крѣпости, въ которой бы онъ могъ быть безопасенъ отъ нападенія враждебныхъ царей. Всѣ его просьбы согласились исполнить. Его посланникъ былъ Нозеиръ Эль-Хазми. Посломъ Калифа былъ Соусенъ-Эль-Раси. Мы выѣхали изъ Багдада 11-го Зефира (второй мѣсяцъ) 309 года (21 Іюня 921 года по Р. Х.).»

Далѣе Ибнъ-Фоцланъ разсказываетъ о томъ, что видѣлъ во время своего путешествія въ Хиву и чрезъ землю Славянъ, а потомъ продолжаетъ: «Когда мы были только на разстояніи однихъ сутокъ пути отъ царя Славянъ (Малекъ Эль-Саклабъ), къ которому ѣхало наше посольство, вышли къ намъ на встрѣчу братья его, дѣти и четверо подвластныхъ ему царей, неся

---

1) Царь Булгарскій называется здѣсь царь Славянъ.

2) Это все говоритъ отъ себя Якутъ, Арабскій географъ XII вѣка (1229 г.), въ своемъ географическомъ словарѣ, подъ словомъ: «Булгаръ.» Далѣе онъ передаетъ разсказъ о Булгарахъ, принадлежащій Ибнъ-Фоцлану (X вѣка), о немъ см. ниже.

хлѣбъ, мясо и просо. Отсюда мы отправились далѣе вмѣстѣ съ ними и когда до царскаго жилища оставалось только двѣ парасанги [1]) (восемь верстъ), встрѣтилъ насъ самъ царь. Увидѣвъ насъ, онъ сошелъ съ лошади и палъ ницъ, восхваляя и благодаря Аллаха. Потомъ онъ разсыпалъ передъ нами серебряныя деньги, бывшія у него въ рукавѣ, и для помѣщенія нашего велѣлъ разбить палатки, въ которыхъ мы и остановились. Это было въ Воскресенье, 12 числа мухаррема, 310 г. (11 мая 922 г. по Р. Х.). Отъ Харезмскаго города Джорджана (Ургенджа, Хивы) до сюда было семьдесятъ дней пути (около двухъ тысячъ пяти сотъ верстъ). Въ этихъ палаткахъ пробыли мы до среды, дожидаясь пока соберутся цари и вельможи земли его для присутствованія при чтеніи, привезенной нами грамоты. Въ четвергъ приготовили мы два вышитые золотомъ чахла, бывшіе съ нами, украсили лошадь богатымъ сѣдломъ, одѣли царя въ черное платье и голову ему обернули турбаномъ; я вынулъ грамоту халифа, и онъ прочелъ ее стоя. Потомъ онъ прочелъ письмо верховнаго визиря Хамида-Ибнъ-Эль-Аббаси, такъ же стоя, хотя былъ очень дороденъ. Его вельможи осыпали насъ серебряными деньгами. Мы вынули подарки халифа и представили ихъ царю: потомъ надѣли мы жалованную шубу на его супругу, которая по обычаю той земли садится (всенародно) рядомъ съ мужемъ. Потомъ царь позвалъ насъ въ свою палатку. Самъ онъ сидѣлъ на тронѣ, покрытомъ Греческою парчею; по правую руку его находились подвластные цари, прямо противъ него сидѣли его дѣти, а насъ онъ посадилъ по лѣвую руку отъ себя. Тотчасъ, по повелѣнію царя, принесли столъ, а на столѣ жареное мясо. Взявъ ножъ, онъ сначала отрѣзалъ отъ мяса одинъ кусокъ и съѣлъ его; потомъ такимъ же образомъ съѣлъ другой и третій; потомъ отрѣзалъ еще кусокъ, и подалъ его послу нашему Соусену, предъ которымъ тотчасъ же поставили небольшой столъ. Таковъ тамъ обычай, что никто не можетъ дотронутся до кушанья, пока царь ему не дастъ куска; и тогда уже тому, кто получилъ кусокъ, подаютъ особый столъ. Послѣ Соусена царь далъ кусокъ мяса, одному изъ своихъ подвластныхъ царей, сидѣвшему по правую его руку, и передъ нимъ тоже поставили столикъ; потомъ другому, третьему, и такъ далѣе, всѣмъ присутствовавшимъ. Такимъ образомъ каждый получилъ особый столикъ и ѣлъ на немъ одинъ, не сообщаясь съ другими. По окончаніи обѣда мы взяли съ со

---

[1]) Парасанга то же что Ферзенкъ, персидская мѣра пути: она составляетъ почти 12-ую часть градуса. По словамъ Массуди, въ Ферзенкѣ считается 8 миль, а въ милѣ 4000 локтей 14 дюймовыхъ.

бою домой, что оставалось на нашихъ столикахъ; но, прежде чѣмъ мы ушли, царь велѣлъ подать медоваго вина, которое называется на ихъ языкѣ «сичоу» (сычовка), пилъ самъ и мы пили.

«До нашего прибытія въ хутбѣ (проповѣди) поминали царя такимъ образомъ: Господи, даруй благоденствіе царю и владавцу, царю Булгара! Я ему замѣтилъ, что только Богъ есть царь, и что никому не позволительно величать себя такъ передъ Богомъ, особенно съ каѳедры. Самъ твой верховный начальникъ, халифъ, повелитель правовѣрныхъ, сказалъ я ему, велѣлъ, чтобы на всѣхъ каѳедрахъ Востока и Запада (Азіи и Африки) поминали его не иначе какъ: Господи, даруй благоденствіе рабу твоему и намѣстнику Джафару, могучему въ Богѣ (Муктедиръ бильлахъ), повелителю правовѣрныхъ. Царь спросилъ: какъ же надо говорить?—я отвѣчалъ: надо, чтобы поминали тебя по имени и отчеству. На это онъ возразилъ: «Мой отецъ былъ недовѣрокъ и я тоже: не хочу, чтобы меня поминали по имени, когда тотъ, кто далъ его мнѣ, былъ невѣрный. Какъ зовутъ верховнаго начальника моего, повелителя правовѣрныхъ? Джафаромъ, отвѣчалъ я.—А можно ли мнѣ называться его именемъ? спросилъ опять царь. Можно. Такъ я принимаю для себя имя Джафаръ, произнесъ царь, а отецъ мой съ этихъ поръ будетъ называться Абдаллахомъ (рабомъ Божіимъ). И онъ объявилъ объ этомъ хатибу (проповѣднику). Съ тѣхъ поръ въ хутбѣ стали поминать уже такимъ образомъ: Господи, даруй благоденствіе рабу твоему Джафару, сыну Абдаллахову, эмиру (повелителю) Булгара и кліенту повелителя правовѣрныхъ.

«Въ столицѣ этаго царя видѣлъ я такое множество удивительныхъ вещей, что и перечесть невозможно. Въ самую первую ночь, которую мы провели въ этомъ городѣ, примѣтилъ я незадолго до заката солнца, что горизонтъ ужасно красенъ, и услыхалъ высоко въ воздухѣ громкіе отголоски и глухой шумъ. Я поднялъ голову, и чтожъ вижу: надо мною плаваетъ облако, красное какъ огонь (сѣверное сіяніе), и этотъ шумъ и эти отголоски выходятъ оттуда! Въ облакѣ видны были какъ-бы люди, а въ рукахъ у тѣхъ призраковъ луки, копья и мечи. Такъ видѣлъ я, или по крайней мѣрѣ такъ мнѣ казалось. Потомъ явилосьдругое облако, такое же какъ первое, и въ немъ тоже разсмотрѣлъ я людей, оружіе и лошадей. Бросилось это облако на первое, словно какъ два отряда конницы нападаютъ другъ на друга, и мы такъ этаго испугались, что съ величайшимъ сокрушеніемъ сердца принялись молиться Аллаху; туземцы напротивъ стали надъ нами смѣяться и очень ди-

вились нашему поступку. Мы видѣли, какъ одно облако устремилось на другое: нѣсколько времени были они смѣшаны вмѣстѣ, потомъ опять отдѣлились, и эти движенія продолжались до самой ночи, пока облака не исчезли. Когда мы потомъ спросили царя, что значило это явленіе, онъ отвѣчалъ:—Дѣды мои говаривали, что это духи вѣрующіе и невѣрующіе, которые сражаются между собою каждый вечеръ, и что они дѣлаютъ это съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ.

«Желая потолковать съ царскимъ портнымъ, который былъ изъ Багдадскихъ уроженцевъ,я вошелъ съ нимъ въ свою палатку. Мы побесѣдовали не болѣе получаса, въ ожиданіи вечерняго призыва на молитву, и услышавъ пѣніе муэззина на минаретѣ, вышли изъ палатки. Вотъ вмѣсто вечера на востокѣ видна уже заря! Я спросилъ муэззина:—Къ какой молитвѣ призывалъ ты?—Къ утренней отвѣчалъ онъ.—А что же сдѣлалось съ вечернею? спросилъ я опять.—Мы читаемъ ее вмѣстѣ съ предвечернею. А ночь то гдѣ же?—Какъ видишь, она бываетъ короче нынѣшней; теперь начала прибавляться.—Тутъ муэззинъ разсказалъ мнѣ, что онъ не спитъ уже цѣлый мѣсяцъ, боясь пропустить утреннюю молитву, потому что ночь такъ коротка, что если поставить котелъ на огонь во время первой вечерней молитвы, въ немъ ничего еще не успѣетъ свариться, какъ уже надо звать на утреннюю. Я самъ испыталъ, какъ ужасно дологъ бываетъ тамъ день. Во одну часть года день бываетъ длиненъ а ночь коротка, въ другую ночь длинна, а день коротокъ. На вторую ночь нашего пріѣзда я замѣтилъ, что звѣздъ на небѣ было очень не много; какъ казалось мнѣ, звѣздъ до пятнадцати, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ. Заря, бывающая на западѣ при закатѣ солнца, не исчезала вовсе, и ночь была такъ свѣтла, что человѣкъ человѣка могъ узнать въ лице на разстояніи выстрѣла изъ лука. Луна едва успѣетъ появиться на горизонтѣ, какъ тотчасъ и блекнетъ предъ утреннимъ свѣтомъ. Царь разсказывалъ мнѣ, что за его землею, въ разстояніи трехъ мѣсяцевъ пути (тысяча верстъ), есть народъ, называемый Вису (Весь), у котораго ночь короче часу. Видѣлъ я еще въ землѣ Булгаровъ, что, когда солнце восходитъ, все, и низменныя мѣста, и всякій предметъ, на который не взглянешь, кажутся красными. Восходящее солнце огромно, какъ облако, и краснота его исчезаетъ только тогда, когда оно достигнетъ высшихъ областей неба. Туземцы разсказывали мнѣ, что зимою ночь бываетъ также долга, какъ лѣтній день, а день коротокъ какъ лѣтняя ночь, до того, что если кому изъ насъ, говорили они, случится на разсвѣтѣ идти къ рѣкѣ, называемой Итилемъ (Волгою), которая отстоитъ отъ насъ менѣе чѣмъ на

парасангу (четыре версты), — прежде чѣмъ онъ дойдетъ, все небо уже покроется звѣздами.»

«Въ собачьемъ лаѣ Булгары видятъ хорошее предзнаменованіе, и по лаю заключаютъ о томъ, плодороденъ, счастливъ и миренъ ли будетъ годъ. Змѣй видѣлъ я множество, такъ, что на деревѣ около одной вѣтви ихъ обовьется штукъ до десяти и болѣе. Ихъ не убиваютъ, да и сами онѣ никому вреда не дѣлаютъ. Есть у нихъ одинъ родъ яблокъ, зеленыхъ и ужасно кислыхъ, которыя ѣдятъ только дѣвушки и оттого толстѣютъ. Но ничего нѣтъ въ Булгаріи болѣе какъ орѣховыхъ деревъ; я видалъ ихъ цѣлые лѣса, парасангъ въ сорокъ (160 верстъ). Видѣлъ я также тамъ дерево, которое не знаю какъ назвать (береза): она вышины необыкновенной, стволъ имѣетъ безлиственный, а вершину какъ у пальмы, и листья мелкіе, но густые. Дерево это прокалываютъ въ извѣстномъ мѣстѣ на стволѣ, и вытекающую изъ отверстія жидкость, которая пріятнѣе меду, собираютъ въ сосудъ. Этотъ напитокъ также опьяняющъ какъ вино, если употреблять его въ большомъ количествѣ. Пища Булгаровъ состоитъ большею частію изъ проса и конины, хотя въ землѣ ихъ пшеницы и ячменю родится очень много. Всякой пользуется вполнѣ произведеніемъ своего посѣва, не отдавая никакой части жатвы царю, которому платятъ только по бычачьей кожѣ съ дому: сверхъ того царь, если пошлетъ войско грабить какую нибудь землю, получаетъ еще на свою долю часть добычи. Масла нѣтъ никакого, кромѣ рыбьяго жиру, который употребляютъ вездѣ, гдѣ другіе употребляютъ оливковое и кунжутное масло. И оттого запахъ отъ нихъ отвратителенъ. Всѣ носятъ шапки. Если царь выѣзжаетъ куда, онъ всегда бываетъ одинъ, безъ служители и безъ свиты. Когда онъ ѣдетъ мимо рынка, всѣ встаютъ, снимаютъ съ головы шапки, кладутъ ихъ подъ мышку, и надѣваютъ опять не прежде, какъ когда онъ проѣдетъ. Такимъ же образомъ и всѣ, кто входитъ къ царю, вельможи и простой народъ, даже собственные его дѣти и братья, лишь только увидятъ его, тотчатъ снимаютъ шапки, кладутъ ихъ подъ мышку, кланяются ему въ поясъ (въ подлинникѣ—наклоняютъ головы и присѣдаютъ) потомъ выпрямляются и стоятъ, покуда онъ не велитъ имъ присѣсть. Всякой, кто садится передъ царемъ, дѣлаетъ это, преклоняя колѣна и не показывая своей шапки, которую онъ надѣваетъ только, когда выйдетъ изъ царскаго присутствія. Грозы случаются очень часто, и если молнія ударитъ въ домъ, всѣ удаляются оттуда и предоставляютъ строенію разрушаться отъ времени, говоря, что надъ этимъ мѣстомъ гнѣвъ Божій. Если встрѣтятъ человѣка съ необыкновеннымъ умомъ и глубокимъ

познаніемъ вещей, говорятъ: «Ему въ пору служить Богу;» потомъ схватываютъ его, надѣваютъ ему на шею веревку, вѣшаютъ на деревѣ, и оставляютъ въ такомъ положеніи, доколѣ трупъ не распадется по частямъ. Таковъ у нихъ обычай.

Много можно было бы сказать объ этомъ народѣ, но мы ограничиваемся тѣмъ, что сказано.»

Ибнъ-Фоцланъ. [1])

20. Торговля Волжскихъ Булгаръ.

1847.

Развалины, хотя незначительныя, бывшей столицы Волжскихъ Булгаръ, въ послѣдствіи перестроенной Татарами, сохранились до нашихъ временъ Казанской губерніи въ Спасскомъ уѣздѣ близъ города Тетюшъ: это—казенное село Болгары, или Богородицко-Успенское, на восточной сторонѣ Волги, въ ста двадцати трехъ верстахъ къ югу отъ Казани и девяти верстахъ отъ берега. Сто бѣдныхъ крестьянскихъ избъ, и около десяти разрушенныхъ древнихъ зданій, [2]) теперь единственный слѣдъ того

---

1) Ибнъ-Фоцланъ арабскій писатель первой половины X вѣка. Свѣденія о немъ получаются изъ его собственнаго разсказа о путешествіи въ Булгаръ на Волгѣ, куда онъ былъ отправленъ въ качествѣ посла Халифа Муктедира (907—932). Ибнъ-Фоцланъ описалъ земли и народы, чрезъ которые онъ проѣзжалъ во время своего путешествія. Онъ живо разсказываетъ о всемъ, что видѣлъ самъ или слышалъ отъ другихъ. Такъ какъ многое ему приходилось писать по разсказамъ другихъ, то могло быть, что нѣкоторыя извѣстія дошли до него уже въ искаженномъ видѣ. Сочиненіе Ибнъ-Фоцлана не сохранилось въ цѣлости, а отрывки изъ него помѣщены въ географическомъ словарѣ арабскаго писателя Якута (1229 г.). Лучшее изданіе разсказовъ Ибнъ-Фоцлана и переводы его на нѣмецкій и латинскій языкъ принадлежатъ извѣстному оріенталисту Академику Френу. Frähn: a) Ibn Fozlans und anderer Araber Berichte über die Rùssen alterer Zeit- Спб. 1823 г. b) Veteres memoriae Chasarorum ex Ibn-Foszlano, Ibn Haukale et Schems—Eddino Damasceno, arabice etlatine, 1821 г. Въ Memoires de l'Academie Imperiale des sciences de St. Petersbourg, т. VIII. c) Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga Bulgharen aùs Ibn-Foszlan's Reiseberichte. 1832 г. Въ Mem. de l'Academie Imp. des sciences de St. Petersbourg. Sixieme serie-Sciences politique histoire et philologie т. I, 1832 г. Русскій переводъ—у Григорьева.

2) Лучшія и болѣе сохранившіяся зданія отъ временъ древняго Булгара: соборная мечеть, носящая имя Черной или Судной палаты,—другая мечеть и потомъ такъ называемая Бѣлая палата, которую считаютъ баней. По этимъ остаткамъ можно заключить, что Булгары строили свои зданія по образцу арабскихъ и что успѣхи архитектуры были у нихъ значительны.

богатаго и могущественнаго Булгара X столѣтія, средоточія сѣверовосточной торговли, куда стекалось столько народовъ, и котораго имя было славно во всемъ Востокѣ. Городъ Булгаръ заключалъ въ себѣ до десяти тысячь жителей, во время Ибнъ-Хаукала [1]). Дома строили здѣсь искуснѣе, чѣмъ въ Итилѣ [2]). Мазанокъ, въ родѣ хазарскихъ, уже не было; но не было и такихъ высокихъ минаретовъ при мечетяхъ, и каменнаго дворца, какъ въ Итилѣ. Избы дѣлались все деревянныя,—изъ пихты; по замѣчанію Абу-Хамеда Андалуси [3]): онѣ складывались изъ большихъ бревенъ, которыя сплачивались посредствомъ шиповъ («деревянныхъ гвоздей,» говоритъ арабскій путешественникъ). Въ началѣ XI вѣка, городъ обнесенъ былъ стѣною, изъ дубоваго дерева. Избъ считалось не много болѣе пяти сотъ. Надобно впрочемъ замѣтить, что Ибнъ-Хаукалъ, сообщающій эти статистическія извѣстія о числѣ домовъ и жителей въ Булгарѣ, видѣлъ городъ послѣ разоренія его Руссами въ 968 или въ 969 году, которое нанесло на время чувствительный вредъ торговлѣ Булгаріи. Поэтому, слѣдовательно, и нельзя заключать о незначительномъ объемѣ города. Не говоря о томъ, что эти пять сотъ бревенчатыхъ домовъ составляли только часть Булгара, которая избѣгла разрушенія послѣ недавней войны,—подвижныя жилища, кибитки и юрты, о числѣ которыхъ Ибнъ-Хаукалъ не упоминаетъ, долженствовали образовать наибольшую часть города. Сверхъ того, Руссы, пріѣзжавшіе для торговли, строили себѣ на берегу большіе деревянные сараи или шалаши въ родѣ временныхъ шалашей, какіе и теперь строятъ пріѣзжіе купцы на нашихъ ярманкахъ. Приливъ иноземныхъ купцовъ, лѣтомъ, какъ перенесеніе къ городу подвижныхъ жилищъ зимою, должны были значительно усиливать народонаселеніе и самый объемъ Булгара. Это общій характеръ приволжскихъ городовъ IX и X вѣка, которые приличнѣе назвать зимовьями и ярманками (или мѣновыми дворами) кочевыхъ народовъ, нежели городами. Говоря о десяти тысячахъ жителей въ Булгарѣ, Ибнъ-Хаукалъ могъ разумѣть лишь постоянныхъ, осѣдлыхъ жителей города, занимавшихся торговлею и промыслами. Если даже и безусловно принять его циф-

---

1) Ибнъ Хаукалъ, арабскій географъ X вѣка. Много путешествовалъ по торговымъ дѣламъ. Въ самыхъ еще юныхъ лѣтахъ выѣхалъ онъ изъ Багдада, въ 942—3 г.; но географическое свое сочиненіе написалъ не прежде, какъ въ 976—7 г.; оно имѣетъ названіе: «Книга дорогъ и областей.

2) Итиль городъ при устьѣ Волги,—столица царства Хазарскаго.

3) Арабскій писатель половины XII вѣка.

ру, и тогда этотъ городъ съ десятью тысячами осѣдлыхъ жителей, въ странѣ съ столь рѣдкимъ и полукочевымъ народонаселеніемъ, не можетъ быть признанъ не значительнымъ на Сѣверовостокѣ десятаго вѣка.

Руссы, на время торговли, жили въ своихъ шалашахъ, по десяти и по двадцати человѣкъ, съ женами, наложницами и невольницами, привезенными для продажи, складывая тутъ же и всѣ свои товары. Сойдя на берегъ, Русскій купецъ шелъ въ извѣстную ему часть лѣса, гдѣ поставлены были вытесанные изъ дерева идолы его вѣры, падалъ передъ ними ницъ и исчисляя товары, которые привезъ для продажи, молилъ о скорѣйшей встрѣчѣ покупателя и полученіи выгодъ. Если торгъ шелъ неуспѣшно, онъ снова обращался въ священную рощу, и молился, принося всякій разъ подарки. Въ случаѣ скорой и выгодной продажи, онъ приносилъ въ жертву богамъ барана или другую скотину: заколовъ ее передъ ними, онъ дѣлилъ мясо между бѣдными, а голову вѣсилъ на дерево подлѣ идола. Когда послы Халифа прибыли въ Булгаръ, при первой встрѣчѣ ихъ, царь и потомъ вельможи его, по свидѣтельству Ибнъ-Фоцлана, осыпали ихъ серебряными деньгами (*эль-дерагимъ*, «диргемами»). Эта не дешевая церемонія доказываетъ, что въ 922 году были уже арабскія деньги въ Булгарѣ,—арабскія, и можетъ быть частію парсскія (таберистанскія), потому что только эти деньги и обращались тогда въ сосѣднихъ странахъ Азіи, откуда онѣ привозились въ Булгаръ черезъ Итиль или Киргизскую степь. Уже отсюда, движимыя рычагомъ торговли, онѣ стремились къ Балтійскому поморью, черезъ сѣверную и среднюю Россію, гдѣ оставили находимыя доселѣ слѣды въ подземныхъ кладахъ. Какъ эти клады, живые свидѣтели той торговли, представляютъ монеты не одного X, но еще IX и VIII, даже частію VII столѣтія, можемъ заключать, что въ странѣ Булгаровъ, если не въ самомъ городѣ Булгарѣ, время основанія котораго не извѣстно, арабскія деньги обращались по крайней мѣрѣ два столѣтія прежде появленія посольства Халифа Муктадера [1]). Въ X вѣкѣ, масса чеканеннаго серебра, привозимаго изъ чужихъ краевъ, сдѣлалась даже недостаточною для коммерческихъ оборотовъ Булгаріи: Булгары начали и сами бить серебряную монету на манеръ арабской, съ именами своихъ царей. Первые монетные дворы ихъ были въ городахъ Булгарѣ и Сувазѣ (можетъ быть, нынѣшнемъ Свіяжскѣ).

Обращеніе иноземной монеты, есть уже осязательное свидѣтельство торговли ея съ чужестранцами. Какія же драгоцѣн-

---

1) См. выше.

ныя произведенія сѣвера могли привлекать въ отдаленный Булгаръ, подъ 55 градусъ широты, подданныхъ цвѣтущаго халифата, которому, казалось бы, нечего было искать на Волгѣ, обладая странами, столь щедро надѣленными произведеніями природы, гдѣ промышленность и искусства достигли уже степени развитія еще неизвѣстнаго тогдашней Европѣ?

Въ Итилѣ получались хлѣбъ, медъ, воскъ и мѣха изъ Булгаріи, Руси и Кіева. Хлѣбъ потреблялся, вѣроятно, весь въ неплодородной Хазаріи: страны халифата сами такъ изобиловали всякаго рода хлѣбомъ, что имъ не къ чему было вывозить его изъ далека; при томъ жители юга предпочитаютъ ему рисъ и кукурузу. Медъ и воскъ могли быть вывозимы въ тѣ области, гдѣ мало занимались пчеловодствомъ. Но главную статью вывоза составляли пушистые мѣха, которыми всегда такъ богата была Россія. Мѣха сѣверной Россіи славились исконно. Потребность въ мѣхахъ усилилась на востокѣ съ распространеніемъ богатства и повсемѣстной роскоши въ блестящую эпоху царствованія Гарунъ-эль-Решида. Шубы сдѣлались почетнымъ одѣяніемъ, владѣтельныя и знатныя лица пріобрѣтали ихъ дорогою цѣною, и купцы спѣшили въ Булгаръ для закупки соболей, бобровъ, горностаевъ, лисицъ, и другихъ мѣховъ, съ которымъ возвращались черезъ Дербентъ или Харезмъ. Прочный миръ, заключенный халифатомъ съ Хазарами въ послѣднемъ году VIII столѣтія, еще болѣе обезпечилъ путешествія Арабовъ на Волгу. Массуди сохранилъ любопытное извѣстіе о времени введенія мѣховой одежды въ употребленіе при дворѣ Халифовъ: по его свидѣтельству, Зобейда, знаменитая супруга Гарунъ-эль-Решида, первая ввела въ моду шубы, подбитыя русскими горностаями или соболями. Арабскіе писатели десятаго вѣка говорятъ о вывозѣ изъ Булгаріи и Руси мѣховъ соболиныхъ, бобровыхъ, куничъ, бѣличьихъ и выдровыхъ. Къ лисьимъ они причисляли и песцовыя, а между бѣличьими понимали, кажется, и горностаевыя. Разумѣется, что это вовсе не полное исчисленіе всѣхъ родовъ пушнаго товара, которые вывозили тогда изъ Россіи. Дороже всего цѣнились мѣха черныхъ или чернобурыхъ лисицъ, которые называли «буртасскими,» по имени народа Буртасовъ, и потому, вѣроятно, что черезъ ихъ посредство Арабы, не ѣздившіе еще въ Булгаръ, получили въ Итилѣ первые лисьи мѣха. «Черныя лисицы, привозимыя изъ земли Буртасовъ, доставляютъ самые уважаемые и дорогіе мѣха,» говоритъ Массуди. «Есть лисицы и красныя, и бѣлыя, и полосатыя (то есть песцы); черныя водятся только въ этой и сосѣднихъ земляхъ. Владѣтельныя особы чрезвычайно уважаютъ эти мѣха, дѣлаютъ изъ нихъ шапки и шубы, и цѣнятъ ихъ весь-

ма высоко. Ихъ вывозятъ въ Дербентъ, Бердаа 1), въ Хорасанъ, даже въ страны Франковъ и Испанію. Изъ Испаніи эти мѣха, какъ черные, такъ и красные, перевозятся въ Магребъ (Западную Африку); многіе поэтому и полагаютъ, что они и происходятъ прямо изъ Испаніи или изъ странъ Франковъ и ближнихъ Славянъ.» Какъ бы желая объяснить предпочтеніе, которое отдавали на Востокѣ чернобурымъ лисьимъ мѣхамъ передъ прочими, Массуди присовокупляетъ, что «эти мѣха теплѣе, нежели всѣхъ другихъ животныхъ.» Кромѣ пушнаго товара, мусульмане вывозили съ Волги и другіе предметы роскоши, рѣдкіе на Востокѣ. Абу-Хамедъ-Андалуси упоминаетъ о мамонтовыхъ костяхъ (къ этой статьѣ торговли могли принадлежать и моржовые клыки, получаемые отъ Югры). «Я видѣлъ въ Булгарѣ,» говоритъ онъ, «огромные зубы, величиною въ человѣческій черепъ. Ихъ находятъ въ землѣ, и они походятъ на слоновую кость. Неизвѣстно, какому животному они принадлежатъ; полагаютъ, что это былъ нѣкогда вьючный скотъ въ здѣшнемъ краѣ. Зубы эти вывозятъ въ Харезмъ, куда постоянно ходятъ караваны изъ Булгара. Въ Харезмѣ покупаютъ эти зубы дорогою цѣною. Какъ изъ слоновой кости, изъ нихъ дѣлаютъ черенки для ножей и ящички; но они крѣпче слоновой кости.» Эти допотопныя кости подали поводъ ко многимъ сказцамъ и повѣріямъ, какъ въ самомъ Булгарѣ, такъ и между купцами арабскими. Любознательный Ибнъ-Фоцланъ слышалъ, что есть въ Булгарѣ какой то необыкновенный великанъ, и обратился съ запросомъ о немъ къ самому царю. Царь отвѣчалъ, что дѣйствительно былъ такой великанъ въ его странѣ, но померъ, да и былъ онъ не изъ его людей и не настоящій человѣкъ. Разъ, въ самый разливъ Итиля (Волги), пришли къ нему купцы, и въ ужасѣ разсказывали, что по водѣ плыветъ человѣкъ отъ сосѣдняго народа, и что имъ послѣ этаго нельзя оставаться на томъ берегу. Царь вышелъ съ ними, и дѣйствительно увидѣлъ человѣка локтей въ двѣнадцать; голова у него была съ большой котелъ, носъ пядень въ длину, глаза и пальцы преогромные. Царь пришелъ въ такой же ужасъ, какъ и его людъ. Великана вытащили, отвели въ царскія палаты, и между тѣмъ послали освѣдомиться о немъ къ народу Впсу (Веси). Тамъ отвѣчали, что это не ихъ человѣкъ, а изъ народа Яджуджъ—

---

1) Города Закавказья. Бердаа, одинъ изъ древнѣйшихъ закавказскихъ городовъ на лѣвомъ берегу рѣки Тертеръ, близъ устья ея въ Куръ, еще въ V столѣтіи упоминаемый Армянами и столица ихъ провинціи Уди. Возобновленный Арабами въ 704 году, онъ снова процвѣлъ, и въ 10 вѣкѣ считался уже однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Халифата.

ве-Маджуджъ [1]) (Гогъ и Магогъ), что за моремъ. Великанъ вскорѣ и померъ. «Я видѣлъ кости его.» прибавляетъ Ибнъ-Фоцланъ,—«онѣ необъятной величины!» Это не иное что, какъ мѣстное преданіе, созданное булгарскимъ воображеніемъ на основаніи ископаемыхъ костей мамонта: и теперь еще эти находки почитаются здѣшними жителями за останки древнихъ исполиновъ.

Другое драгоцѣнное произведеніе, которое шло на Востокъ черезъ Булгаръ, есть янтарь. Еслибъ даже мы не имѣли положительнаго извѣстія самихъ мусульманъ о вывозѣ его изъ Европы, то могли бы съ достаточною достовѣрностію заключать о томъ по торговымъ сношеніямъ Булгара съ прибалтійскомъ краемъ и изъ исторіи торговли янтаремъ въ древности. Только дорогія произведенія природы могли привлечь такіе огромные капиталы Азіи къ песчаному поморію нынѣшней Пруссіи. Янтарь — главное звѣно, связывавшее Волжскую Булгарію съ Западомъ.

Одинъ изъ арабскихъ географовъ десятаго вѣка упоминаетъ еще о вывозѣ въ Харезмъ «ковровъ» изъ земель Славянъ (то есть Булгаръ) и Хазаръ: то были, конечно, не драгоцѣнные *ковры*, для которыхъ не существовало въ Россіи ни матеріяла, ни мануфактуръ, а простыя цыновки и рогожи. Онѣ, по своей дешевизнѣ, были весьма доступны и небогатымъ жителямъ Харезма, и могли замѣнять для нихъ настоящіе ковры. Извѣстно, что теперь, въ большей части городовъ Средней Азіи, земля, на которой построенъ домъ, служитъ естественнымъ поломъ для комнатъ; иногда кладутъ сверху слой глины, и только въ достаточныхъ домахъ полъ выложенъ кирпичомъ. Но въ цвѣтущую эпоху торговли Бухары и Харезма, въ IX и X вѣкѣ, тамъ знали повидимому болѣе комфорта въ жизни, и ковры были въ общемъ употребленіи. Сырыя кожи и даже юфть до сихъ поръ называются на Востокѣ *булгари* или «булгарскими» и вѣроятно вывозились Арабами. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что кожи составляли главное богатство Булгаръ, потому что и самая подать ихъ, по свидѣтельству Ибнъ-Фоцлана, состояла въ взносѣ по шкурѣ съ каждаго дома или кибитки. Доказательствомъ, что они умѣли и выдѣлывать кожи, служитъ замѣчаніе, сдѣланное Добрынею во время похода великаго кня-

---

1) Яджуджъ и Маджуджъ: Баснословная земля восточныхъ писателей. Они полагаютъ ее на самомъ сѣверномъ концѣ Сибири, на берегахъ Ледовитаго океана, и населяютъ уродами и чудовищами, разсказывая про нее различныя чудеса. Она извѣстна и Европейцамъ подъ названіемъ земли Гога-и-Магога.

зя Владиміра на Волгу, что они всѣ носили *сапоги*, а не лапти,—«вси въ сапозѣхъ» [1]).

Наши орѣхи также удержали въ Средней Азіи названіе «булгарскихъ», «*юзи-булгаръ*.» Ибнъ-Фоцланъ говоритъ, что Булгарія въ его время всего болѣе изобиловала орѣшникомъ: поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что они тогда еще вывозились въ Харезмъ и Бухару, гдѣ доселѣ сохранили названіе своего мѣстопроисхожденія. Удивительно, что арабскіе писатели ничего не говорятъ о полезномъ растеніи, которымъ берега Волги славились издревле и которое до сихъ поръ, въ торговлѣ, наукѣ и общежитіи, сохранило классическое названіе этой рѣки. Ра,—Rha (barbarum), rheon, rheum,—rhubarbe. «Недалеко отъ Дона,» писалъ Амміанъ Марцеллинъ, еще въ IV вѣкѣ, «есть рѣка Ра (Волга), гдѣ на холмахъ видится растительный корень того же имени, годный на разныя лекарственныя употребленія». Спустя одиннадцать столѣтій послѣ Марцеллина, Италіянецъ Кампензе, авторъ небольшаго сочиненія о Московіи, также находилъ обиліе ревеню на берегахъ Волги. Персидскія и турецкія поколѣнія познакомились съ этимъ растеніемъ вѣроятно за долго до исламизма, въ то еще время, когда Волга извѣстна была въ Азіи подъ древнимъ ея названіемъ *Ра*, *Рау* или *Реу*: подобно Грекамъ и Римлянамъ, они удержали этому корню названіе, свидѣтельствующее о его мѣстопроисхожденіи, и Арабы отъ нихъ заимствовали это слово *равендз* или *ревендз* (наше ревень), общее, въ разной формѣ, большей части языковъ Европы и Западной Азіи.

За всѣ исчисленные сейчасъ товары Арабы, Персіяне и Харезмцы платили или наличными монетами царствующей династіи, или произведеніями своего края. Монеты, какъ мы уже знаемъ, были исключительно серебряныя, величиною отъ нашего двух-злотаго до пяти-алтыннаго. Привозимыхъ товаровъ Азіи не доставало на обмѣнъ за мѣстныя произведенія, и денежный балансъ оставался на сторонѣ Волги. Что же привозили мусульмане? Драгоцѣнныя каменья (они до сихъ поръ удержали арабскія и персидскія названія въ нашемъ языкѣ); би-

---

1) Несторъ разсказываетъ, что въ 987 г. Русскій князь Владиміръ (Св.) вмѣстѣ съ дядею своимъ Добрынею пошелъ противъ Волжскихъ Болгаръ. Русскіе шли въ лодкахъ, конница, состоявшая изъ нанятыхъ степныхъ народцевъ (Торковъ), шла берегомъ. Болгары были побѣждены, Добрыня пошелъ осматривать плѣнниковъ и воротясь сказалъ Владиміру: «такіе не будутъ намъ давать дани: они всѣ въ сапогахъ; пойдемъ искать лапотниковъ.» Эти слова выразили большую образованность Волжскихъ Болгаръ сравнительно съ сосѣдними имъ племенами—славянскими и финскими, бывшими въ зависимости отъ Русскихъ.

серъ, особенно зеленаго цвѣта: нитки его составляли любимое ожерелье русскихъ женщинъ, которыхъ мужья разорялись, платя не рѣдко по дпргему (отъ пятнадцати до двадцати копѣекъ серебромъ) за каждую бисеринку, золотыя и серебряныя издѣлія своихъ фабрикъ, цѣпочки различной величины, ожерелья, запястья или браслеты, кольца, булавки, рукоятки, пуговки, бляхи для украшенія одежды и конской сбруи—(обращики этихъ издѣлій сохранились въ нашей землѣ вмѣстѣ съ монетами),—булатные клинки, гарпуны и багры для рыбной ловли. Шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, овощи, пряности и вино, составляли кажется также немаловажную статью привоза. Золотистыя ткани привозились въ Булгаръ изъ Константинополя; но въ послѣдствіи стали возить парчу изъ Бухары и Харезма. Товары эти оставались частію въ Булгаріи, частію распространялись оттуда по разнымъ краямъ Руси, или вывозились на острова и берега Балтійскаго моря.—Все это, какъ видимъ, преимущественно предметы роскоши, тогда мало извѣстной на сѣверо-востокѣ Европы, и по этому нисколько не удивительно, что потребленіе ихъ въ Россіи и при-балтійскомъ краѣ далеко уступало цѣнности мѣховъ, потребныхъ для Азіи.

Изъ предметовъ вывоза далеко не всѣ были произведенія Волжской Булгаріи. Медъ и воскъ указываютъ на пчеловодство: оно и до сихъ поръ составляетъ тамъ главную вѣтвь промышленности Чувашъ и Черемисъ. Выдѣлкою кожъ еще славится Казань, преемница Булгара. Рогожи и цыновки—также мѣстное издѣліе. Звѣриный промыселъ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ въ краѣ; но лѣса Булгаріи не доставляли всѣхъ породъ, вывозимыхъ Арабами, и это вводило Булгаръ въ торговыя сношенія съ сосѣдними народами сѣверо-востока и сѣверо-запада. Монополія торговли была въ рукахъ Булгаръ; они, какъ хитрые торговцы, не хотѣли допускать самихъ Арабовъ къ прямымъ сношеніямъ съ сосѣдями, представляли ихъ людоѣдами, а сами между тѣмъ пользовались выгодами посредничества. Арабы и не отваживались далѣе Булгара. «*Никто* не ѣздитъ для торговли далѣе Булгара»,—пишутъ арабскіе путешественники,—«*никто* не достигаетъ до Эрза (Мордвы), потому—что туземцы убиваютъ иностранцевъ» (Идриси говоритъ даже—«потому что они *пожираютъ* иноземцевъ»). Но въ другихъ мѣстахъ тѣ же писатели упоминаютъ о произведеніяхъ мордовской земли и вывозѣ оттуда товаровъ: явно послѣ этого, что «*никто* въ приведенной фразѣ значитъ «никто изъ *Арабовъ*,» а булгарскіе купцы не боялись быть съѣденными Мордвою.

Городъ Булгаръ былъ, слѣдовательно, крайнимъ предѣломъ странствованій Арабовъ десятаго вѣка и самымъ сѣвернымъ

пунктомъ торговли халифата. Отъ Земли Булгарской и начинается по Волгѣ рядъ кладовъ съ старинными арабскими деньгами. Найденныя здѣсь въ 1840 году монеты принадлежатъ не только десятому, но и девятому вѣку.

Разсмотримъ образъ торговли Булгаріи съ азіятскими купцами. Здѣсь прежде всего представляется вопросъ — были ли сношенія между ними постоянныя, въ продолженіи цѣлаго года, или они имѣли мѣсто только въ извѣстные мѣсяцы, объусловливаемые удобствами путей сообщенія? Отъ того зависѣлъ и самый характеръ торговли, постоянной или временной. Зная мѣстности, по которымъ пролегали торговые пути къ Булгару съ юга и востока, не трудно дать положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Азіятскіе купцы, пріѣзжали въ Булгаръ изъ Итиля по Волгѣ или берегамъ ея, и черезъ Киргизскую Степь. Разсмотримъ эти пути.

Устья Волги, въ Октябрѣ или въ началѣ Ноября, начинаютъ покрываться льдомъ и замерзаютъ въ концѣ Ноября; самое море, у сѣверныхъ береговъ, замерзаетъ. Воды остаются подо льдомъ до Марта или Апрѣля, въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, и на все это время судоходство въ сѣверной части Каспія и по Волгѣ совершенно прекращается. Въ эти зимніе мѣсяцы, разумѣется, не приходило кораблей въ Итиль, и слѣдовательно не вывозили отсюда въ Булгаръ восточныхъ товаровъ, которые получались морскимъ путемъ. Впрочемъ и въ остальные восемь мѣсяцевъ навигаціи, Каспійское море представляло арабскимъ и персидскимъ купцамъ не много удобствъ къ мореплаванію: господствующіе сѣверо-западные и сѣверо-восточные вѣтры, теченіе моря отъ сѣвера на югъ, частые буруны, доселѣ затрудняющіе плаваніе по Каспію, представляли тѣмъ большія препятствія въ десятомъ вѣкѣ, при младенчествѣ кораблестроенія. Весною, съ уничтоженіемъ льда въ сѣверной части моря и съ усиленіемъ тамъ теплоты, начинаютъ дуть юго-восточные вѣтры, — и тогда самое удобное время для отправленія кораблей съ южныхъ или харезмскихъ береговъ къ Волгѣ, потому что въ серединѣ лѣта вѣтры опять бываютъ весьма перемѣнчивы. Но не приходили ли, въ зимнее время, сухопутные караваны изъ Закавказья, Харезма или Бухары? Едва ли. Дорога отъ Бабъ-эль-Абваба или Дербента къ Волгѣ идетъ по морскому побережью, низменному, ловатому, пересѣкаемому то быстрыми, большею частію трудными для переправы, рѣками, то неудобопроходимыми отрогами Кавказа, представляющими еще большія преграды каравану въ снѣжное время. Если отправлялись караваны изъ Бабъ-эль-Абваба въ Итиль, то вѣрно не зимою. Изъ Харезма и Бухары купеческіе обозы, въ

крайнемъ случаѣ и при умѣренно снѣжной зимѣ, могутъ конечно отваживаться на путешествіе къ берегамъ Волги черезъ степь: и теперь обыкновеннно въ Октябрѣ мѣсяцѣ возвращаются хивинскіе и бухарскіе караваны съ нижегородской ярманки, подвергаясь морозамъ и страшнымъ буранамъ въ степи. Но это по необходимости, чтобъ не зазимовать съ своими верблюдами и товарами въ Россіи, и потому, что нижегородская ярманка оканчивается въ концѣ Августа мѣсяца; а изъ Хивы и Бухары караваны въ такое время никогда не отправляются на сѣверъ. По этому нѣтъ никакой вѣроятности, чтобъ они ходили оттуда зимою въ Итиль и Булгаръ. Въ весеннее же время года сама природа благопріятствуетъ степямъ: въ Апрѣлѣ и Маѣ онѣ въ обиліи покрыты свѣжею травою, воды еще не пересохли и жары не сильны. Путешественники встрѣчаютъ вездѣ хорошую воду и подножный кормъ для верблюдовъ и лошадей. Тогда-то длинныя цѣпи каравановъ выходятъ изъ Средней Азіи, направляя свой путь черезъ степи къ восточнымъ предѣламъ Россіи. Это же самое время представляетъ наиболѣе удобствъ и для судоходства по Каспію. Такимъ образомъ, Апрѣль и Май мѣсяцы—самая благопріятная пора для путешествій на Волгу, какъ моремъ, такъ и степью, и съ береговъ Каспія, и изъ Харезма и Бухары. Все это согласно приводитъ къ тому заключенію, что караваны и корабли приходили въ Итиль около одного и того же времени, именно въ половинѣ Апрѣля и въ началѣ Мая. Черезъ мѣсяцъ, то есть въ половинѣ Мая и въ началѣ Іюня, товары могли быть уже въ Булгарѣ. Подтвержденіе тому мы имѣемъ въ единственномъ, которое сохранилось, извѣстіи о времени прибытія каравана изъ Харезма въ Булгаръ въ десятомъ вѣкѣ. По сказанію Ибнъ-Фоцлана, онъ прибылъ къ городу Булгару въ воскресенье двѣнадцатаго дня мѣсяца мухаррема 310 года, —по нашему времясчисленію, одиннадцатаго Мая 922 года. Это и теперь время прихода первыхъ каравановъ на Оренбургскую линію.

Періодическое стеченіе людей для продажи и купли товаровъ въ опредѣленномъ мѣстѣ образуетъ то, что мы теперь называемъ *ярманкою*, «годичнымъ рынкомъ», хотябъ оно было и не одинъ разъ въ годъ, — что наши предки называли *торгомъ*, »торжищемъ», или торжкомъ. Караваны, нагруженные издѣліями Азіи, находили въ Булгарѣ продавцовъ, которые въ то же время пріѣзжали сюдя съ своими товарами въ увѣренности встрѣтить иноземцевъ покупателей. Руссы, напримѣръ, пріѣзжали на своихъ ладьяхъ, и на время торговли строили себѣ даже деревянные шалаши или анбары. Слѣдовательно, въ эти два или три мѣсяца, въ которые сходились купцы Азіи и Сѣ-

веровостока въ Булгарѣ, здѣсь долженствовала быть *ярманка*. Въ этомъ смыслѣ и можно принимать слово *фурде* [1]), которое употребилъ Ибнъ-Хаукалъ, говоря объ этомъ городѣ. «Булгаръ», пишетъ онъ, «славился потому, что былъ ярманкою (*фурде*) для всего того края.»

Чуждыя вліянія доселѣ едва коснулись нравовъ и обычаевъ сельскаго народонаселенія страны Волжскихъ Булгаръ, и въ образѣ мѣстной торговли ихъ потомковъ можетъ быть сохранились нѣкоторыя черты древнихъ обыкновеній. Любознательная путешественница, недавно посвятившая легкое перо свое описанію Чувашъ и Черемисъ Казанской губерніи, 2) представляетъ любопытную картину небольшаго «торжка» въ Чебоксарскомъ уѣздѣ, нѣсколько къ сѣверу отъ столицы древнихъ Булгаръ. Говоря, что этотъ торжокъ происходилъ въ *десяти* верстахъ отъ деревни, въ полѣ, при большой дорогѣ, наблюдательная писательница замѣчаетъ, что «Чуваши не любятъ прилива постороннихъ жителей въ ихъ селенія.» Это едва ли не древнее обыкновеніе Булгаръ: и они, кажется, не любили видѣть чужестранцевъ въ своихъ селеніяхъ. Руссы, какъ мы уже видѣли, на время Булгарской ярманки, жили на берегу близъ своихъ ладей, далеко отъ города (потому—что Булгаръ былъ верстахъ въ *десяти* отъ Волги). Даже послы халифа не были допущены въ столицу въ продолженіи нѣсколькихъ дней, и оставались въ полѣ, верстахъ въ *десяти* отъ города. Торговый «семикъ,» видѣнный нашею казанскою писательницею,—(Чуваши сохранили своимъ «торжкамъ» древнее славянское названіе *семикъ*)—начался часу въ осьмомъ утра. «Когда я вышла на базаръ, онъ былъ уже во всемъ блескѣ. Множество телѣгъ, одна возлѣ другой, по двумъ сторонамъ представляли родъ аллеи. У всякой телѣги стоялъ Чувашинъ, и у каждаго дымилась во рту трубка; въ телѣгахъ ничего не было: на нихъ пріѣхали Чуваши повеселиться. Въ долинѣ стоятъ два подна-вѣса, одинъ противъ другаго, покрытые соломою и раздѣленные на нѣсколько частей однимъ тонкимъ столбикомъ: это ряды и лавки. Въ многочисленныхъ лавочкахъ были разные товары,—напримѣръ: кожи, подошвы, овчины, говядина, рыба, а болѣе всего табакъ. Самыя лучшія лавки были съ женскими товарами, гдѣ довольно красиво висѣли на веревочкахъ бисеръ и разныя пронизки, а на столахъ лежали разноцвѣтныя шелковыя, шерстяныя и бумажныя тесьмы, снурки, ленточки разныхъ сортовъ и множество другихъ принадлежностей для наряда Чувашекъ. Въ другихъ лавкахъ торговали Чуваши, сидя

---

[1]) Арабское *фурде*, fordhah, значитъ собственно: «пристань,» якорное мѣсто

2) Г-жа Фуксъ: Записки о Чувашахъ и Черемисахъ Казанской губерніи.

на рогожкахъ, или на кожахъ. Какъ отвратительно видѣть, что тутъ же, гдѣ продавались говядина и рыба, вмѣстѣ лежали яблоки и листовый табакъ! Чувашки, въ пестрыхъ головныхъ уборахъ, въ бисерныхъ ожерельяхъ, разгуливали по базару и толкались у лавокъ, въ которыхъ продавались ихъ наряды. Я съ любопытствомъ разсматривала ихъ головной уборъ, который у женщинъ называется кашпа, а у дѣвокъ—другой формы—туфья: они всѣ унизаны оловянными, въ видѣ монеты, кругленькими штучками; но на богатыхъ кашпы и туфьи украшены настоящими монетами, между которыми очень много старинныхъ».... Еслибъ не трубка и табакъ, которыхъ Булгары не знали, можнобъ было принять эту картину за описаніе, въ маломъ видѣ, булгарской ярманки X вѣка. Тѣже мѣстныя произведенія, о которыхъ говорятъ Арабы,—кожи, рогожки, рыба, яблоки; тѣ же издѣльныя произведенія—бисеръ, пронизки, шелковыя, шерстяныя и бумажныя издѣлія, ожерелья, серебряныя монеты въ видѣ украшеній.

Савельевъ [1])

---

1) Павелъ Степановичъ Савельевъ, изъ достаточнаго купеческаго семейства, родился въ 1814 году, въ С.-Петербургѣ; въ 1830 году поступилъ въ университетъ, гдѣ его особенно привлекли къ занятію востокомъ лекціи извѣстнаго тогда профессора Арабской словесности О. И. Сенковскаго. Выйдя изъ университета въ 1834 году и пробывъ еще годъ въ институтѣ восточныхъ языковъ при Министерствѣ Иностранныхъ дѣлъ, Савельевъ предался журнальной дѣятельности, участвуя въ разныхъ изданіяхъ того времени, особенно въ Энциклопедическомъ лексиконѣ Плюшара, въ Библіотекѣ для чтенія, въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и др., помѣщая по преимуществу статьи, касающіяся исторіи, географіи, этнографіи и литературъ Азіи. Съ 1841 г. занятія его приняли новое направленіе, которому онъ и остался вѣренъ до конца жизни. Именно: въ 1841 году онъ по просьбѣ знаменитаго оріенталиста академика Френа перевелъ на Русскій языкъ сочиненіе послѣдняго: «Топографическое обозрѣніе кладовъ, находимыхъ въ Россіи съ древними арабскими монетами.» Савельевъ заинтересовался мѣстонахожденіями и содержаніемъ монетныхъ кладовъ изъ старыхъ арабскихъ денегъ, открываемыхъ въ Россіи, увидѣвъ въ нихъ обильный источникъ новыхъ данныхъ для древнѣйшей отечественной исторіи. Онъ сталъ внимательно слѣдить за находками такого рода, вновь обнаруживающимися и началъ заниматься магометанскою нумизматикою, необходимою для опредѣленія этихъ монетныхъ кладовъ. Важнѣйшимъ результатомъ новыхъ занятій было появленіе, въ началѣ 1847 г., особой книги подъ заглавіемъ: Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской исторіи. I Топографія кладовъ съ восточными монетами и издѣліями VII, VIII, IX, X и XI вѣка, въ Россіи и Прибалтійскихъ странахъ, объясненная историческими свидѣтельствами о торговлѣ сѣверо-востока Европы въ эпоху основанія и утвержденія Русскаго государства. Спб. 1849 г. 8. Это сочиненіе составляетъ видную услугу, оказанную Савельевымъ отечественной наукѣ и обратило на него вниманіе, какъ Русскихъ, такъ и иностранныхъ ученыхъ. Петербургская академія Наукъ

присудила ему за этотъ трудъ половинную Демидовскую премію. Дальнѣйшимъ занятіямъ Савельева археологіею и нумизматикою способствовало во первыхъ, то, что съ основанія въ С.-Петербургѣ, въ 1845 году, Археологическаго общества, Савельевъ ставъ членомъ его, вполнѣ вошелъ въ сферу его дѣятельности и былъ до своей смерти однимъ изъ главныхъ дѣятелей общества (завѣдывающимъ дѣлами и редакторомъ извѣстій общества); во вторыхъ, съ 1852 г., поступя на службу къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ графу Перовскому, онъ былъ назначаемъ послѣднимъ для производства археологическихъ работъ сперва при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, а потомъ при кабинетѣ Его Величества. Въ 1853 году онъ былъ отправленъ начальствомъ для производства археологическихъ розысканій въ губерніи Владимірскую и Ярославскую, а въ 1856 г. въ Екатеринославскую, гдѣ перерылъ тысячи кургановъ, открылъ значительное число древнихъ вещей, сообщая обо всемъ этомъ въ извѣстіяхъ археологическаго общества. Усидчивая жизнь и занятія, особенно разборка двухъ кладовъ (Екатеринославскаго и Тетюшскаго) въ нѣсколько тысячъ монетъ каждая, дѣйствовали на здоровье Савельева разрушительно и преждевременно свели его въ могилу. Онъ скончался 19 Мая, 1859 года. Предъ смертію Академія Наукъ удостоила половинною Демидовскою премією второй капитальный трудъ его, служащій къ разъясненію исторіи Золотой орды: «Монеты Джучидовъ, Джататаидовъ, Джелаиридовъ и другія, обращавшіяся въ Золотой ордѣ въ эпоху Тохтамыша.» Правдивая душа, безкорыстная любовь къ наукѣ, глубокое желаніе блага родинѣ возбуждали къ Савельеву уваженіе и любовь каждаго, кто только сближался съ нимъ. Подробнѣйшій очеркъ жизни и дѣятельности Савельева сдѣланы г. Григорьевымъ: Жизнь и труды П. С. Савельева, преимущественно по воспоминаніямъ и перепискѣ съ нимъ. С.-Петербургъ, 1861 г.

Б.

ХАЗАРЫ [1]).

21. Обзоръ политической Исторіи Хазаровъ.

1835 г.

Изъ всѣхъ народовъ, занимавшихъ въ древнія времена берега Каспійскаго и Чернаго морей, самымъ замѣчательнымъ были Хазары. По огромному пространству, которымъ они владѣли, по продолжительности ихъ существованія, по отношеніямъ къ государствамъ имъ современнымъ, наконецъ по своему собственному историческому развитію Хазары стоятъ гораздо выше всѣхъ другихъ народовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ. Къ несчастію отъ этаго нѣкогда могущественнаго народа ничего не осталось кромѣ имени и кое гдѣ разсѣянныхъ извѣстій о его жизни. Жизнь эта текла въ тѣхъ странахъ и областяхъ, которыя принадлежатъ теперь Россіи. Хазары сами были въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ Русскими и потому исторія Хазаръ не можетъ быть опущена при изученіи Русской исторіи. Хазары, по соображенію всѣхъ оставшихся объ нихъ извѣстій, обитали из-

---

1) Сочиненія о Хазарахъ: Языкова—Опытъ въ исторіи Хазаровъ (Труды Императорской Россійской Академіи ч. 1, Спб. 1840.); Григорьева—Обзоръ политической исторіи Хазаровъ, Спб. 1835 [и объ образѣ правленія у Хазаровъ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1834, ч. III); Вивьенъ-де-Сенъ-Мартенъ—Sur les Khasars (Nouvelles Annales des Voyages 1851, t. II. III). M. S. Carmoly—Des Khozars au X siècle, suivie d'une lettre du ministre d Abd-el-Rahmann III, au roi de Khosarie et la réponse du prince, Bruxelles, 1833; Френа—De Chasaris Excerpta ex scriptoribus Arabicis, Спб. 1822; Дорна—Beiträge zùr geschichte der Kaùkaisischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen. IV. Tabary's Nachrichten über die Chasaren (Memoires de l'Academie de Sc. de St. Petersb. T. VI, 1844; Журн. Мин. Нар. Просв. за 1845 г. ч. XLIII, отд. 2); Доссона—(см. ниже).

древле между берегами Чернаго и Каспійскаго морей и, вѣроятно, принадлежали къ какому нибудь изъ многочисленныхъ племенъ, разсѣянныхъ на обширномъ пространствѣ земель отъ Инда до береговъ Дуная и извѣстныхъ древнимъ подъ именемъ Скифовъ. Они могли существовать тогда подъ другими именами, подъ коими, можетъ быть знали ихъ и Греки, но какъ на это не находится никакихъ ясныхъ доказательствъ и розысканія о семъ предметѣ по отдаленности времени и недостатку положительныхъ свѣдѣній были бы невозможны и произвели бы только множество безполезныхъ предположеній, то мы и начнемъ исторію Хазаровъ только съ того времени, какъ они являются въ лѣтописяхъ подъ этимъ именемъ.

Первыя достовѣрныя извѣстія о Хазарахъ находятся въ лѣтописяхъ Армянскихъ. Моисей Хоренскій [1]) говоритъ, что въ послѣднее время царствованія Валарсака, сѣверные Хазарскіе и Базилійскіе народы ворвались въ ворота Зурскія [2]) подъ предводительствомъ Царя своего Венесена Сургака, и проникли даже за рѣку Куръ; здѣсь встрѣчены они были многочисленнымъ войскомъ, подъ начальствомъ Валарсака, который разбилъ ихъ и гналъ обратно до помянутыхъ воротъ; но здѣсь Хазары, соединившись, снова вступили въ битву, и убили Валарсака въ 198 г. по Р. Х. Сынъ и наслѣдникъ сего Государя, Хозрой, рѣшившись отмстить за смерть отца, вторгнулся въ земли этихъ народовъ, побѣдилъ ихъ, и взявъ въ заложники по одному человѣку со ста, возвратился въ Арменію.

Это пораженіе, вѣроятно, сильно ослабило Хазаровъ и заставило ихъ на нѣкоторое время прекратить свои набѣги, ибо въ продолженіи ста лѣтъ послѣ сего лѣтописи Армянскія не говорятъ ничего объ этомъ народѣ; но когда силы его возстановились, пораженіе было забыто, и въ тѣхъ же лѣтописяхъ опять упоминается, что въ 310 году по Р. Х., въ царствованіе Тиридата, Хазары снова вторглись въ Арменію, но были разбиты этимъ Государемъ, который преслѣдовалъ ихъ до владѣній Гунновъ, и также какъ и Хозрой, взялъ съ нихъ заложниковъ. Но всѣ усилія Государей Армянскихъ прекратить набѣги этаго народа на подвластныя имъ земли, были безполезны. Хазары, воспламеняемые жаждою и надеждою богатой до-

---

1) Моисей Хоренскій, родомъ Армянинъ, жилъ въ V столѣтіи, написалъ исторію своего отечества до 440 года и для поясненія ея прибавилъ географическое описаніе извѣстныхъ тогда земель; переведена на русскій языкъ Іоанесовымъ: Спб. 1808 г., 2 ч.

2) Это были одни изъ вороть между Каспійскимъ моремъ и кавказскими горами; у магометанскихъ писателей они извѣстны подъ именемъ Бабу—Сулъ.

бычи въ странахъ, щедро надѣленныхъ всѣми дарами природы, въ продолженіи восьми вѣковъ постоянно стремились на югъ. Окруженные съ запада, сѣвера и востока глубокими рѣками, топкими болотами, непроходимыми лѣсами и голыми степями, обитатели коихъ, живя охотою или скотоводствомъ, дикостію и грубостію своею не уступали окружающей ихъ природѣ, куда могли устремить Хазары, возраставшія силы свои, какъ не на югъ горъ Кавказскихъ, куда манила ихъ и роскошь климата и изобиліе произведеній природы и удобства образованности. Это стремленіе есть постоянный характеръ исторіи Хазаровъ. Пользуясь распрями и войнами, опустошавшими Арменію, они принимали то сторону Персовъ, стремившихся овладѣть симъ Государствомъ, то дрались противъ нихъ, будучи союзниками Армянъ и Грековъ. Такимъ образомъ, раздоры народовъ, живших на югѣ, еще болѣе способствовали желанію Хазаровъ утвердиться за Кавказомъ. Въ царствованіе Хозроя младшаго, по словамъ Моисея Хоренскаго, жившіе за Кавказомъ сѣверные народы, въ числѣ 30,000 вторглись въ Арменію и разбили выступившее противъ нихъ войско, но новыя, двинувшіяся съ запада и востока войска обратили ихъ въ бѣгство. Далѣе тотъ же самый писатель повѣствуетъ, что Сапоръ, Государь Персидскій, соединясь съ Тиграномъ, царствовавшимъ въ Арменіи, защитилъ его отъ набѣговъ Сѣверныхъ народовъ, которые, пройдя чрезъ ворота Зурскія, стояли четыре года въ предѣлахъ Албаніи, а Арабскій историкъ Табари [1]) говоритъ, что Хазары находились въ числѣ войскъ Римскаго Императора Іуліана (Отступника), воевавшаго съ Сапоромъ.

Послѣ сего въ продолженіи слишкомъ ста лѣтъ, лѣтописи Армянскія молчатъ объ этомъ народѣ, но эта тишина на югѣ была слѣдствіемъ грозной бури, разразившейся на Сѣверѣ отъ моря Каспійскаго. Въ IV столѣтіи нахлынули изъ за Волги ужасные Гунны, и въ бурномъ стремленіи своемъ поглотили и Хазаръ, обитавшихъ тогда между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Хазары вступили сначала въ союзъ съ Гуннами, но потомъ, отдѣлившись отъ нихъ, были покорены Аттилою. Это событіе, случившееся въ 448 году по Р. Х., Прискъ описываетъ такимъ образомъ: «Аказиры (Хазары)» говоритъ онъ: «состояли въ это время изъ многихъ племенъ и управлялись множествомъ малыхъ владѣтелей. Утвердивъ между ими согласіе,

---

1) Абу Джафаръ Мохаммедъ этъ-Табари, родившійся въ 310 г. (922—3) Геджры, есть одинъ изъ древнѣйшихъ, славнѣйшихъ и плодовитѣйшихъ историковъ магометанскихъ. Его произведеніе извѣстно подъ именемъ: Тарихъ-улъ-Мулукъ,—лѣтописи государей.

Императоръ Ѳеодосій, посредствомъ даровъ, отвратилъ ихъ отъ союза съ Аттилою и склонилъ жить въ мірѣ и союзѣ съ Римлянами; но тотъ, кто привезъ эти дары, раздавалъ ихъ Князьямъ не по степени ихъ и достоинству. Отъ сего Курпдахъ, старѣйшій изъ нихъ, будучи недоволенъ доставшимися на его долю дарами, и почитая себя обиженнымъ и обманутымъ, призвалъ Аттилу разсудить его съ другими князьями. Тотъ ни мало не медля, съ многочисленнымъ войскомъ вторгся въ землю Хазаровъ, и однихъ изъ владѣтелей перебилъ, другихъ принудилъ покориться. Одинъ только Курпдахъ успѣлъ сохранить свой удѣлъ непрпкосновеннымъ; вся же остальная земля Хазаровъ признала власть Аттилы, который для управленія новопокоренною страною назначилъ старшаго сына своего Эллака.

Смерть Аттилы возвратила Хазарамъ свободу, но скоро они снова лишились ее, ибо въ 462 году были покорены Сарагурами, Урогами и Оногурами, 1) которые сами, будучи вытѣснены изъ занимаемыхъ ими земель, стали искать себѣ новыхъ жилищъ, устремились на Хазаровъ, и послѣ многихъ битвъ покорили ихъ. Потомъ побѣдители, соединясь съ побѣжденными Хазарами, отправились вмѣстѣ войною на Персовъ, двинулись къ воротамъ Каспійскимъ, но, встрѣтивъ тамъ Персидскій гарнизонъ, избрали другую дорогу, которою проникнувъ въ Грузію, опустошили ее, и простерли набѣги свои даже на земли Армянскія. Освободившись отъ ига Гунновъ, Хазары съ Востока граничили съ кочевыми племенами народовъ Турецкихъ, которыхъ они, могли быть, данниками,—съ Сѣвера съ Финскими племенами Угровъ, увлеченныхъ Гуннами изъ древнихъ жилищъ своихъ, съ Запада съ Булгарами, а съ Юга съ народами Кавказскими. Съ VI столѣтія могущество Хазаръ начало быстро увеличиваться, и къ этому времени владѣнія ихъ на Югѣ простирались уже до рѣки Аракса. Для воспрепятствованія этимъ завоевателямъ, вторгавшимся уже въ Малую Азію,—еще далѣе простирать свои набѣги, Кобадъ, сынъ Фирузовъ, Персидскій Государь династіи Сассанидовъ послалъ противъ нихъ 12000 войска, которое и овладѣло странами, находящимися между Куромъ и Араксомъ. Завоевавъ также и Ширванъ, Кобадъ, на сѣверныхъ границахъ сей области построилъ огромный валъ съ 300 башенъ;—а сынъ его Нушпрванъ Справедливый, построеніемъ стѣны Кавказской [2]) и крѣпости Дербент-

---

1) По Нейману,—это народы финскаго племени.

2) Стѣна построенная Нушпрваномъ, начиналась у Дербента и шла черезъ Кавказскія горы на 40 ферзенковъ; въ ней было 11 желѣзныхъ воротъ, охранявшихся стражею, а какъ Дербентскія были главными, то и назвали ихъ Вратами вратъ. Вмѣстѣ съ симъ и городъ Дербентъ получилъ названіе

ской, совершенно лишилъ сѣверные народы возможности вторгаться этимъ путемъ въ его владѣнія: однако же, въ царствованіе сына его Гормузда, когда Персія съ одной стороны опустошаема была Турками, а съ другой Византійцами, Хазары, пользуясь благопріятными обстоятельствами, прорвавшись черезъ Дербентъ, вторгнулись въ Персію и предали все огню и мечу. Вторженіе это произошло въ 626 году, и здѣсь въ первый разъ имя Хазаровъ упоминается Византійскими историками, которые, описывая это событіе, говорятъ, что Императоръ Ираклій, вознамѣрившись вести съ Персами войну, почелъ за нужное вступить въ союзъ съ Хазарами, для чего и отправилъ къ нимъ пословъ и дары. Хазары обѣщали ему помогать, и подъ предводительствомъ вождя своего Зибела или Зигебиля, который по достоинству своему былъ вторымъ по Каганѣ (такъ назывался Государь Хазарскій), прорвавшись сквозь ворота Каспійскія, вторгнулись во владѣнія Персовъ и опустошая всѣ встрѣчавшіеся имъ на пути города и села, проникли до Адербайджана. Между тѣмъ Ираклій шелъ соединиться съ новыми союзниками своими, и предводитель Хазаровъ, услышавъ о приближеніи его, поспѣшилъ къ нему на встрѣчу и увидѣвъ Императора, по обычаю Хазаровъ, повергся предъ нимъ ницъ со всѣми спутниками своими. Ираклій обнялъ Зибела, назвалъ его сыномъ своимъ и возложилъ на него собственную свою корону. Потомъ, позвавъ его на пиръ, подарилъ ему дорогіе сосуды, Царскую одежду и серьги, украшенныя драгоцѣнными камнями; прочихъ же, находившихся съ Зибеломъ начальниковъ Хазарскихъ, также одарилъ серьгами. Желая еще болѣе утвердить союзъ съ симъ народомъ, Ираклій показалъ Зибелу портретъ дочери своей Евдокіи, и обѣщалъ женить его на ней, если онъ поможетъ ему противъ непріятелей. Оставивъ Императору сына своего и 40000 отборнаго войска, Зибелъ съ остальными возвратился въ свою землю, а Ираклій съ присоединившимися къ нему Хазарами, отправился противъ Персовъ, одержалъ многія побѣды, и взялъ много городовъ. Съ приближеніемъ зимы Хазары удалились въ свои жилища. Но между тѣмъ, какъ они торжествовали побѣду свою надъ ослабѣвшими уже Государями Сассанидскими, новый врагъ готовился имъ въ отдаленной части Юго-западной Азіи. Въ Аравіи совершился въ это время великій переворотъ, слѣдствія коего

Мединетъ-ел бабъ вел-абвабъ, т. е. городъ Вратъ-вратовъ. Описаніе этой стѣны можно найти у Байера: De muro Caucaseo, въ Комментаріяхъ Петербургской Академіи Наукъ, 1728 г. т. 1 и въ сочиненіи Доссона: Des peuples du Caucase etc.: стр. 100, 104.

не замедлили обнаружиться и для отдаленныхъ обитателей странъ при—Волжскихъ. Воспламененные фанатизмомъ, Аравитяне готовы были, во славу пророка, завоевать цѣлый міръ; оружіе ихъ гремѣло повсюду, и въ Халифатство Омара, наложивъ дань на Адербайджанъ и Арменію, они проникли даже въ Ширванъ. Хабибъ-Ибнъ Муслимэ, полководецъ Османа, преемника Омарова на берегахъ Эфрата, разбилъ соединенныя войска Алановъ, Абхазовъ и Хазаровъ, находившіяся подъ предводительствомъ Патриція Арминакуса, и продолжая свои дѣйствія вдоль по рѣкѣ Араксу, овладѣлъ Тифлисомъ и многими другими городами, а на жителей ихъ наложилъ подать.—Въ тоже самое время другой полководецъ Османовъ, Сулейманъ Ибнъ-Рабіатъ-эль Багели, завоевалъ Арранъ, взялъ Бейлеканъ и Бердаа, перешелъ черезъ Куръ и направляя путь свой къ Сѣверу, дошелъ до Дербента и наложилъ дань на жителей этаго города; но здѣсь счастіе оставило его. Перейдя черезъ Дербентъ, онъ встрѣтилъ при Беленджерѣ войско Хазарское, подъ предводительствомъ самаго Кагана, и вступивъ съ нимъ въ бой палъ съ 4000 Мусульманъ. Это пораженіе Аравитянъ произошло въ 31 году Эгиры (651—2 по Р.Х.).Разбитіе Сулеймана снова возвратило Хазарамъ часть земель,завоеванныхъ Аравитянами и въ Армянскихъ лѣтописяхъ упоминается, что въ 683 году, Хазары, вторгнувшись въ Арменію, убили въ сраженіи, правившаго оною отъ имени Халифовъ, Армянина Григорія. — Занятые внутренними междоусобіями, Аравитяне не обращали вниманія на Хазаровъ, но лишь только водворилось у нихъ спокойствіе, какъ оружіе ихъ тотчасъ и было обращено противъ сихъ смѣлыхъ завоевателей. Начались битвы кровопролитныя, ибо сколь рѣшительно стремились Аравитяне къ владычеству по ту сторону Кавказа, столь же постоянно старались и Хазары удерживать оныя за собою, слѣдствіемъ сего были безпрерывныя войны, опустошавшія Грузію и Арменію въ продолженіе 80 лѣтъ. Побѣда часто увѣнчивала какъ тѣхъ, такъ и другихъ. Въ 714 году, Муслиме, братъ Халифа Валида, управлявшій Арменіею и Адербайджаномъ, опять овладѣлъ Дербентомъ, а въ 717 году, двадцати тысячное Хазарское войско вторгнулось въ Ширванъ и Адербайджанъ, но было разбито Мусульманами, которые, въ 722 году, сами проникли въ землю Хазарскую, но, въ свою очередь, также потерпѣли жестокое пораженіе. Въ этомъ же году, сдѣланный правителемъ Арменіи, Абу-Обейда-Джаррахъ, горя желаніемъ отмстить за пораженіе своихъ единовѣрцевъ, вторгнулся въ собственныя земли Хазаровъ, и не далеко отъ Дербента одержалъ надъ ними рѣшительную побѣду. Преслѣдуя непріятелей въ глубь страны, Джаррахъ взялъ многіе города Хазарскіе, и съ бога-

тою добычею возвратился назадъ.—На слѣдующій годъ онъ предпринялъ также весьма удачный походъ въ Хазарію, но въ 726 году, Хазары вторгнулись опять въ Адербайджанъ, подъ предводительствомъ сына Кагана своего, и, по словамъ Мохаммеданскихъ историковъ, были разбиты и обращены въ бѣгство Харисомъ, намѣстникомъ Муслиме, бывшаго Правителемъ Адербайджана и Арменіи. — По извѣстію же Византійскихъ писателей, Θеофана и Анастасія, они одержали побѣду и разбили этаго Арабскаго военачальника. Въ 728 году, самъ Муслиме, съ многочисленнымъ войскомъ, вступилъ во владѣніе Хазаровъ, взялъ многіе города и разбилъ вышедшаго противъ него Кагана Хазарскаго. Въ слѣдующемъ году Джаррахъ, сдѣланный снова Правителемъ Адербайджана, также ходилъ въ землю Хазарскую, но возвратился безъ большого успѣха. Съ 730 года дѣйствія, сдѣлались рѣшительнѣе. Собственный сынъ Кагановъ, предводительствуя многочисленнымъ войскомъ Хазаровъ, прошедъ чрезъ Дербентъ, вторгнулся въ Адербайджанъ, и побилъ на голову, спѣшившее противъ него довольно сильное войско Мусульманъ. Начальствовавшій онымъ Джаррахъ былъ убитъ, и все семейство его впало въ руки побѣдителей. Не находя нигдѣ сопротивленія, Хазары опустошили Адербайджанъ, взяли Ардебиль и разъѣзды ихъ появились уже въ окрестностяхъ Мосула. Устрашенный быстрыми успѣхами непріятелей, Халифъ Гешамъ отправилъ противъ нихъ Сапда Ибнъ-Амру-Эльхареши съ 30000 войска. Этотъ полководецъ, разбивъ Хазаровъ въ четырехъ сраженіяхъ сряду, отнялъ награбленныя ими богатства, и заставилъ ихъ отступить. Муслиме, братъ Гешама, принявшій послѣ его начальство надъ войскомъ, преслѣдовалъ удалявшихся враговъ до Дербента, и овладѣвъ симъ городомъ, поселилъ въ немъ колонію изъ 14000 Сирійцевъ, и такимъ образомъ, на нѣкоторое время, лишилъ Хазаровъ возможности вторгаться чрезъ эту крѣпость во владѣнія Мусульманъ. Въ 732 году, Муслиме снова предпринялъ походъ въ землю Хазарскую, но бывъ принужденъ оставить непріятелямъ весь багажъ свой едва на легкѣ, могъ достигнуть до Дербента. Неудача этаго предпріятія возбудила противъ него неудовольствіе при дворѣ, и Мерванъ, дядя Гешамовъ, сдѣланный на мѣсто его правителемъ Месопотаміи, Арменіи и Адербайджана, съ 120000 войскомъ отправился для наказанія Хазаровъ. Нѣсколько разъ вторгался онъ въ ихъ владѣнія и въ 737 году нанесши имъ рѣшительное пораженіе, заставилъ Кагана просить мира, и торжественно принять Магометанскую религію. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ послѣ сего, онъ безпрестанно воевалъ съ разными горскими народами, доколѣ

въ 742 году, по смерти Валида, сына Езидова, вступилъ на престолъ Халифовъ.

Съ паденіемъ династіи Омайядовъ, когда воинственный духъ Аравитянъ уже охладѣлъ, войны съ Хазарами сдѣлались гораздо рѣже. Изъ вторженій ихъ во времена Аббасидовъ извѣстны наиболѣе два: одинъ въ 764 году, когда они взяли Тифлисъ и опустошили Арменію, и другой въ 799 году, когда подъ предводительствомъ самого Кагана, въ числѣ ста тысячь, они ворвались въ Арменію, совершили тамъ неслыханныя жестокости и увели множество плѣнниковъ; но наконецъ полководецъ Езидъ, посланный Гарунъ-Эль-Рашидомъ, успѣлъ изгнать ихъ изъ земель мохаммеданскихъ. Такъ кончилась эта кровопролитная, долговременная борьба двухъ воинственныхъ народовъ Европы и Азіи; Аравитяне остались спокойными обладателями странъ Закавказскихъ, ибо съ сего времени въ лѣтописяхъ Мусульманскихъ не упоминается уже болѣе о войнахъ между Аравитянами и Хазарами.

Такимъ образомъ, будучи удерживаемы на югѣ горъ Кавказскихъ сопротивленіемъ Аравитянъ, Хазары обратили оружіе на своихъ сосѣдей съ Запада и Сѣвера. Въ царствованіе Греческаго Императора Константина II (642—668), они покорили Болгаръ Черноморскихъ и наложили на нихъ дань; двинули далѣе къ Западу Финскія племена Угровъ, и распространили завоеванія свои по ту сторону моря Каспійскаго. Война Юстиніяна Ринотмета [1]) съ Херсонесцами доставила Хазарамъ случай овладѣть частію Тавриды и, вѣроятно въ то же время, простирая оружіе свое на сѣверъ, они сдѣлали данниками своими Славянскія поколѣнія Полянъ, Сѣверянъ, Радимичей и Вятичей. Вообще VIII столѣтіе было самымъ цвѣтущимъ періодомъ державы Хазаровъ. Они владѣли отъ моря Каспійскаго до береговъ Днѣстра и отъ Чернаго моря до береговъ Оки и Камы. Императоры Византійскіе, страшась за свои владѣнія въ Херсонесѣ, всѣми мѣрами старались войти въ тѣснѣйшую связь съ Хазарами. «Цари Греческіе,» говоритъ Карамзинъ, «искали убѣжища въ ихъ станахъ, дружбы и родства съ Каганами; въ знакъ своего къ нимъ почтенія украшались въ нѣкоторые торжественные дни одеждою Хазарскою и стражу свою составляли изъ этихъ храбрыхъ Азіятцевъ. Имперія въ самомъ дѣлѣ могла хвалиться ихъ дружбою; они не только оставляли въ

---

[1]) Юстиніянъ Ринотметъ, въ 702 году женился на дочери Кагана Хазарскаго, именемъ Θеофаніи; а въ 732 году Константинъ Копронимъ вступилъ въ бракъ съ дочерью государя хазарскаго, славнаго въ лѣтописяхъ византійскихъ, Ириною.

покоѣ Константинополь, но еще и служили его слабымъ Государямъ союзниками противъ Булгаровъ, опустошавшихъ Имперію. [1])

Въ концѣ этаго столѣтія, въ царствованіе Гарунъ-Эль-Рашида (786—809), Евреи, притѣсняемые въ Греціи, удалились къ Хазарамъ, и, видя простоту этаго народа, предложили ему свою Вѣру — и Хазары, находя ее лучше собственной, приняли охотно. Могаммеданская же религія, принятая въ 737 году насильно и вслѣдствіе необходимости, не могла сдѣлать успѣховъ между Хазарами, и кажется, что Исламизмъ ихъ исчезъ вмѣстѣ съ удаленіемъ Аравитянъ, по крайней мѣрѣ Ибнъ-Эль-Эсиръ [2]) говоритъ, что Хазары приняли Могаммеданскую вѣру въ 254 году Геджры (868 по Р. Х.), слѣдовательно черезъ сто лѣтъ послѣ пораженія ихъ Мерваномъ. Причина сего была та, что Хазары, тѣснимые напавшими на земли ихъ Турками, просили помощи у Хорезмійцевъ, которые отвѣчали имъ на это: вы невѣрные, и мы поможемъ вамъ только съ тѣмъ условіемъ, что вы сдѣлаетесь Мусульманами. Хазары согласились, и весь народъ, исключая государя, принялъ Исламизмъ; Хорезмійцы подали имъ помощь и Турки были прогнаны, съ этаго времени вѣра Могаммеданская утвердилась въ Хазаріи; нравы народа должны были смягчиться отъ сего, но вмѣстѣ съ тѣмъ должна была исчезнуть и дикая храбрость, доселѣ его поддерживавшая. Такъ и случилось; Хазары утратили свой воинственный духъ и съ IX столѣтія могущество ихъ мало по малу стало ослабѣвать. Съ востока отъ рѣки Урала начали напирать на нихъ дикія поколѣнія Печенѣговъ и другихъ народовъ Турецкихъ, а съ Сѣверо-Запада начали отнимать у нихъ владѣнія князья русскіе.—Аскольдъ и Диръ, овладѣвъ Кіевомъ, наложили Хазаръ дани, платимой жителями этаго города, а Олегъ взялъ себѣ и ту, которую давали имъ Сѣверяне и Радимичи. Набѣги Печенѣговъ, безпрестанно подвигавшихся къ Западу, заставили Хазаровъ отправить въ 834 году къ Греческому Императору Ѳеофилу посольство съ просьбою прислать имъ искусныхъ людей для построенія на берегу Дона крѣпости, которая защищала бы восточныя границы отъ вторженій этихъ дикарей. Ѳеофилъ, исполняя ихъ просьбу, прислалъ имъ ученаго

---

1) Каганъ хазарскій почитался могущественнѣйшимъ изъ государей, съ которыми былъ въ сношеніяхъ дворъ Византійскій, ибо посылаемыя къ нему грамоты надписывались: «Славнѣйшему и благороднѣйшему Кагану хазарскому», и запечатывались золотою печатью въ три солида,—тогда какъ письма, отправляемыя къ папѣ и королю французскому, запечатывались печатью только въ два солида.

2) Историкъ магометанскій, родился въ 1160 г., умеръ въ 1233.

инженера именемъ Петрону, который и построилъ крѣпость, названную Саркеломъ. Въ нее назначенъ былъ гарнизонъ, который ежегодно смѣнялся. Въ 858 году, если вѣрить одной легендѣ, въ Константинополь, къ Императору Михаилу прибыло новое посольство отъ Хазаровъ съ просьбою прислать имъ кого нибудь для наставленія въ Религіи Христіянской. Дѣло обращенія Хазаровъ поручено было Константину Θессалоникскому, который, научившись въ Херсонесѣ Хазарскому языку, отправился въ ихъ землю и обратилъ въ Христіянскую вѣру большую часть народа, даже тѣхъ, которые приняли уже Коранъ, или Пятикнижіе. Въ 894 году, по извѣстію Константина Багрянороднаго, Хазары, соединившись съ Узами, которые вслѣдъ за Печенѣгами также подвигались на западъ, напали на послѣднихъ и изгнали ихъ изъ занимаемыхъ ими земель. Печенѣги двинулись далѣе на западъ, въ свою очередь вытѣснили съ береговъ Дона Мадьяровъ, отодвинули ихъ въ Молдавію и Бессарабію, а сами заняли страну ихъ, называвшуюся Лебедіею. Изъ словъ Константина видно также, что Мадьяры, живя на Дону, было въ тѣсныхъ связяхъ съ Хазарами, и что даже и по удаленіи ихъ Каганъ Хазарскій сохранилъ надъ ними нѣкоторое вліяніе; ибо, по желанію его, они провозгласили королемъ Арпада, до тѣхъ же поръ управлялись воеводами. Вскорѣ за симъ около 899 года у Хазаровъ произошли смятенія, возгорѣлась междоусобная война и Хабары, одно изъ храбрѣйшихъ Хазарскихъ поколѣній, которое было побѣждено, удалилось въ землю Венгровъ и слилось съ ними въ послѣдствіи въ одинъ народъ. Константинъ Багрянородный, описывая окружающіе Имперію народы, говоритъ также и о Хазарахъ; изъ словъ его видно, что они въ первой половинѣ X вѣка граничили къ Югу съ моремъ Каспійскимъ и горами Кавказскими, къ Западу съ Дономъ, который отдѣлялъ ихъ отъ Печенѣговъ и Узовъ, и Азовскимъ моремъ; къ Сѣверу съ Волжскими или Камскими Булгарами, а къ Востоку съ Башкирцами, и другими кочевыми, Турецкими поколѣніями. Этотъ государь совѣтовалъ также своему сыну для обузданія могущества Хазаровъ, жить въ союзѣ съ Узами и Аланами. Изъ сего видно въ какой зависимости находилось тогда это государство отъ сосѣднихъ ему дикихъ народовъ.

Побѣды Руссовъ надъ Славянскими поколѣніями, данниками Хазаровъ, познакомили оба народа и Руссы, посѣщавшіе уже, можетъ быть, Хазарію, ибо видимъ, что они въ послѣдствіи служили въ гвардіи Кагановъ, и видѣвшіе тамъ богатства, привозимыя съ Востока, задумали, по обычаю своему, пуститься на грабежъ въ Персидскія области, прилежащія Каспійскому

морю. Въ числѣ 50 тысячъ, на 500 судахъ, они вышли въ Черное море, и просили у Кагана позволенія пройдти черезъ его владѣнія въ Каспійское море, обѣщая ему за это половину добычи. Каганъ согласился, Руссы вошли въ Донъ и изъ этой рѣки, вѣроятно волокомъ, переправились въ Волгу, и, какъ условлено было, мимо Итиля выплыли въ море Каспійское; здѣсь разграбили они Гиланъ, Дайлемъ, Таберистанъ, Джорджанъ и Адербайджанъ, и наполнивъ всю Персію ужасомъ своего имени, съ безчисленною добычею отправились въ обратный путь. Прибывъ къ устью Волги, они отослали Кагану половину обѣщанной добычи; но Магометане, служившіе въ гвардіи хазарскаго государя, желая отмстить Руссамъ за убійство своихъ единовѣрцевъ, рѣшились истребить ихъ, и для сего въ числѣ 15000 человѣкъ съ присоединившимися къ нимъ Христіянами Итильскими, напавъ на Руссовъ, 30000 изъ нихъ положили на мѣстѣ битвы или потопили въ волнахъ Волги; остальные же перебиты были на другой сторонѣ этой рѣки Буртасами и Булгарами, исповѣдывавшими Магаммеданскую вѣру.

Эта побѣда бѣла гибельна для Хазаровъ, ибо въ первомъ порывѣ гнѣва они не замѣтили, сколь мстительнаго и страшнаго врага возстановили противъ себя. Воинственный духъ Руссовъ заставлялъ ихъ искать причинъ для войны съ сосѣдями, здѣсь же кровь единоземцевъ требовала мщенія, и Русскій князь Святославъ, предпринявъ походъ на Хазаровъ, вѣроятно имѣлъ намѣреніе отмстить имъ за разбитіе своихъ единоплеменниковъ. Лѣтописецъ русскій ничего не упоминаетъ о причинахъ, побудившихъ къ сему Святослава, а говоритъ только, что въ 965 году, покоривъ Вятичей, послѣднее изъ поколѣній славянскихъ, которое платило дань Хазарамъ, онъ устремился потомъ на земли сего народа, въ кровопролитной битвѣ побѣдилъ Кагана, предводительствовавшаго войскомъ и взялъ укрѣпленный городъ Хазарскій Саркелъ или Бѣлую Вѣжу. — Въ этотъ же походъ завоевалъ, вѣроятно, Святославъ и земли на перешейкѣ Кавказскомъ и по берегамъ Азовскаго моря, принадлежавшія тогда Хазарамъ, и въ послѣдствіи образовавшія княжество Тмутараканское. — Ибнъ-Хаукалъ, повѣствующій о семъ событіи подъ 658 (969) годомъ Геджры, говоритъ, что Русскіе перебили въ то время жителей Итиля, Хазаровъ, Булгаровъ и Буртасовъ, разрушили Семендеръ [4]) и опустошили его окрестности.

Этотъ ударъ сильно потрясъ могущество уже слабѣвшей державы Хазарской и приготовилъ совершенное ея паденіе; но Хазарія, по описаніямъ арабскихъ путешественниковъ, даже и

---

1) Семендеръ, Хазарскій городъ. См. ниже.

въ это время все еще находилась въ цвѣтущемъ состояніи, въ сравненіи съ другими, окружавшими ее странами; наконецъ ослабленная войнами съ дикими сосѣдями своими, обезсиленная и потрясенная оружіемъ князей русскихъ, она пала въ первыхъ годахъ XI столѣтія, разрушенная соединенными силами Византійцевъ и Руссовъ. Вотъ какъ говоритъ Кедринъ 1) о паденіи этаго, нѣкогда столь цвѣтущаго государства: «Императоръ Василій, возвратясь въ Константинополь изъ похода на Булгарію 2), въ Январѣ мѣсяцѣ 6524 (1016 по Р. Х.) года отъ сотворенія міра, послалъ въ Хазарію флотъ подъ предводительствомъ Монга, сына Андроникова, который съ помощью Сфенга брата Владиміра, того самаго, который женатъ былъ на сестрѣ Императора Василія, покорилъ эту страну, взявъ въ плѣнъ въ первой битвѣ Государя оной Георгія Цула.»—Византійскій историкъ ошибся здѣсь и поставилъ Сфенга, брата Владимірова, который никогда не существовалъ, вмѣсто Владимірова сына Мстислава, получившаго въ удѣлъ отъ отца область Тмутараканскую.

Съ этаго времени уже ни Византійскія, ни Русскія лѣтописи не упоминаютъ болѣе о Хазарахъ. Прежнія жилища ихъ заняты были народомъ, который Русскіе называютъ Половцами, а Византійцы Команами; остатки же народа Хазарскаго, вѣроятно, еще нѣсколько времени сохраняли свою независимость, занимая небольшое пространство земли между Каспійскимъ моремъ и горами Кавказскими, потомъ, по малочисленности своей, смѣшавшись съ сосѣдними народами турецкими и кавказскими, утратили свое существованіе.

В. Григорьевъ. 3)

22. Внутренній бытъ Хазарскаго царства. 4)

10 вѣка.

Итиль, столица царства Хазарскаго, расположена по обоимъ берегамъ рѣки Итиля (отъ которой получила свое имя), не да-

---

1) Георгій Кедринъ, монахъ, византійскій историкъ, ок, 1057 г., написалъ: Annales seu Chronicon ab. O. C.—1057.

2) Дунайскую.

3) Сынъ Отечества 1835 г., № 17.

4) Въ этой статьѣ помѣщаются извѣстія о Хазарахъ разныхъ восточныхъ писателей, по преимуществу 10 вѣка: Массуди (943 г.), Ибнъ-Хаукала (ок. 942 г.), Ибнъ Фоцлана (ок. 921), Табари (922), Белазори (892—3), Якута (1229) и друг. Эти извѣстія собраны и переведены на французскій языкъ шведскимъ ученымъ Доссономъ въ его трудѣ: Des peuples du-Caucase ou

леко отъ впаденія ея въ Каспійское море. Рѣка эта, выходящая, какъ говорятъ изъ земель Руссовъ и Булгаръ, раздѣляется при своемъ руслѣ болѣе чѣмъ на 70 рукавовъ, сохраняя при этомъ отъ изобилія воды свою прежнюю глубину. За два дня до устья уже вода въ рѣкѣ получаетъ морской цвѣтъ;— рѣка зимой замерзаетъ, потому, что не имѣетъ соли. Городъ Итиль простирается въ длину почти на одинъ ферзенкъ и обнесенъ стѣною. Рѣка раздѣляетъ его на двѣ части: западную и восточную. Въ каждой части двое воротъ: одни на рѣку, другія въ поле; въ той и другой части находятся рынки и байни. Дома стоятъ разсѣянно и походятъ на шалаши; они сдѣланы изъ дерева или изъ войлока съ небольшою примѣсью глины. Одинъ только царскій дворецъ построенъ изъ кирпича; частнымъ людямъ запрещено употреблять кирпичь для построекъ; дворецъ стоитъ на берегу одного острова, который съ западною частію города сообщался посредствомъ моста на судахъ. Въ западной части города живутъ только лица, принадлежащія къ царскому двору, въ восточной же, болѣе обширной и называемой Хазераномъ, обитаютъ: Магометане, Христіяне, Евреи и Язычники. Въ окрестностяхъ Итиля нѣтъ селеній, но, не смотря на это, земля покрыта, на 20 парасангъ воздѣланными полями. Лѣтомъ, итильскіе жители отправляются на жатву хлѣба, который они перевозятъ въ городъ сухимъ путемъ или водою. Кромѣ Итиля въ землѣ Хазарской были еще города: Баланджаръ, Хамлиджъ, Семендеръ, Саркелъ. Баланджаръ одинъ изъ врѣпчайшихъ городовъ хазарскихъ; въ 722 году войска Калифа Іезида взяли его приступомъ, перерѣзали всѣхъ жителей и получили такую богатую добычу, что за отдѣленіемъ, принадлежавшей Калифу по закону, пятой части, досталось на каждаго ратника по 300 динаріевъ. Семендеръ сначала былъ столичнымъ городомъ въ хазарской землѣ, но когда въ VII столѣтіи войска Калифовы завоевали его, то Хаканъ перешелъ жить въ Итиль. Въ 968 году Руссы разорили Семендеръ до основанія. Хаукалъ пишетъ о немъ такъ: «Семендеръ древній, большой городъ, былъ такъ богатъ садами, что однихъ виноградныхъ считалось до 40 тысячь. Я распрашивалъ о немъ въ Джорджанѣ (Грузіи), въ 358, --(980 отъ Р. Х.) году, когда существованіе его было еще въ свѣжей памяти. Въ немъ жили Маго-

---

des pays au Nord de la mer Noire et de la mer Caspienne dans le dixieme Siecle. Paris, 1828 г. Доссонъ передаетъ эти извѣстія въ видѣ разсказа посла, котораго Калифъ Багдадскій отправилъ къ Волжскимъ Булгарамъ въ 948 г. Нами присоединенъ къ нимъ разсказъ Константина Порфиророднаго о постройкѣ хазарской крѣпости Саркела.

метане и другіе народы; у нихъ были свои месджиды [1]), церкви и синагоги. Но пришли Руссы, истребили все, чѣмъ владѣли при рѣкѣ Итилѣ Хазары, Булгары и Буртасы, и завладѣли всѣмъ ихъ имуществомъ.» Семендеръ лежитъ отъ Итиля на 7 дней пути. Дома въ Семендерѣ были деревянные, довольно большіе, сдѣланные на подобіе шалашей кочующихъ народовъ, съ высокими кровлями. Саркелъ крѣпость на Дону. Константинъ Порфирородный такъ говоритъ о ея постройкѣ: «Хазарскій Хаканъ и Пехъ [2]) присылалиословъ къ Императору Ѳеофилу и просили его о построеніи имъ крѣпости Саркела. Саркелъ же значитъ у Хазаръ: *Бѣлая гостинница*. Императоръ, исполняя ихъ просьбу, отправилъ Спафарокандидата [3]) Петрону съ императорскими хеландіями [4]), придавъ къ тому хеландіи намѣстника Пафлагонскаго. Петрона, прибывъ въ Херсонъ, нашелъ тамъ хеландіи, посадилъ людей своихъ на круглыя суда и пришелъ на то мѣсто рѣки Танаиса, гдѣ надлежало строить крѣпость. Какъ въ томъ мѣстѣ не было годныхъ для строенія крѣпости, камней, то Петрона велѣлъ сдѣлать печи, жечь въ нихъ кирпичь, изъ котораго и построили крѣпость, а извесь велѣлъ дѣлать изъ рѣчныхъ камешковъ. Построивъ крѣпость, Спафарокандидатъ Петрона возвратился къ Императору Ѳеофилу. А отъ рѣки Дуная до Саркела считается 60 дней пути, и на этомъ разстояніи текутъ многія рѣки, изъ которыхъ величайшія двѣ: Днѣстръ и Днѣпръ».

Языкъ Хазаръ совершенно различенъ отъ турецкаго и персидскаго и не имѣетъ родства ни съ какимъ другимъ. По наружности Хазары также не походятъ на Турковъ; волосы имѣютъ черные. Говорятъ, что существуютъ два племени Хазаръ: одни Кара Хазары или черные Хазары,—смуглы и черны почти какъ Индѣйцы, другіе—бѣлы, имѣютъ красивыя черты лица. Царь Хазарскій происходитъ изъ самыхъ знатныхъ родовъ. Его зовутъ: Илекъ или Бакъ [5]) и даютъ ему титулъ Великаго Хакана [6]), но царь этотъ не имѣетъ власти. Вся власть нахо-

---

[1]) Месджидъ есть то, что у насъ на Руси называется: Мисгитъ, мечеть,—молитвенный храмъ Магометанскій.

[2]) Намѣстникъ Хакана.

[3]) При греческомъ дворѣ были знатныя почетныя мѣста, занимаемыя тѣми, которые при торжественныхъ случаяхъ выносили императорское оружіе: щитъ, копье, сѣкиру и мечь. Эти оруженосцы раздѣлялись на три степени: Спафаріи, Спафарокандидаты и Протоспафаріи, послѣдніе занимали старшую степень.

[4]) Круглые корабли, листовыя или купеческія суда,—въ противоположность военнымъ кораблямъ, которые строились длинно.

[5]) Илекъ по объясненію Доссона есть слово турецкое и значитъ: первый, старшій, главный Бакъ, по мнѣнію Френа, могло легко произойти отъ татарско—турецкаго титула: бекъ.

[6]) Хаканъ, въ русскихъ лѣтописяхъ «Каганъ», сократившееся послѣ въ Ханъ, былъ титулъ государей турецкихъ и татарскихъ.

дится въ рукахъ правителя, который зовется намѣстникомъ Хакана. Великій же Хаканъ пользуется только царскими почестями; онъ живетъ, запершись въ своемъ дворцѣ, государственными дѣлами не занимается, постороннія лица къ нему не допускаются. Однако намѣстникъ имѣетъ почтеніе къ великому Хакану, ежедневно является къ нему и не иначе, какъ съ босыми ногами. Когда приближается, зажигаетъ кусокъ дерева и держитъ его въ рукахъ, пока не сгоритъ, потомъ садится на тронъ по правую сторону Великаго Хакана. Намѣстникъ носитъ титулъ Хаканъ-бега, онъ командуетъ войскомъ, предписываетъ законы государямъ подвластнымъ. Послѣ намѣстника первое мѣсто занимаетъ Кендеръ-Хаканъ, а послѣ него Чаушигаръ. Только эти главные чиновники могли являться къ Великому Хакану, никто другой не допускается, развѣ только въ случаѣ необходимости; такой, представь предъ него повергался ницъ, билъ челомъ о землю, потомъ вставалъ и ожидалъ дозволенія подойти и говорить. Дворъ великаго Хакана состоялъ изъ 4000 человѣкъ порфироносныхъ. Престолъ его стоялъ подъ золотою занавѣскою, а шатеръ, во время похода, и дворцы въ разныхъ городахъ были выше шатровъ и дворцовъ намѣстничьихъ. Хаканъ, его намѣстникъ и часть хазарскаго народа исповѣдуютъ Еврейскую религію. Она была принята царемъ Хазарскимъ въ царствованіе Калифа Гаруна-эль-Рашида. Съ той поры къ Хазарамъ переселилось множество Евреевъ изъ Мусульманскихъ и Римскихъ земель. Наплывъ Евреевъ въ Хазарскую землю еще сильнѣе увеличился отъ гоненія воздвигнутаго на нихъ въ Римской имперіи Императоромъ Романомъ (около 944 года), который силою хотѣлъ принудить ихъ принять Христіянство. При великомъ Хаканѣ находится стража изъ 12000 человѣкъ; она всегда въ полномъ составѣ и получаетъ жалованье. Большую часть этой стражи составляютъ Мусульмане; ихъ называютъ Ларсіями; они вышли нѣкогда изъ Хоразма, спасаясь отъ голода и язвы, которыя тамъ свирѣпствовали. Нельзя опредѣлить точно время этаго событія. Ларсіи, лучшія войска Хакана, на нихъ онъ полагается въ военное время. По заключеннымъ съ ними условіямъ они могутъ свободно исповѣдывать свою религію, имѣютъ мечети и могутъ призывать къ молитвѣ. Изъ ихъ среды долженъ выбираться главный правитель государства (визирь) и наконецъ, эти войска освобождены отъ войны съ Магометанскими народами, чтобы не подымать рукъ противъ своихъ единовѣрцевъ. Числомъ ихъ 7000. Оружіе: луки и копья, носятъ шлемъ, кольчугу и латы. Имя Ларсіи сдѣлалось у Хазаръ общимъ для всѣхъ Магометанъ. Въ войскѣ хазарскаго царя находятся также Руссы и

Славяне. Хазарскій воинъ, если бѣжитъ съ поля сраженія, казнится смертію. Если въ этой же винѣ уличены начальники, ихъ приводятъ вмѣстѣ съ семействами къ правителю и онъ при нихъ раздаетъ женъ ихъ и дѣтей, кому хочетъ. Также поступаетъ онъ со всѣми ихъ вещами: лошадьми, оружіемъ, домами; потомъ, виновнаго рубятъ по поламъ или распинаютъ, или вѣшаютъ на деревѣ, но иногда правитель даруетъ ему жизнь и помѣщаетъ въ число своихъ конюховъ. Когда Великій Хаканъ садится на лошадь, ѣдетъ гулять, за нимъ слѣдуетъ его стража, но издали, не ближе какъ на милю разстоянія. При появленіи государя, его подданные падаютъ всѣ ницъ на землю и встаютъ не прежде, какъ онъ проѣдетъ. Никто не смѣетъ проѣзжать верхомъ мимо могилы Хакана, долженъ слезть съ коня, поклониться до земли, потомъ идти пѣшкомъ и садиться не прежде, какъ могила скроется изъ виду. Хазары такъ послушны своему государю, что если онъ, находя кого либо изъ своихъ вельможъ достойнымъ смерти, но не желая производить казнь надъ нимъ публично изъ уваженія къ его званію, велитъ ему убить самого себя, то осужденный, возвратясь домой, исполняетъ приказаніе.

По установившемуся обычаю Хаканъ имѣетъ 25 женъ изъ дочерей подвластныхъ и сосѣднихъ государей.

По смерти Хакана сооружается большое зданіе, имѣющее 20 комнатъ, отдѣланныхъ дорогими матеріями изъ шелка и золота, въ каждой изъ нихъ вырыта могила. Зданіе это помѣщается надъ рѣкою, чтобы, какъ говорятъ Хазары, ни человѣкъ, ни чортъ, ни пресмыкающаяся гадина не могли коснуться могилы ихъ государя. Дно могилы засыпаютъ камнемъ истертымъ въ мелкій порошекъ и покрываютъ слоемъ негашеной извести. Схоронивъ тамъ Хакана, отрубаютъ голову тѣмъ, которые его туда опускали, чтобы никто не зналъ, въ которой комнатѣ онъ погребенъ. Могила Хакана называется раемъ, когда хотѣли сказать: «царь умеръ»,—говорили: «Царь отправился въ рай.» По смерти Хакана, на престолъ возводили иногда людей бѣднѣйшаго состоянія, лишь бы только они принадлежали къ тому роду, изъ котораго происходили цари. Одинъ человѣкъ, достойный вѣроятія, разсказывалъ Хаукалу, что видѣлъ на рынкѣ одного юношу, продававшаго хлѣбъ, о которомъ говорили, что онъ, по смерти тогдашняго Хакана, былъ ближайшимъ наслѣдникомъ престола, хотя исповѣдывалъ магометанскую вѣру, а Хаканъ непремѣнно долженъ быть іудейской вѣры.

По смерти намѣстника, заступающаго его мѣсто приводятъ къ хакану, который даетъ ему наставленія и увѣщеваетъ стро-

го исполнять обязанности своего сана, давая ему при этомъ знать, какъ онъ будетъ виновенъ, если начнетъ пренебрегать имп. Затѣмъ, утверждаютъ его въ санѣ и Хаканъ кладетъ ему на шею шелковый снурокъ и начинаетъ давить, пока тотъ не станетъ задыхаться, тогда спрашиваютъ: сколько лѣтъ намѣренъ онъ управлять? и когда истекаетъ срокъ, который онъ самъ себѣ назначилъ, его убиваютъ. Долѣе 40 лѣтъ не дозволяютъ править, по истеченіи этаго срока тотчасъ убиваютъ, на томъ основаніи, что съ годами умъ и способности человѣка слабѣютъ.

Буртасы, Булгары, Руссы, Славяне и другіе народы подчинены царю Хазарскому; люди всѣхъ этихъ народовъ живутъ въ Итилѣ. Тамъ находятся семь судей. Двое изъ нихъ Магометане и рѣшаютъ дѣла по своему закону, двое Хазары и судятъ по закону еврейскому, двое Христіяне и судятъ по евангелію и наконецъ седьмой для Славянъ, Руссовъ и другихъ язычниковъ,— судитъ по разсудку. Въ трудныхъ случаяхъ послѣдніе идутъ за совѣтомъ къ Магометанскому Кади и согласуются съ его рѣшеніемъ. Никто изъ жалующихся не можетъ обращаться прямо къ государю [1]), только судьи имѣютъ къ нему доступъ. Во время судейскихъ засѣданій, судьи отправляютъословъ къ государю, извѣстить его о своихъ занятіяхъ и получить приказанія. Много магометанскихъ купцовъ и ремесленниковъ поселилось въ землѣ Хазарской: они находятъ тамъ справедливость и безопасность. Ихъ считаютъ выше 10 тысячь; это самая многочисленная изъ четырехъ народностей. Евреи по числу наименьшіе, но всѣ лица царскаго двора исповѣдуютъ ихъ религію. Магометане въ Итилѣ подчинены особому чиновнику, ихъ же религіи; его назначаетъ Хаканъ и онъ называется Хизметъ. Магометане имѣютъ въ Итилѣ 30-ть мечетей (месджидовъ) и одну соборную (месджидъ-джами); ея минаретъ выше царскаго дворца; въ ней помѣщается училище, гдѣ обучаютъ дѣтей корану. Если бы всѣ живущіе у Хазаръ Магометане и христіяне соединились противъ нихъ, то заставили бы повиноваться. Въ 922 г. царь хазарскій, узнавъ, что Магометане разрушили іудейскіе храмы въ землѣ Албабунджской, велѣлъ сломать минаретъ главной итильской мечети и предать смерти муеззиновъ этаго храма, сказавъ при этомъ, что если онъ не разрушилъ самую мечеть, то только, чтобы не вызвать этимъ разрушенія синагогъ въ магометанскихъ земляхъ.

Въ землѣ Хазаръ есть цѣпь горъ, называется Батра, идетъ

---

1) Здѣсь подъ словомъ государь разумѣется вѣроятно намѣстникъ Хакана, а не самъ онъ; въ противномъ случаѣ это противорѣчило бы сказанному выше, что Хаканъ не вмѣшивался въ дѣла и предоставлялъ все своему намѣстнику.

она съ Юга на Сѣверъ. Въ ней находятся серебряные рудники удобные къ разработкѣ и также мѣдные. Сама Хазарія не производитъ ничего такого, чтобы вывозилось въ другія страны, кромѣ развѣ рыбьяго клея, все же, что идетъ изъ нея на югъ: медъ, воскъ, мѣха,—привозится изъ другихъ земель: Руси, Булгаріи, Кіева. Драгоцѣннѣйшія мѣха привозятся изъ Руси или изъ земли Яджуджъ и Маджуджъ, лежащей далѣе Руси; тамъ скупаютъ ихъ Русскіе купцы и привозятъ въ Хазеранъ, который, какъ уже было выше сказано, составляетъ восточную часть города Итиля, населенную преимущественно купцами. У хазарскаго хакана не было кораблей и его подданные не были мореходцами. Хазары сами не приготовляютъ тканей, то чѣмъ они одѣваются, приходитъ къ нимъ изъ южныхъ, прикаспійскихъ земель, изъ Греческой Имперіи или изъ другихъ сосѣднихъ странъ.

Государственные доходы состоятъ изъ пошлины, которую платятъ проѣзжіе и изъ десятины съ товаровъ на всѣхъ дорогахъ, ведущихъ въ столицу. Обитатели Хазарскаго царства даютъ подать натурой, съѣстными припасами, питьемъ и т. д. Монеты у Хазаровъ не было. Хазары—рабы всѣ—язычники, такъ какъ только язычники—Хазары продаютъ своихъ дѣтей въ рабство и держатъ рабовъ изъ своего народа; что же касается Хазаръ Христіянъ или Евреевъ или Магометанъ, то у нихъ запрещено обращать въ рабство своихъ единовѣрцевъ. Хазары—язычники имѣютъ обычай падать на землю предъ лицами, которымъ они обязаны почтеніемъ.

23. Письмо Испанскаго Еврея Хисдая-бенъ-Ишхака къ Хазарскому царю Іосифу. [1])

X вѣка.

(Въ началѣ письма Хисдай говоритъ объ своей родинѣ Андалузіи; объ ея пространствѣ, плодородіи, о родѣ царствующихъ тамъ Калифовъ, о своемъ положеніи при Калифѣ Абдерахманѣ 3-мъ о послахъ ,которые приходятъ къ Калифу отъ разныхъ государей).

---

1) Еврей Хисдай занималъ важное мѣсто при дворѣ Кордовскаго Калифа Абдерахмана (912—961), былъ однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ нему лицъ. Узнавъ, что на свѣтѣ существуетъ государство, въ которомъ господствуетъ еврейская вѣра, обрадованный Хисдай пожелалъ имѣть о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія и потому рѣшился написать письмо къ Хазарскому царю Іосифу.

«Цари разныхъ странъ, слыша о величіи и могуществѣ нашего царя, присылаютъ ему подарки: они стараются снискать его благосклонность драгоцѣнными приношеніями. Таковы цари: царь Агикназскій, [1]) царь Гебаліянъ, они же-Аль-Цекалябъ, [2]) царь Костантинэ [3]) и другіе. Черезъ мои руки приходятъ, къ нашему царю приношенія сихъ царей и возмездія за оныя получаютъ они черезъ мои же руки. Уста мои преисполнены хвалы Богу небесному, который преклонилъ ко мнѣ свои щедроты не по моему достоинству, а единственно по безпредѣльной благости своей.

Всѣхъ присылаемыхъ съ подарками отъ разныхъ царей я имѣлъ обыкновеніе распрашивать о братьяхъ нашихъ Израильтянахъ, уцѣлѣвшихъ въ изгнаніи: не слыхали ли они о свободномъ гдѣ либо состояніи спасшихся Израильтянъ, которые вездѣ изнемогаютъ въ порабощеніи и нигдѣ не находятъ спокойнаго для себя прибѣжища. Наконецъ, присланные изъ Хорасана, люди, занимающіеся торговлей, довели до моего свѣденія, что есть на земли независимое царство Іудеевъ, называется же оно Алькозаръ. Сначала я не вѣрилъ ихъ словамъ. Я думалъ: они говорятъ это, чтобы мнѣ понравится, чтобы быть ближе ко мнѣ. Это извѣстіе томило меня и не давало мнѣ покоя. Потомъ, прибыли къ намъ послы изъ Костантинэ съ приношеніями и съ грамотою отъ ихъ царя къ царю нашему. Я спросилъ ихъ о подлинности дошедшаго до меня извѣстія и они подтвердили, что это извѣстіе вѣрно, что дѣйствительно имя царства Іудеевъ—Алькозаръ. Отъ нихъ я узналъ, что царство Костантинэ отстоитъ отъ этого царства Израильтянъ на пятнадцать дней морскаго пути; но, «ежели ѣхать отъ насъ къ нимъ сухимъ путемъ» говорили они мнѣ, «то между нами и между ними находится въ промежуткѣ много народовъ. Имя царя, управляющаго этими Израильтянами,—Іосифъ. Изъ страны ихъ приходятъ къ намъ корабли, и привозятъ намъ рыбу, мѣха и вообще всякаго рода товары. Они живутъ въ дружбѣ съ нами и имѣютъ большой вѣсъ и уваженіе въ нашей землѣ: отъ насъ къ нимъ и отъ нихъ къ намъ посылаются посольства и подарки. Эти Израильтяне могущественны и сильны: войска ихъ, въ случаѣ надобности, вы-

---

2) Агикназъ въ языкѣ писанія называется сѣвероазіятскій народъ, обитавшій не далеко отъ Арменіи. Раббины среднихъ вѣковъ этимъ именемъ называютъ—Нѣмцевъ.

3) Цекалябъ, иначе Склябъ—Славяне. Этими именами называютъ Славянъ и арабскіе писатели Ибнъ Хаукалъ и Массуди.

4) Костантинэ вѣроятно—Константинополь.

ступаютъ въ поле. «Какъ услышалъ я эти слова,—преисполнился бодрости, мои мышцы укрѣпились, надежда воскресла во мнѣ: я упалъ на землю и поклонился Богу небесному.

Послѣ этаго я старался отыскать надежнаго человѣка, чтобы послать его въ землю вашу, чтобы удостовѣриться въ дѣйствительности дошедшихъ до меня извѣстій и вмѣстѣ съ тѣмъ узнать о здравіи и о благоденствіи Государя моего-царя и его подданныхъ, братій нашихъ, но это дѣло было непмовѣрно трудно по причинѣ дальняго разстоянія. Наконецъ, Святый (благословенъ Онъ, въ рукѣ котораго—благость ко мнѣ) послалъ ко мнѣ человѣка, по имени Маръ Ицхакъ сынъ Натановъ. Этотъ человѣкъ подвергъ опасности свою жизнь [1]) и принялъ на себя отправиться съ моимъ писаніемъ къ Государю моему царю. Щедрымъ возмездіемъ я наградилъ этаго человѣка: онъ получилъ отъ меня золото и серебро на собственныя свои издержки, на издержки его прислуги и вообще на все нужное въ дорогѣ. Кромѣ того изъ казны моей я вручилъ ему драгоцѣнный подарокъ для царя Костантинэ, и убѣдительно просилъ сего послѣдняго принять моего посланнаго подъ свою защиту и дѣлать ему всѣ нужныя пособія до тѣхъ поръ, пока онъ достигнетъ къ тому мѣсту, гдѣ обитаетъ государь мой.

Такимъ образомъ, этотъ мой посланный, прибывъ въ Костантинэ, предсталъ предъ тамошнимъ царемъ и отдалъ ему мое писаніе и мой подарокъ. Царь Костантинэ обласкалъ моего посланнаго, который пробылъ у него около шести мѣсяцевъ вмѣстѣ съ послами нашего государя, царя Кортубы. Въ одинъ день онъ отправлялъ ихъ обратно: въ это же время отправилъ онъ обратно и моего посланнаго, снабдивъ его написанною отъ его имени ко мнѣ грамотою. Въ грамотѣ этой было слѣдующее: «разстояніе между нами и между ними.... [2]); народы же, находящіеся въ этомъ промежуткѣ, вооружены одинъ противъ другаго. Что же касается морскаго пути, то море, которое раздѣляетъ насъ бурно, и плавать по немъ возможно только въ извѣстное время года.» Когда я услышалъ это, грустно мнѣ было до смерти, и невыразимо мучило меня то, что онъ неисполнилъ моей просьбы, и не сдѣлалъ, какъ желалъ я. Тоска

---

1) Подвергъ опасности свою жизнь,—былъ готовъ на всѣ опасности, не страшился никакихъ опасностей. Должно разумѣть, что тутъ не говорится собственно о какой либо опасности, но представляется неустрашимость посланнаго.

2) Во французскомъ переводѣ, сдѣланномъ Кармоли, сказано: «Сухой путь къ нимъ опасенъ, народы при немъ живущіе находятся въ враждѣ между

моей души увеличилась и горесть моя удвоилась противъ прежняго.

Послѣ этаго я рѣшился было отправить мое писаніе къ Государю моему черезъ Ерушаляймъ, градъ святой. Мнѣ ручались нѣкоторые Израильтяне въ томъ, что мое писаніе будетъ доставлено изъ ихъ земли въ землю Нэцибовъ [1]), оттуда въ Арменію, изъ Арменіи въ Баръада, [2]) изъ Баръада наконецъ въ ваше государство. Прежде чѣмъ я передумалъ объ этомъ, вошли ко мнѣ послы царя Гебаліянъ, вмѣстѣ же съ ними-два Израильтянина. Имя одного-Маръ Шауль, имя другого—Маръ Есэфъ. Слыша о моей тоскѣ, они меня утѣшили и сказали мнѣ, «дай намъ твое письмо, мы передадимъ оное царю Гебаліянъ. Изъ уваженія къ тебѣ онъ отправитъ твое письмо къ Израильтянамъ, обитающимъ въ землѣ Гунгарянъ, [3]) Гунгаряне перешлютъ его въ Русь, отсюда же оно перейдетъ въ Булгаръ, [4]) и такимъ образомъ, сообразно съ твоимъ желаніемъ, оно дойдетъ туда, куда ты самъ хочешь.»

Испытывающій сердца и вѣдающій сокровеннѣйшія помышленія человѣка знаетъ, что дѣлая все это, я не имѣлъ въ виду никакихъ личныхъ моихъ выгодъ, а только желалъ удостовѣриться въ истинѣ, узнать: дѣйствительно ли есть на землѣ мѣсто, на которомъ горитъ еще свѣтильникъ и цвѣтетъ независимое царство у изгнанныхъ Израильтянъ, что никто не притѣсняетъ ихъ тамъ и не распоряжается ими. Будь я вполнѣ убѣжденъ,что это дѣйствительно такъ, я презрю всѣ мои почести, оставлю все мое величіе, брошу мое семейство, и пойду черезъ горы, и холмы, сушей и моремъ, доколѣ дойду наконецъ до того мѣста, гдѣ обитаетъ мой государь, чтобы созерцать его величіе и степень высокую его достоинства и положеніе его подданныхъ, и положеніе приближенныхъ его и міръ спасеннаго Израиля. Драгоцѣннымъ блескомъ красы его величія засіяютъ тогда мои глаза, сердце мое вострепещетъ торжествомъ радости, уста мои преисполнятся хвалы Богу, не отъявшему благость свою отъ смиренныхъ своихъ.

Теперь, ежели благоугодно царю, и ежели онъ обратитъ вниманіе на желанія его слуги, то да возымѣетъ цѣну душа моя предъ нимъ, и да повелитъ онъ писцамъ, исправляющимъ эту должность предъ лицемъ его, написать къ своему слугѣ отвѣтъ, который бы дошелъ до меня изъ страны дальней, да благоволитъ пояснить мнѣ также, при этомъ, корень самаго дѣла, пер-

---

) Что такое за народъ Нэцибы, неизвѣстно.

2) Баръада или Бардаа. См. выше.

3) Гунгаронъ—Венгры или Угры.

выя основанія его: какими судьбами состоялись владѣнія Израиля на томъ мѣстѣ?

И потомъ Хисдай еще проситъ царя отвѣтить: какъ велико число его подданныхъ и войска, количество взимаемыхъ податей, порядокъ въ наслѣдіи престола, имена его предмѣстниковъ, народный языкъ, порядокъ судопроизводства; наконецъ, съ какими народами онъ сосѣдитъ. 1)

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА
им. А. С. Пушкина
№

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 1972 г.

1) Письмо это издано въ 1660 году, въ Базелѣ, Іоганомъ Буксторфомъ (Buxtorf) въ еврейскомъ подлинникѣ, съ латинскимъ переводомъ; на французскомъ языкѣ существуютъ переводы Баратье: (18 ст.) и Кармоли (Carmoly: Itineraires de la Terre Sainte, Bruxelles, 1847.) Отрывокъ изъ него на русскомъ языкѣ въ переводѣ г. Коссовича (См. Сборникъ Историческихъ и Статистическихъ свѣденій о Россіи т. I, стр. 186). Мы пользовались послѣднимъ. Существуетъ также и отвѣтъ царя хазарскаго Хисдаю, но большая часть ученыхъ считаетъ его вымышленнымъ произведеніемъ какого нибудь Еврея позднѣйшаго времени. См. Чтенія Московскаго Общества Исторіи и Древностей Росс., 1840 г., № 6, гдѣ этотъ отвѣтъ помѣщенъ въ русскомъ

ENGINEERING

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВАГО ОТДѢЛА.

Стр.

Предисловіе 1

I.

ЗЕМЛЯ.

1. Природа Скиѳіи. *Геродотъ* 7
2. Природа Русской государственной области. *Соловьевъ* .
3. Главные рѣчные пути въ древней Руси. *Несторъ* . . 10
4. Путешествіе по Варяжскому пути. *Константинъ-Порфирородный* 18

II.

НАРОДЫ ДРЕВНЕЙ РОССІИ

ПРЕДЪ НАЧАЛОМЪ ВЪ НЕЙ ГОСУДАРСТВА.

Славяне.

5. Древнѣйшее положеніе Славянъ въ Европѣ. *Палацкій* . 18
6. Распространеніе Славянъ. *Шафарикъ*. 22
7. Образъ жизни, обычаи и нравы Славянъ. *Извѣстія писателей* 6-го—12 в. 27
8. Восточные Славяне. *Несторъ* 40
9. О языческой религіи Славянъ. *Гильфердингъ* 45
10. Святилища и обряды языческаго богослуженія Славянъ. *Срезневскій* 49
11. Языческіе праздники Славянъ. *Костомаровъ* 56

Литовцы.

12. Природа языческой Литвы. *Шайноха* 67
13. Литовское племя. *Костомаровъ*. 71
14. Ятвяги. *Ярошевичъ*. 115

Финны.

15. Финское племя .*Древнѣйшія Извѣстія* 120
16. О первоначальномъ мѣстопребываніи Финновъ. *Кастренъ* 126
17. Очеркъ языческой религіи Финновъ. *Кастренъ* . . . 135

ТЮРКСКІЕ НАРОДЫ.

А.

Булгары.

18. Обзоръ политической исторіи Волжскихъ Булгаръ до 10-го вѣка. *Григорьевъ* 160
19. Обычаи и нравы Волжскихъ Булгаръ. *Ибнъ-Фоцланъ* 163
20. Торговля Волжскихъ Булгаръ. *Савельевъ* 166

Б.

Хазары.

21. Обзоръ политической исторіи Хазаръ. *Григорьевъ* . 182
22. Внутренній бытъ Хазарскаго царства. *Доссонъ* . . 193
23. Письмо Испанскаго Еврея Хисдая-бенъ-Ицхака къ Хазарскому царю Іосифу 199

КАРТА ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ВЪ ПОЛОВИНѢ IX ВѢКА.

ОПЕЧАТКИ:

Стр.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно читать.*
11	12.	но	по
11. Примѣчан. 6.	9	Таврячезкаго	Таврическаго
13.	39	Русси	Руси.
18	33	изчезающіе	исчезающіе
25	1	съ пими	съ ними
25	8	красвъ	краевъ
25	37	свон	свои
32	36	(теперь заросшій лѣсомъ въ Стибенскомъ округѣ Краковъ близъРаконицъ въ Чехіи).	теперь заросшій лѣсомъ въ Стибенскомъ округѣ (Краковъ близъ Раконицъ въ Чехіи)
41	8	мсжду	между
56	13	разполагали	располагали.
66	27	начачало	начало
67		свѣнцянскяго.	свѣнцянскаго
71	16	весго	всего
116	14	Однимъ	Однимъ
121	1	Мордева	Мордва
121	2	ещ	еще
121	35	путешественник	путешественника.
121 Примѣчан. 1.	2	онтъ	отъ
121 Примѣчан. 2.	6	ежитъ	лежитъ
124	17	разкладываютъ.	раскладываютъ
128	44	прекрас	прекрасныя
130	22	двугъ	другъ
131	37	странствущихъ	странствующихъ
131	41	переселитьтя	переселиться
135	13	народами	народами,
135	19	до,	до
152	17	однаждыды	однажды
157	26	Тагда	Тогда
157	39	Илмариненъ	Ильмариненъ
159	11	матеріалоаъ	матеріаловъ
160 Примѣчан. 1.	13	источничамъ	источникамъ

41 пол

862 г. Синеусъ и Труворъ умерли.

912 г. Олегъ умеръ Игорь

945–957 княжений Ольги.

955 г. по Р. Х. Ольга приняла Хри

958 — 972 княж. Святослава

972 г. Св. былъ убитъ.

958–972

$$\left(:3-2:2+\overset{2}{3}-2\right)+1$$

$$\frac{12}{12}\Big|\frac{3}{4}$$

$$\frac{2}{4}$$

$$\frac{4}{7}$$

Цѣна 85 коп. сер.